

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№4 2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета

И.А. Макаренко

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, проректор Уфимского университета науки и техники по учебно-методической работе (Уфа).

Члены редакционного совета:

Абашидзе Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Москва);

Г.М. Азнагулова

доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва);

С.Ж. Айдарбаев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Ф.Г. Аминев

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Л. Кристоф

доктор права, профессор Университета Перпеньян (Франция);

А.Н. Кузбагаров

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Липинский

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

В.П. Сальников

доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность» (Санкт-Петербург);

Н.А. Саттарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции, Казанский институт (Казань);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

О.М. Крылов

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.А. Эксархонупло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Г. Юсупов

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Х. Галиев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, заведующий кафедрой теории государства и права.

Выпускающий редактор

О.И. Макова, начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов

Н.М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений.

Технический редактор

А.В. Бабенкова

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ: Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Бредихин А.Л.

Концепция революционно-демократического государства в научном наследии В.Е. Чиркина..... 9

Раянов Ф.М.

Законы природы человека и их роль в образовании и развитии государства..... 15

Тимонин А.Н.

Принадлежал ли СССР к государствам АСП? 22

Филиппов О.А., Мамлеева И.В.

Искусственный интеллект: определение статуса в теории права и законодательстве..... 31

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Абаева Е.А.

Деятельность Президента Российской Федерации по руководству Правительством Российской Федерации и иными федеральными органами исполнительной власти: конституционно-правовой аспект..... 37

Гимазетдинов А.А., Юсупов Р.Г.

Анализ подходов к пониманию термина «процессуальное производство» 45

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Крылов О.М.

Валютный курс как цена денег в Российской Федерации 54

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

Ибатуллина Н.С.

Правовая охрана окружающей среды от загрязнения твердыми коммунальными отходами 61

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Козырева И.Е., Егорышева Е.А.

Некоторые аспекты работы по антитеррористической защищенности
для обеспечения безопасности образовательного процесса 70

Фарваев А.А., Юсупов Р.Г.

О некоторых проблемах правового регулирования
борьбы с наркоманией в современной России 77

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кострова М.Б.

Уголовно-процессуальные проблемы применения уголовно-правовой нормы
об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением
в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа 89

Шарипова А.Р.

Сближение административно-деликтного процесса с уголовным как пример
неудачной конвергенции 102

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Тулупова Е.О., Демидова Т.К., Васильев А.В., Юсупова Р.Р.

Нюрнбергский процесс как проявление международной солидарности
в борьбе с нацизмом 110

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Полстовалов О.В.

Искусственный интеллект и рационализация правоприменительной практики
в криминалистическом измерении 119

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Кузнецов Е.Н.

Мировые тенденции цифровизации исполнительного производства 126

Семёнова Е.Ю.

Особенности оказания бесплатной правовой помощи юридическими клиниками 133

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 4 (16)

2022

Published since 2018
Issued four per year

Founder

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

EDITORIAL COUNCIL:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Central Election Commission Chairman, Bashkir State University (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Vice-Rector for Academic Work, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

A.Kh. Abashidze

Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

G.M. Aznagulova

Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, (Moscow);

S.Zh.Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

F.G. Aminev

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R. Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Christophe Leroy

Doctor of Law, Professor, Université de Perpignan (France);

O.M. Krilov

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of State Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law and International Relations Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

V.P. Salnikov

Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and the Present», (Saint Petersburg);

N.A. Sattarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law, Russian State University of Justice, Kazan Institute (Kazan);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.G. Yusupov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Chair of State Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations Ufa University of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief****Farit Kh. Galiev**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Head of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;
Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Bredikhin A.L.

The Concept of a Revolutionary-Democratic State in the Scientific
Heritage of V.E. Chirkin..... 9

Rayanov F.M.

Laws of Human Nature and Their Role in the State Formation and Development 15

Timonin A.N.

Did the USSR Belong to the AMP States? 22

Filippov O.A., Mamleeva I.V.

Artificial Intelligence: Status Determination in Legal Theory and Legislation 31

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Abaeva E.A.

The President of the Russian Federation Activities in Management of the Russian
Federation Government and Other Federal Executive Bodies: Constitutional
and Legal Aspects 37

Gimazetdinov A.A., Yusupov R.G.

Analysis to Understanding of the Term «Legal Proceedings» 45

FINANCIAL LAW, TAX LAW, BUDGET LAW

Krylov O.M.

Exchange Rate as the Price of Money in the Russian Federation 54

LAND LAW; NATURAL RESOURCES LAW; ENVIRONMENTAL LAW; AGRICULTURAL LAW

Ibatullina N.S.

Legal Protection of the Environment from Pollution by Solid Municipal Waste 61

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Kozyreva I.E., Egorysheva E.A.

Some Aspects of Anti-Terrorism Protection
for the Security of the Educational Process 70

Farvaev A.A., Yusupov R.G.

On the Legal Regulation of the Drug Addiction Fight in Modern Russia 77

CRIMINAL PROCEEDING

Kostrova M.B.

Criminal and Procedural Problems of the Criminal Law Standards Application
on the Release of a Minor from Punishment with Placement in
a Special Closed Educational Institution 89

Sharipova A.R.

Approximation of the Administrative Tort Process with the Criminal One as
an Example of Failed Convergence 102

INTERNATIONAL LAW

Tulupova E.O., Demidova T.K., Vasiliev A.V., Yusupova R.R.

The Nuremberg Trials as a Manifestation of International Solidarity
against Nazism 110

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Polstovalov O.V.

Artificial Intelligence and Rationalization of Law Enforcement Practice
in the Criminalistic Dimension 119

CIVIL PROCEDURE, ARBITRAL PROCEDURE

Kuznetsov E.N.

World Trends in Digitalization of the Execution Proceeding 126

Semenova E.Yu.

Special Aspects of Providing Free Legal Assistance by Legal Clinics 133

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.1

Бредихин Алексей Леонидович

Санкт-Петербургский университет МВД России, axel_b@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В.Е. ЧИРКИНА

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает монографию В.Е. Чиркина «Революционно-демократическое государство современности», вышедшую в 1984 г., и анализирует концепцию революционно-демократического государства. Отмечается связь понятия революционно-демократического государства, предложенного В.Е. Чиркиным, с ленинскими идеями. Дается краткий анализ отдельных положений монографии. Делается вывод об оригинальности и актуальности постановки вопроса о революционно-демократическом государстве как переходном типе к социализму, а также отмечается колоссальный объем работы, проведенной В.Е. Чиркиным. Между тем констатируется, что данная тема для современной науки утратила актуальность, так как в большинстве бывших социалистических стран уже произошел обратный переход к капитализму.

Ключевые слова: В.Е. Чиркин, государство, демократия, революция, социализм, революционно-демократическое государство

Для цитирования: Бредихин А.Л. Концепция революционно-демократического государства в научном наследии В.Е. Чиркина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 4. С. 9–14. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.1.

Bredikhin Alexey Leonidovich

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

THE CONCEPT OF A REVOLUTIONARY-DEMOCRATIC STATE IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF V.E. CHIRKIN

Abstract. In the article, the author studies the monograph of V.E. Chirkin «Revolutionary Democratic State of Modernity», published in 1984 and analyzes the concept of the revolutionary-democratic state. The author reveals the concept of a revolutionary-democratic state, proposed by V.E. Chirkin, and associates it with Leninist ideas. A brief analysis of the individual parts of the monograph is given. The conclusion is made about the originality and actuality of the question on a revolutionary-democratic state as a transitional type to socialism for that period of time. The author notes the huge amount of work carried out by V.E. Chirkin. Meanwhile, it is stated that this topic is no longer relevant for modern science, because most of the former socialist countries went back to capitalism.

Keywords: V.E. Chirkin, state, democracy, revolution, socialism, Revolutionary-Democratic State.

For citation: Bredikhin A.L. The Concept of a Revolutionary-Democratic State in the Scientific Heritage of V.E. Chirkin. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 9–14. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.1. (In Russian).

Вениамина Евгеньевича Чиркина, видного советского и российского ученого-правоведа, знает не одно поколение юристов. Примечательно, что его творческое наследие не только заняло значимое место в советской правовой науке, но и стало концептуальной основой новой российской государственности.

За 95 лет жизни ученым было написано более 400 работ, в том числе несколько монографий, учебников и учебных пособий по теории государства и права и конституционному праву. Отдавая должное великому ученому, надо отметить, что основа его научного багажа подготовлена именно в советский период. Наиболее важные научные труды основаны на теории и практике существования социалистического государства и права, познанию которого они и были посвящены.

Отдельное внимание в настоящей статье хотелось бы уделить монографии В.Е. Чиркина «Революционно-демократическое государство современности», вышедшей в 1984 г.

Прежде всего, необходимо отметить, что данное произведение в значительной мере утратило актуальность для современной правовой науки, как были отвергнуты в 1990-е годы многие другие правовые учения о социалистическом государстве ввиду их идеологического противоречия с новой политической системой. Однако это не обесценивает анализируемый научный труд как достояние советской научной мысли, поскольку в тех условиях многие положения казались бесспорными и вполне жизнеспособными.

Уже во введении автор определяет предмет своего исследования и поясняет суть революционно-демократического государства как переходного к социалистическому, которое «обычно существует в течение непродолжительного срока в условиях революционной борьбы народных масс за установление полновластия рабочего класса и, как правило, представляет собой ту или иную форму организации революционно-демократической власти», а также «имеет неодинаковое классовое содержание в условиях различных стран» [1, с. 9–10].

Анализируя труды В.И. Ленина, В.Е. Чиркин приходит к выводу о том, что «Ленин рассматривал революционно-демократическое государство (независимо от уровня экономического развития страны) как "предсоциалистическое", которое в условиях углубления революции, перерастания ее в социалистическую, может развиваться, перерасти в государство диктатуры пролетариата» [1, с. 11]. Он делает вывод, что данные ленинские положения применимы и для изучения революционно-демократической государственности, возникшей «в наши дни» (имелся в виду период написания монографии).

Также автор отмечает, что «в данной работе речь идет не о всякой революционной демократии и не о любом революционно-демократическом государстве. Она посвящена исследованию различных форм государства, переходного к социалистическому типу, в условиях современной эпохи, открытой победой Великого Октября в России» [1, с. 12]. Социальной основой такого государства, по мнению В.Е. Чиркина, является сложившийся как определенное соотношение классовых сил блок разнородных классов и социальных слоев общества, которые выступают за глубокие социально-экономические и политические преобразования с перспективой перехода к социализму. Это государство также выражает «классовую волю» большинства населения, в отличие от буржуазного, которое представляет эксплуататорское меньшинство.

В первой главе, посвященной возникновению революционно-демократического государства, исследуется ленинская методология по данному во-

просу и особенности появления такого государства в странах различного уровня развития. Также здесь определяются формы возникновения революционно-демократического государства: «немирная и мирная народно-демократическая революция». Впрочем, отмечается условный характер различия этих форм, что подтверждается множеством практических примеров возникновения таких государств.

Во второй главе «Классовый характер революционно-демократического государства» рассматривается методология ленинского анализа власти в таком государстве, его типологическая характеристика и разновидности власти. Однако четкой типологии таких государств и разновидностей существующей в них власти не дается, отмечается многовариантность и условность существующих подходов. Здесь же рассматриваются функции революционно-демократического государства, отмечается их специфика и неполнота по сравнению с функциями состоявшегося социалистического государства. За основу для размышлений взята уже устоявшаяся теория функций социалистического государства [2].

Третья глава посвящена исследованию форм революционно-демократического государства, а именно выделяются их признаки, определяются государственные формы революционно-демократической диктатуры и политические формы таких государств. В целом в главе в значительно большей степени рассматриваются не теоретические модели называемых форм, а реальная практика государств, находившихся в стадии революционно-демократического государства. При этом различия революционной политической практики и юридических документов объясняют трудности в создании теоретической модели форм революционно-демократического государства.

В четвертой главе исследуется государственный аппарат анализируемых государств. В первую очередь делается справедливый акцент на «сломе старого и создании нового государственного аппарата» для революционно-демократического государства, что вполне очевидно. Это положение далеко не уникально, так как базируется на ленинской терминологии и дальнейшем ее толковании [3, с. 63–68]. Здесь же рассматриваются возможные варианты изменения в устройстве центральных и местных органов власти, органов суда и прокуратуры, чрезвычайных органов и вооруженных сил.

Пятая глава посвящена революционно-демократическому режиму, его понятию, признакам и разновидностям. Автор приспособливает термин «государственный режим» к характеристике революционно-демократического государства и дает определение революционно-демократического государственного режима: «государственный порядок в обществе (переходном к социалистическому), сложившийся в результате применения государственной властью методов убеждения для большинства населения и характери-

зующий меру социальной демократии в данной стране» [1, с. 238]. Выделяется несколько разновидностей исследуемого режима, в частности военный и гражданский.

В последней, шестой, главе исследуется революционно-демократическое право: его социальная природа, формы и механизм правового регулирования. Главной особенностью революционно-демократического права справедливо называется его несогласованность, связанная с тем, что одновременно действуют новые нормы и правовые акты прежнего периода (старые акты). Что касается форм (источников) права, то они типичны, но имеют особенности для той или иной страны.

В заключении В.Е. Чиркин обобщает результаты проведенного исследования и приходит к следующему выводу: «опыт различных стран свидетельствует, что основы учения о революционно-демократическом государстве, сформулированные много десятилетий тому назад, концепцию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства нельзя механически распространять на современные условия. Взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина являются методологической основой для анализа новых процессов современности, но не штампом для их оценки» [1, с. 277]. Далее отмечается, что «опыт развития революционно-демократических государств свидетельствует не только о завоеваниях народов, о позитивных сторонах такого государства, но и о сложностях развития, а иногда и неудачах».

Оценивая монографию В.Е. Чиркина, нужно отметить колоссальную аналитическую работу, посвященную исследованию революционно-демократических периодов различных социалистически ориентированных стран, их правовых основ и документов. Да и сама постановка вопроса очень оригинальна ввиду множества состоявшихся в XX в. переходов стран на социалистический путь развития и несомненного наличия переходного периода. Задача выявления общих черт этого переходного периода выглядит весьма закономерной и важной. Однако, как представляется, результатом исследования стало не создание единого концептуального учения о революционно-демократическом государстве, а выявленное значительное разнообразие форм и особенностей различных государств, которое не позволяет делать теоретические обобщения и упрощения весьма сложного и неоднозначного процесса. С позиции же сегодняшнего дня нам вполне понятна противоречивость всей концепции социалистического государства и идеи движения к коммунистическому обществу.

Крах большинства социалистических государств в конце 1980-х – начале 1990-х годов породил новую научную проблему – переходных постсоциалистических государств, которые имеют много общего с революционно-демократическими государствами, но обладают обратным вектором движения.

Список источников

1. Чиркин В.Е. Революционно-демократическое государство современности / В.Е. Чиркин. – Москва : Наука, 1984. – 294 с.
2. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства / Н.В. Черноголовкин. – Москва : Юридическая литература, 1970. – 215 с.
3. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства / М.И. Байтин. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1979. – 302 с.

References

1. Chirkin V.E. Revolutionary-Democratic State of the Present. Moscow: Nauka Publ., 1984. 294 p.
2. Chernogolovkin N.V. Theory of Functions of the Socialist State. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1970. 215 p.
3. Baitin M.I. Essence and Main Functions of the Socialist State. Saratov State University, 1979. 302 p.

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории
государства и права Санкт-
Петербургского университета
Министерства внутренних дел
России

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of History of
State and Law, Saint Petersburg
University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 06.11.2022.

The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 06.11.2022; accepted for publication 06.11.2022.

Научная статья

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.2

Раянов Фанис Мансурович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

rfm-2011@ya.ru

ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РОЛЬ В ОБРАЗОВАНИИ И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. До сих пор в теоретической юридической науке проблемы образования и развития государства трактовались с опорой на природу и характер экономических отношений, сформированных в соответствии с марксистско-ленинским учением о закономерностях общественного развития. Даже появились социалистические государства, ведущее место среди которых принадлежало Советскому Союзу. С его распадом строительство социалистических государств перестало быть актуальным, а перед нашей страной встала проблема поиска оптимальных путей ее дальнейшего развития. Более того, вопрос о том, в каком направлении следует развиваться Российской Федерации, с каждым днем все больше актуализируется. Статья нацелена на поиск и обоснование путей государственно-правового развития Российской Федерации применительно к современным условиям и вызовам.

Ключевые слова: закономерности развития человеческого общества, законы природы человека, общественное развитие и его закономерности, естественно-правовые закономерности развития человеческого общества, гражданское общество, правовое государство

Для цитирования: Раянов Ф.М. Законы природы человека и их роль в образовании и развитии государства / Ф.М. Раянов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 15–21. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.2.

Rayanov Fanis MansurovichUfa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
rfm-2011@ya.ru

LAWS OF HUMAN NATURE AND THEIR ROLE IN THE STATE FORMATION AND DEVELOPMENT

Abstract. To this day, in theoretical legal science, the problems of the state formation and development have been interpreted based on the nature of economic relations formed in accordance with the Marxist-Leninist doctrine of social development laws. Even socialist states appeared, with the Soviet Union as a leading member. With its break-up, the foundation of socialist states ceased to be relevant, and our country faced to the problem of finding optimal ways for its further development. Moreover, the question of the direction in which the Russian Federation should move is becoming more urgent every day. The article is aimed at finding the ways of state-legal development of the Russian Federation according to modern conditions and challenges.

Keywords: laws of human society development, laws of human nature, social development and its patterns, natural and legal patterns of human society development, civil society, rule-of-law state

For citation: Rayanov F.M. Laws of Human Nature and Their Role in the State Formation and Development. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 15–21. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.2. (In Russian).

В историческом плане закономерности развития человеческого общества фундаментально изменились с наступлением Нового времени, то есть когда человек начал чувствовать себя частью государствообразующего народа. Ведь в соответствии с ценностями Нового времени сначала формируется общество, а затем на базе этого общества создается или, точнее, учреждается государство с его многочисленными подразделениями [1]. Отсюда и поговорка: «Каково общество – таково и государство». Действительно, если поразмышлять, по-другому не может быть, ведь именно общество создает все материальные и духовно-нравственные предпосылки как для возникновения и развития, так и для содержания государственных органов, определяет общественно-нравственные основы для их оптимального функционирования.

Но, к большому сожалению, в России на протяжении всей ее истории взаимоотношения общества и государства не только строго не основывались на ценностях Нового времени, многие из этих ценностей до сих пор в нашей стране не восприняты. Например: «права и свободы человека являются высшей ценностью», «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», «гражданское общество», «правовое государство» и некоторые другие. В то же время самих обществоведческих преобразований в истории России было немало.

В качестве актуальности рассматриваемой темы нельзя не отметить и то, что страна уже более 30 лет живет в постсоветское время, однако до сих пор еще не выбрано твердое и понятное для граждан направление общественного развития. Порой даже кажется, что в нашей стране все еще преобладают мысли о необходимости объединения с кем-то и нахождения общего пути развития в будущем. Как нам кажется, общий путь – это что-то хорошее, но из прошлого, пережитого нами в советское время. Поэтому, чтобы выйти на рельсы подлинных постсоветских преобразований, нам необходимо свои теоретические рассуждения начинать не с советского периода или поиска общего развития с какой-то страной, а со времен формирования базовых правил совместной жизнедеятельности людей вообще.

Обращаться к базовым правилам совместной жизнедеятельности людей необходимо потому, что организация самой современной совместной жизнедеятельности людей в историческом плане органически взаимосвязана с естественно-правовыми законами природы человека, которые ведут свою историю еще с истоков зарождения самого человеческого рода. Ведь любое общественное развитие – это, прежде всего, развитие человека в общении с другими себе подобными сознательными существами, то есть людей между собой. Поэтому любая межчеловеческая общность, ее природа и сущностные параметры не могут быть безразличными тому, кто берется изучить вопросы, связанные с развитием общества. Вопросы о том, как складывалась общность людей, какими характерными чертами общества людей различного уровня отличаются друг от друга, как люди должны относиться к другим людям и к их мнению и т. д., были актуальны всегда и будут актуальны в будущем. Причем, по нашему мнению, естественно-правовые основы обществоведения сегодня должны интересовать представителей всех отечественных обществоведческих наук, а не только представителей теоретической правовой науки. Особенно эта проблема должна беспокоить науку, которая у нас в одно время называлась обществоведением [2].

Но, к сожалению, многие представители отечественных общественных наук, долгое время воспитывавшиеся на марксистско-ленинском учении об обществе, исходя из основополагающего значения категории «общественно-

экономическая формация», до сих пор очень смутно представляют подлинные естественно-правовые основы обществоведения. Так, с кем бы из числа более или менее считающих себя специалистами в области обществоведения ни приходилось вести разговоры на эту тему, мы почти всегда сталкивались с непониманием того, о чем идет речь. Более того, многие даже уточняли: «Может быть, вы хотите спросить о том, в каком обществе мы живем и кто нами в нашей стране управляет?» При этом начинают говорить о президенте, премьер-министре, министрах и т. д. Короче говоря, люди очень даже неплохо видят государство, его служащих, но совершенно не видят общество, которое по всем философско-теоретическим канонам должно образовать и содержать это государство. Даже подсказка о том, что если люди не работают на налоги, то и государство содержать будет не на что, не выводит многих из них на понимание объективной зависимости государства от состояния самого сообщества людей, то есть общества.

Как нам представляется, проблема здесь, по всей вероятности, заключается в том, что в нашей стране до сих пор не сформированы подлинные институты гражданского общества снизу и доверху. В частности, мы все еще живем практикой районирования, которая была в нашей стране еще в советские годы, и от нее до сих пор не можем перейти к практике организации политических общин, которые функционируют во многих западных странах еще с периода Нового времени. Между тем, как подчеркнул на встрече с историками Президент РФ В.В. Путин, история России является неотъемлемой частью мировой истории, а культура России – такой же частью европейской культуры. Поэтому, по мнению президента, «просто надо, чтобы специалисты распределили, как изучить, как показать значимость нашего вклада в мировую культуру». Немного погодя он добавил, что «нужно вписывать историю России в общий контекст мирового развития»¹. Представляется, что такое напутствие главы государства – хорошее подспорье для дальнейшего развития отечественных общественных наук, включая и теорию государства и права.

В связи с актуализацией вопроса о правильном взаимоотношении между обществом и государством представляется необходимым заметить, что все сказанное наблюдается в условиях, когда в соответствии с политической философией, политологией, правоведением, а также с некоторыми другими обществоведческими науками общество довольно часто и совершенно правильно признается первичным и даже приоритетным по отношению к государству явлением. Наука под названием «обществоведение», которая представляет собой именно науку во многих странах мира и занимается всеми научными об-

¹ Стенограмма встречи Путина с историками и представителями традиционных религий России [Электронный ресурс]. URL: Presidentorg/tekst/stenogramma-vstrecha-predstaviteljami-tradicionnyh-religii-04-112022/html (дата обращения: 18.09.2022).

ществоведческими вопросами, также отдает предпочтение обществу по сравнению с государством. А вот та дисциплина, которая в нашей стране называется обществознанием, не очень-то интересуется актуальнейшими обществоведческими проблемами. Интересным в этом отношении является пособие «Обществоведение. Граждановедение», которое было опубликовано в 2001 г. [3]. Причем название пособия не соответствует действующему Федеральному государственному образовательному стандарту по обществознанию.

Автор указанного пособия сначала рассуждает о государстве, семье и любви и лишь затем – о праве, экономике, правах человека, здоровье, человеке, образовании, детях, армии и обороне. Остается лишь удивляться тому, как такое бессистемное нагромождение тем и вопросов может составить целостное представление об обществоведении. К тому же, отвечая на вопрос о том, что собой представляет конституция, автор в разделе «Ответы» чего только не пишет, но при этом совершенно не исходит из положений действующей Конституции РФ. Например, на вопрос (в разделе о конституции) о том, кто такой президент, он отвечает: «Президент – сидящий впереди» [3, с. 87]. Тут же можно прочесть и такую, по нашему мнению, нигилистическую сентенцию о конституции: «есть страны, где конституции до сих пор нет. И на беспорядок при этом они не очень жалуются» [3, с. 87]. При таком подходе к конституции – основному источнику в курсе обществоведения, вряд ли эта дисциплина может научить школьников чему-то полезному в области организации общественной жизнедеятельности современных людей. Да и формированию современного общества в нашей стране такое отношение к обществоведению вряд ли приведет.

Вот именно такие представления об обществе и подходы к дисциплине «обществоведение» как раз и вызывают естественный вопрос: почему же люди, занимающиеся обществоведением, нередко, оперируя понятием «государство», критикуя его деятельность, совершенно не обращаются к обществу, к настоящим базовым принципам его организации? Да и вообще, почему даже в тематике обществоведения авторы различных учебных пособий значительно больше пишут о государстве, нежели об обществе? Но самое главное заключается в том, что, даже много рассуждая о государстве, во многих учебных пособиях по обществознанию их авторы до настоящей природы и сущности государства так и не доходят. Отсюда и возникают такие вопросы, какой, в частности, поставил журналист Е. Андурский: кто же является учредителем РФ?

Действительно, если бы в учебниках по обществознанию или, как мы предлагаем, обществоведению были бы правильно объяснены природа и сущность взаимоотношения общества и государства, а также законы природы человека, то такие нелепые вопросы вряд ли появились.

Сегодня в нашей стране особое значение приобретают так называемые законы природы человека. Дело в том, что отечественная теоретическая правовая наука до сих пор понятием «законы природы человека» не пользуется. О причинах того, почему у нас так получилось, мы уже написали – у нас господствовало и до сих пор продолжает оказывать существенное влияние на разрешение обществоведческих проблем марксистско-ленинское учение об общественном развитии, в котором места для законов природы человека не было. Да и все законы, согласно этому учению, принимались государственными органами и официально объявлялись, как будто они предназначены для удовлетворения в основном интересов рабочих и крестьян.

В целом, конечно, марксизм также не мог обходиться без понятия «закон справедливости». Однако марксизм понимает закон справедливости, как правило, как рукотворное явление, то есть как принимаемый какими-то государственными органами, а не как объективный закон самой природы человека. Причем, как рукотворный закон, в советское время он, как уже было отмечено, якобы принимался лишь для удовлетворения интересов рабочих и крестьян. Другие слои населения (учителя, врачи, религиозные служащие и т. д.) вообще выводились из категории «человек».

В общем, можно даже сказать, что понятие «закон природы человека» в советские времена вообще не был известен. На уровне обыденной практики кто-то связывал закон справедливости с гуманизмом советского законодателя, верующие связывали его с Богом, а кто-то относил его к заслугам безымянного народа и т. д. И сегодня об авторе закона справедливости и о природе этого закона в теоретической правовой науке не очень-то принято рассуждать.

Но, несмотря на все это, автор закона справедливости все же есть. Этот закон относится к числу естественных явлений, присущих человеку от его природы как единственному разумному существу на Земле. Более того, законов, присущих человеку от его природы, множество: уважительное отношение к старшим, женщинам, чужому мнению, детям, больным и т. д. Среди этих многочисленных законов природы человека как раз и выделяется основной – закон справедливости. Если до сих пор отечественная теоретическая правовая наука о законе справедливости как об основном законе природы человека умалчивала по отмеченным нами причинам, то сегодня эти причины сами постепенно уходят в историческое небытие.

Законы же природы человека в нашей постсоветской стране в ходе организации постсоветской общественной жизнедеятельности человека, напротив, с каждым годом лишь актуализируются. Поэтому и в нашей стране в процессе дальнейшего обществоведческого развития законы природы человека будут играть основную роль в организации нормальной жизнедеятельности граждан. Поэтому и мы, представители отечественной теоретической

правовой науки, должны с большим уважением и вниманием относиться к такому новому инструменту организации общественной жизни, как законы природы человека.

Список источников

1. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы : монография / Ф.М. Раянов. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 264 с.
2. Галиев Ф.Х. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект / Ф.Х. Галиев, Ф.М. Раянов. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2018. – 292 с.
3. Драхлер А.Б. Обществоведение. Граждановедение / А.Б. Драхлер. – Москва : Владос-пресс, 2001. – 192 с.

References

1. Rayanov F.M. Philosophy of Law: Discursive Analysis and New Conclusions. Moscow, Yurлитinform Publ., 2017. 264 p.
2. Galiev F.Kh., Rayanov F.M. Social Science in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect. Ufa, Bashkirskaia enciklopediya Publ., 2018. 292 p.
3. Drakhler A.B. Social Science. Civics. Moscow: Vlados-press Publ., 2001. 192 p.

Информация об авторе

Раянов Фанис Мансурович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Уфимского университета науки и технологий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан

Information about the Author

Rayanov Fanis Mansurovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Ufa University of Science and Technologies, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan

Статья поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

Научная статья

УДК 340.128:340.158

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.3

Тимонин Анатолий Николаевич

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

timonin.anatoly2011@yandex.ru

ПРИНАДЛЕЖАЛ ЛИ СССР К ГОСУДАРСТВАМ АСП?

Аннотация. Вопросы «кто мы?», «откуда мы и куда идем?» с завидной регулярностью звучат сегодня из уст не только профессиональных ученых, но и популярных тележурналистов. Без ответов на них решить проблемы типологической принадлежности Союза ССР не представляется возможным. «Прорабы перестройки» оставили после себя одни лишь «тощие абстракции», выраженные аббревиатурой АБС или же АКС. Изменилась ли сколько-нибудь существенно ситуация в этой сфере познания в наши дни? Не претендуя на истину в последней инстанции, необходимо заново рассмотреть основные варианты отмеченной проблемы, включая и такой экзотический, как «азиатская» атрибуция СССР. Методы: интерпретации, исторический, логический, проблемно-теоретический, сравнительный, текстологический. Результаты: необходимо избавиться от давно устаревших штампов, в соответствии с которыми прообразы некогда всесильного государства, облеченного тотальной властью, надо искать на Древнем Востоке, а также и от тех стереотипов, согласно которым не только весь Восток, но и наша страна выглядит обителью вечного деспотизма. Необходимо также преодолеть механицистские представления об обществе, государстве, праве и человеке.

Ключевые слова: СССР, социализм, АСП, деспотизм, восточная деспотия, государство АСП, империя

Для цитирования: Тимонин А.Н. Принадлежал ли СССР к государствам АСП? / А.Н. Тимонин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 22–30. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.3.

Original article

Timonin Anatoly Nikolaevich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,

timonin.anatoly2011@yandex.ru

DID THE USSR BELONG TO THE AMP STATES?

Abstract. The questions «Who are we?», «Where are we from and where are we going?» with enviable regularity are heard today from the lips of not only professional scientists, but also popular TV journalists. Without answers to them, it is impossible to solve the problems of typological affiliation of the USSR. «The foremasters of perestroika» left behind only «skinny abstractions» expressed by the abbreviation ABS or ACS. Has the situation in this sphere of knowledge changed significantly in our days? Without pretending to the truth in the last instance, it is necessary to reconsider the main variants of the noted problem, including such exotic, as «Asian» attribution of the USSR. Methods: interpretations, historical, logical, problem-theoretical, comparative, textual. Results: it is necessary to get rid of the old clichés, according to which the prototypes of the leviathan state, with the total power, should be found in the Ancient East, as well as those stereotypes, according to which not only the whole East, but our country also looks like the home of eternal despotism. It is also necessary to overcome mechanistic notions about society, state, law and man.

Keywords: USSR, socialism, AMP, despotism, eastern countries, state of AMP, empire

For citation: Timonin A.N. Did the USSR Belong to the AMP States? *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 22–30. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.3. (In Russian).

Прежде всего, уточним терминологию. «Реальный социализм», «социалистическое государство» и «социалистическое право» – все то, что существовало в СССР вплоть до его гибели, имело мало общего с доктринальным марксизмом. Для полной и окончательной победы социализма необходимы соответствующие предпосылки, что хорошо понимал В.И. Ленин. Но его видение проблемы сводилось к тому, чтобы «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [1, с. 381]. На деле вместо предпосылок у

В.И. Ленина фигурировала одна лишь цель построения социализма. Ее-то ни в 1917 г., ни позже достичь не удалось.

Коль скоро ни экономических, ни культурных предпосылок для утверждения социализма в нашей стране не сложилось, то определение советского общества в качестве «социалистического» совершенно неприемлемо. Что же касается АСП, то его суть сводится к довольно простой формуле: государство + община. Теперь такого рода способ производства находят буквально повсюду, а не только в Азии.

Считается, что так называемое социалистическое государство и право – закономерный результат «социалистической революции». Если же социализма не было, то была ли социалистическая революция? Нет. В Октябре 1917 г. в России произошла не «социалистическая», а какая-то иная революция – то ли пролетарская, то ли рабоче-крестьянская или же «евразийская» – оставим окончательное решение данного вопроса специалистам других научных специальностей. Важнее получить ответ на другой вопрос: какое государство, какое же право возникло в результате этой революции?

Если верить Г.В. Плеханову, то «совершившаяся революция» привела к «политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи ... на коммунистической подкладке» [2, с. 323]. Другого государства кроме имперского, во многом тождественного «обновленному царскому деспотизму», по мысли ведущего русского марксиста, противника преждевременной революции, в России начала XX в. появиться не могло. Именно такой прогноз прозвучал из его уст в далеком 1885 г., высказанный в полемике с радикальными народниками, всеми силами продвигавшими «социалистическую» революцию задолго до Октября 1917 г. Иначе и быть не могло в стране без продвинутой европеизации и развивавшейся, подобно государствам Востока, от империи к империи и от деспотизма к деспотизму.

Такого рода взгляд на Россию, как на страну чуть ли не вечного деспотизма, слабо выраженного в киевский период и проявившегося в полную силу в период московский, Г.В. Плеханов схематично продвигал из работы в работу. В одном из своих основных трудов – «История русской общественной мысли», – полемизируя то с Н.П. Павловым-Сильванским, то с С.М. Соловьевым, то с В.О. Ключевским и другими авторами, он указывал на ряд особенностей русского исторического процесса, напоминавших ему «процесс развития великих восточных деспотий» [3, с. 12].

Георгий Валентинович в своих работах, написанных в конце XIX – начале XX в., в известной мере предвосхитил К.А. Виттфогеля, который много позже стал сближать советскую Россию с государствами азиатского способа производства. Вспоминая о тех событиях и процессах, которые, по логике самого В.И. Ленина, должны были гарантировать неизбежное преобразова-

ние буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую осенью 1917 г., К.А. Виттфогель подразделил их на две гарантии: «абсолютную» и «относительную». К первой он относил «победу социализма на высокоиндустриальном Западе», а ко второй – «строгое поддержание демократического контроля над новым революционным правительством (ни бюрократии, ни армии, ни полиции)». Поскольку ни того, ни другого не произошло, то ни в Октябре 1917 г., ни позже большевикам не удалось предотвратить «превращение долгожданной русской революции в азиатскую реставрацию». Виттфогель констатировал факты, очевидные и сегодня: «После Октябрьской революции в великих индустриальных странах Запада социалистическая революция не произошла, и советский режим быстро создал новую бюрократию, постоянную армию и полицию» [4, р. 438–439]. В подобных условиях Советская Россия не могла быть и не была социалистическим государством.

Такой вывод был очевидным как для первого русского марксиста-теоретика, так и для бывшего активного члена германской компартии К.А. Виттфогеля. Столь же явственным для них было и утверждение деспотического режима в стране Советов. Конечно же, коммунистических начал в новоявленной империи было явно не достаточно для того, чтобы рассуждать о победе в ней какого-либо «коммунизма» или «социализма». Зато недооценка права и даже юридический нигилизм громко заявили о себе с первых же шагов советской власти. Достаточно вспомнить характерное признание одного из отцов-основателей советской теории права П.И. Стучки, вынужденного откровенно заявить: «Может быть, это и дурная привычка каждой книге предпосылать еще предисловие автора. Но я скажу откровенно: я пишу предисловие к своей книжке по той простой причине, что считаю необходимым сказать несколько слов в ее защиту, ибо боюсь, что без этого никто не станет читать в нынешнее высоко-революционное время рассуждения о таких "контрреволюционных" предметах, как о праве» [5, с. VII].

Но достаточно ли одной лишь констатации «азиатской реставрации» для отождествления СССР с государством АСП? Говоря о самом термине «азиатский способ производства», стоит вспомнить о том, что впервые он появился у Маркса в работе «К критике политической экономии»: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [6, с. 7]. Однако ни в этой работе, ни в последующих трудах ни Марксу, ни Энгельсу не удалось разработать сколько-нибудь полную и завершенную концепцию азиатского способа производства.

Советским ученым Л.С. Васильеву и Ю.И. Семенову – сторонникам творческого марксизма [7; 8], а также их критикам удалось выявить основ-

ные признаки АСП. К ним следует отнести: полное отсутствие на Востоке частной собственности на землю и такое же полное господство собственности государственной. Монопольное господство государственной собственности предполагает монопольную роль государственной эксплуатации. Признак третий – ирригация. Коль скоро сам Маркс сохранил память о том, что Древний Израиль и его ближайшие соседи веками страдали от засухи, коль всем этим странам веками приходилось культивировать орошаемое земледелие, то система хозяйства в этом регионе без ирригации существовать не могла. Признак четвертый – государство на всем Востоке и даже в нашей стране, по мысли классиков марксизма, не могло не быть деспотическим. Так, Энгельс в «Анти-Дюринге» по этому поводу писал: «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России» [9, с. 186].

По мысли К. Маркса, восточный деспотизм возникает на основе ущербного базиса, ибо ему изначально недостает товарообмена. Ущербным он выглядел на фоне полноценного базиса Запада, немыслимого без обменных отношений. Такой базис графически выглядит иначе, напоминая собой квадрат Малевича, но в первоизданном виде, будучи абстракцией, лишен не только черной, но и какой-либо другой окраски. Если же графически изобразить экономическую основу государств Востока, то на роль фигуры черного цвета может претендовать только пресловутый треугольник.

Освещая историческое развитие государств Востока, Маркс, похоже, не пожалел черной краски, чтобы на их мрачном фоне как можно ярче оттенить «светлый» облик государств античного и средневекового Запада. Ибо там сфера товарообмена представляет собой «настоящий эдем прирожденных прав человека» [10, с. 182]. Такой обмен «выступает как юридическое отношение, то есть признается всеобщим условием производства». И потому «признается в качестве закона, выступает как изъявление всеобщей воли» [11, с. 506–507]. При этом забвению им были преданы и Великий шелковый путь, по которому веками передвигались китайские торговцы, и торговая специализация его далеких предков – этнических евреев, оказавшихся пленниками древнего Вавилона. Отрицая наличие товарообмена на всем Востоке, Маркс, по сути дела, самым существенным образом расширял здесь сферу жуткого произвола, отказываясь замечать правовую жизнь самых древних государств Земли. Оставил он без внимания даже знаменитые законы царя Хаммурапи, в которых, наряду с государственной собственностью, упомянуты и частное землевладение, весьма близкое по своему характеру к частной собственности, и частное рабовладение.

Деспотизм возникал там и тогда, где и когда появлялось всеобщее политико-правовое бесправие. Его синонимом выступает «поголовное рабство» [11, с. 485]. Данное обстоятельство хорошо понимал Г.В. Плеханов, дискутируя с В.О. Ключевским по поводу сходства/различия Московии с деспотиями Востока в плане взаимоотношений между государством и населением. Настаивая на принципиальном сходстве между ними, он, в частности, отмечал, что «их жители уравнивались между собой своим бесправием по отношению к государю: богдыхану, фараону, шаху, султану и т. п.» [3, с. 243].

Не мог оставить безо всякого внимания этот признак и К.А. Виттфогель, пытавшийся разграничить деспотизм аграрный и промышленный. И в том и в другом случаях он наблюдал сочетание политического полновластия и контроля над обществом. Но в древних обществах их управляемость государством была слабее, нежели в обществах индустриальных, а социальный и интеллектуальный контроль над ними не был полным. И только для деспотизма промышленного характерно сочетание тотальной власти – «полностью развитого и полностью управляемого аппаратом общества» и тотального же социального и интеллектуального контроля. Поэтому тот самый признак, который Маркс применял для обозначения высшей степени угнетенности древневосточных обществ, гораздо уместнее использовать для общества промышленного, но всецело подконтрольного партийно-государственному аппарату. В итоге К.А. Виттфогель приходит к выводу о том, что «Октябрьская революция, какие бы цели она ни преследовала, породила основанную на промышленности систему всеобщего (государственного) рабства» [4, р. 441].

В поисках термина, призванного отразить типологическую принадлежность советского общества, Виттфогель заново изучил всю марксистскую терминологию, но это не принесло желаемого результата. Словно предвосхищая научные споры перестроечной и постперестроечной поры, Виттфогель ясно дал понять, что термины «неофеодализм» или же «государственный капитализм», популярные в научной среде и поныне, совершенно не подходят для этой цели. Первый слишком тесно ассоциируется с политико-правовой раздробленностью, совершенно не соответствующей сталинской сверхцентрализации. Второй же немыслим без частной собственности и рыночных отношений. Поэтому ему пришлось довольствоваться весьма неутешительным выводом: «Это новое аппаратное общество не получило наименования» [4, р. 441].

Нельзя сказать, что в новых исторических условиях никто из отечественных ученых не пытался восполнить данный пробел. Напротив, одна из самых плодотворных попыток в области познания не так давно была предпринята Ю.И. Семеновым. Изучив данную проблему на монографическом уровне, он не только предложил новый термин – «неополитаризм», «неополитарный

строй», – но и развернул обозначаемое им понятие в целую концептуальную систему [8]. Ее подробное рассмотрение заслуживает специального монографического анализа и потому выходит за рамки настоящей статьи.

Отметим лишь, что деспотия даже в древности представляла собой своеобразную реакцию на глубочайший кризис, в котором периодически оказывалось то или иное «перезрелое» восточное общество. И в этом плане она представляла собой скорее исключительное явление, нежели всеобщее и повсеместное. Государство, обладающее многочисленным и разветвленным чиновничьим аппаратом, реализующим тотальную слежку – большая редкость в истории. Авторитарные государства без вышеуказанных признаков правильнее относить не к деспотиям, а к государствам с тираническим режимом (тираниям).

Насколько далека реальная картина государственно-правового развития Древнего Востока от устоявшихся стереотипов, на примере древнего Шумера показал С. Крих. По его словам, «ни казарм, ни всеильной бюрократии, ни остановившейся социальной мобильности обнаружить в древнем Шумере не удастся». На этом примере мы убеждаемся в том, что перед нами очередной «миф о всепоглощающем и обреченном бюрократическом государстве, чье происхождение уходит корнями в начала истории» [12, с. 262, 284].

Важно не только избавляться от давно устаревших штампов, в соответствии с которыми прообразы некогда всеильного государства, облеченного тотальной властью, надо искать на Древнем Востоке, но и от тех стереотипов, согласно которым не только весь Восток, но и наша страна выглядят обителью вечного деспотизма. Необходимо преодолевать механицистские представления об обществе, государстве, праве и человеке. Мало кто сегодня решится, подобно Ленину, настаивать на том, что общество – это «большая фабрика», то есть скопление машин и механизмов. Или же на том, что государство – это «орудие, инструмент классового господства» и не более того. Вряд ли ныне кто-либо согласится с тем, что право – это «инструмент – инструмента». Еще более нелепо будут выглядеть те, кто, как и Сталин, будут твердить россиянам: «Люди – винтики». Проблема состоит в том, что идеологи из прямо противоположного лагеря, на словах отказавшись от антигуманных воззрений коммунистических вождей, и сегодня готовы возводить любезные их сердцу государственно-правовые конструкции, не считаясь с отсутствием необходимых для этого предпосылок. Регулярные призывы из уст отечественных либералов, настаивающих на немедленной реализации либерально-демократических положений, содержащихся в Конституции 1993 г., звучат и поныне. Налицо большевизм наизусть, когда доморощенные либералы выражают свою готовность конструировать из наших сограждан любую государственно-правовую модель, будь то государственность

континентальная или же англосаксонская, не считаясь ни с историческими особенностями нашей страны, ни с отсутствием в современной России необходимых для такого рода моделей предпосылок.

Список источников

1. Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1970. – Т. 45. – С. 378–382.
2. Плеханов Г.В. Наши разногласия / Г.В. Плеханов // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения : в 5 т. – Москва : Госполитиздат, 1956. – С. 115–370.
3. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли / Г.В. Плеханов / под ред. и с предисл. Д. Рязанова. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1925. – 363 с.
4. Wittfogel K.A. Oriental despotism: A comparative study of total power. – New Haven and London : Yale university press, 1967. – 584 p. URL: [https:// archive.org/details/KarlAugustWittfogel-OrientalDespotism](https://archive.org/details/KarlAugustWittfogel-OrientalDespotism).
5. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве / П.И. Стучка. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – Москва : Соцакадемия, 1924. – 140 с.
6. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 1–167.
7. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: (формирование основ социальной структуры и политической администрации) / Л.С. Васильев. – Москва : Наука, 1983. – 326 с.
8. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России / Ю.И. Семенов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : URSS, 2011. – 375 с.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 5–338.
10. Маркс К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 3–794.
11. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1968. – Т. 46. – С. 461–508.
12. Крих С. Плановая экономика от Шумера до Советского Союза: судьба древней империи глазами современных историков / С. Крих // Ab Imperio. – 2015. – № 3. – С. 255–291.

References

1. Lenin V.I. About Revolution (on the Notes of N. Sukhanov). In Lenin V.I. Complete Works. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 45, pp. 378–382. (In Russian).
2. Plekhanov G.V. Our Disagreements. In Plekhanov G.V. Selected Philosophical Works. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1956. pp. 115–370. (In Russian).
3. Plekhanov G.V.; Ryazanov D. (ed.). History of Russian Social Thought. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. 363 p.
4. Wittfogel K.A. Oriental despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven and London, Yale university press Publ., 1967. 584 p. Available at: <https://archive.org/details/KarlAugustWittfogel-OrientalDespotism>.
5. Stuchka P.I. The Revolutionary Role of Law and the State. General Doctrine of Law. 3rd ed. Moscow, Socakademiya Publ., 1924. 140 p.
6. Marx K. Critique of Political Economy . In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959, vol. 13, pp. 1–167. (In Russian).
7. Vasiliev L.S. Problems of Genesis of the Chinese State:(Formation of Bases of Social Structure and Political Administration). Moscow, Nauka Publ., 1983. 326 p.
8. Semenov Yu.I. Polity («Asian») Mode of Production: Essence and Place in the History of Mankind and Russia. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2011. 375 p.
9. Engels F. Anti-Dühring. In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 20, pp. 5–338. (In Russian).
10. Marx K. Capital. In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 23, pp. 3–794. (In Russian).
11. Marx K. Forms Preceding Capitalist Production. In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 46, pp. 461–508. (In Russian).
12. Krikh S.B. Planned Economy from Sumer to the Soviet Union: the Fate of the Ancient Empire in the Eyes of Modern Historians. *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 255–291. (In Russian).

Информация об авторе

Тимонин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права

Information about the Author

Timonin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 17.12.2022.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 17.12.2022.

Научная статья

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.4

Филиппов Олег Александрович¹, Мамлеева Инга Валерьевна²

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, fil.o1020@mail.ru

²Научно-производственная фирма «Экситон-автоматика», Уфа, Россия, mamleeva_inga@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА В ТЕОРИИ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье проведен анализ правового статуса искусственного интеллекта. Поставлен вопрос о необходимости определения границ правосубъектности искусственного интеллекта, формирования новых стратегий и нормоустановлений в правовом регулировании общественных отношений, складывающихся по поводу использования искусственного интеллекта, создания концепции ответственности в сфере его применения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус, правовое регулирование, субъект права, объект права, «электронное лицо», правосубъектность

Для цитирования: Филиппов О.А. Искусственный интеллект: определение статуса в теории права и законодательстве / О.А. Филиппов, И.В. Мамлеева // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 31–36. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.4.

Original article

Filippov Oleg Aleksandrovich¹, Mamleeva Inga Valerievna²

¹Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, fil.o1020@mail.ru

²Research and Production Company «Exciton-Avtomatika», Ufa, Russia, mamleeva_inga@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: STATUS DETERMINATION IN LEGAL THEORY AND LEGISLATION

Abstract. The article analyses the legal status of artificial intelligence. The question was raised about the need to determine the limits of the legal capacity

of artificial intelligence, the formation of new strategies and norms in the legal regulation of social relations that develop the use of artificial intelligence, and the creation of legal responsibility in the field of its application.

Keywords: artificial intelligence, legal status, legal regulation, subject of law, object of law, «electronic person», legal capacity

For citation: Filippov O.A., Mamleeva I.V. Artificial Intelligence: Status Determination in Legal Theory and Legislation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 31–36. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.4. (In Russian).

Стремительное развитие искусственного интеллекта в современном мире выступает важнейшим элементом начавшейся четвертой промышленной революции. Актуальной задачей для Российской Федерации, как и для всего мира в целом, на современном этапе развития является определение места искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности человека. Исходя из анализа законодательства ряда зарубежных государств, регулирующего отношения, связанные с искусственным интеллектом, необходимо отметить отсутствие единообразной правовой позиции относительно решения данного вопроса.

Существуют различные подходы и теории, касающиеся классификационных характеристик искусственного интеллекта, определения границ его правосубъектности [1, с. 46].

Поскольку использование искусственного интеллекта возможно практически во всех сферах жизнедеятельности общества, во избежание негативных последствий в будущем вопросы его взаимодействия с человеком и обществом имеют высокую актуальность для совершенствования законодательной системы [2, с. 80].

Необходимость разработки единых правовых позиций и решение вопросов, связанных с развитием искусственного интеллекта, требует выработки осмысленного подхода к его правовому регулированию всеми заинтересованными сторонами данного процесса [3, с. 27].

Искусственный интеллект – это технологическая (компьютерная) система, имитирующая интеллект человека в таких его способностях, как получение, обработка, хранение информации и знаний, выполнение над ними различных действий [4, с. 11].

В п. 48 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г., отражена необходимость его нормативного закрепления во всех сферах деятельности, начиная с функциональности и заканчивая вопросом безопасности внедрения искусственного интеллекта в социум.

Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. Документ поставил задачу – создание правовой основы отношений между роботом и человеком.

Ряд стран, такие как Китай, Южная Корея, США, Япония, разработали свои нормативно-правовые акты и активно создают правовые условия для развития технологий, использующих искусственный интеллект. Однако полноценного и единственно правильного нормативного определения искусственного интеллекта и его правового статуса (положения) они не содержат.

Само по себе понятие искусственного интеллекта и его назначение в обществе весьма противоречиво и вызывает бурные обсуждения среди ученых всего мира. Анализ имеющихся научных дефиниций искусственного интеллекта и его признаков показал, что существует острая необходимость в разработке обоснованного и юридически правильного определения правового статуса искусственного интеллекта, с наличием определенных свойств для присвоения ему полномочий и ответственности [5, с. 46].

Также возникает потребность в идентификации искусственного интеллекта. В настоящее время не в должной мере отрегулированы вопросы безопасности использования и применения искусственного интеллекта [6, с. 32]. Для разрешения данных вопросов требуется определиться, каким статусом в законодательстве будет наделен искусственный интеллект.

Существуют различные мнения о связи искусственного интеллекта с правом, правоотношениями, о том, как рассматривать его правовой статус – в качестве субъекта или же объекта права. Большинство теорий сводятся к тому, что искусственный интеллект должен относиться к объекту права, поскольку в качестве субъекта он не может отвечать всем установленным критериям правосубъектности, либо следует наделить данной правоспособностью создателей.

Получила развитие юридическая конструкция «электронного лица», оправдывающая необходимость его существования наряду с физическими и юридическими лицами. Впервые она была предложена Евросоюзом. «Электронное лицо» как субъект носителя искусственного интеллекта будет являться отдельным его субъектом или же у него будет непосредственно определенный владелец, который впоследствии будет нести за него ответственность. Также существует примерный перечень прав, которыми должен обладать искусственный интеллект – неприкосновенности, на носителя авторства, на собственное имя, на ремонт и обслуживание.

По прогнозам экспертов, в 2022–2023 гг. должен выйти первый документ, регламентирующий правосубъектность искусственного интеллекта. «Электронное лицо» имеет некоторую схожесть с юридическим лицом: оба они являются для их владельцев ресурсом достижения определенной цели, существуют и создаются исключительно в интересах их владельцев.

«Электронное лицо» будет иметь отношение к общепринятым, установленным правоотношениям, но со своими полномочиями, обязанностями и ответственностью.

Поскольку остается неурегулированным вопрос ответственности искусственного интеллекта как причинителя вреда, предполагается отнесение этой ответственности с возмещением причиненного вреда на владельцев (разработчиков) либо на производителей искусственного интеллекта.

Пробелы в правовом регулировании технологической индустрии могут иметь негативные последствия для общества в целом, поскольку отсутствие правового регулирования в данном вопросе может повлечь проблемы в виде нарушений безопасности жизнедеятельности, прав и свобод человека.

В России установлено семь принципов развития и использования искусственного интеллекта: защита прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, целостность инновационного цикла, разумная бережливость и поддержка конкуренции (п. 19 разд. III Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490).

В качестве упорядочения общественных отношений в исследуемой сфере экспертным сообществом принят Национальный кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Документ имеет человекоориентированную и гуманистическую направленность, поскольку при его разработке авторы учли многие негативные аспекты использования искусственного интеллекта на практике. Кодекс состоит из двух разделов, определяющих общие положения и приоритеты, общие этические принципы/ценности поведения акторов искусственного интеллекта, этические стандарты поведения акторов в сфере искусственного интеллекта, механизмы реализации кодекса.

В документе содержатся конкретные правила по этическим стандартам поведения акторов в сфере искусственного интеллекта, в том числе ответственное и добросовестное поведение, соблюдение интересов общества и граждан, предоставление пользователю достоверной информации о применении искусственного интеллекта.

Национальный кодекс этики в сфере искусственного интеллекта не содержит норм общеобязательного характера, выступая в виде «мягкого» права, он вносит ясность и конкретизацию в вопросах регулирования разработок и эксплуатации искусственного интеллекта.

На сегодняшний день мы можем констатировать наличие различных и противоречивых подходов к вопросу правового регулирования и определения правового статуса искусственного интеллекта. В процессе совершенствования российского законодательства в исследуемой области следует решить ряд принципиальных вопросов: возможность отнесения искусственного интеллекта к субъектам права, возможность его использования в государст-

венном управлении, определение сфер применения искусственного интеллекта, ответственность искусственного интеллекта и др. Дальнейшая разработка данного вопроса должна носить комплексный характер, проводиться поэтапно в рамках гражданского, административного, финансового и налогового законодательства. Правовое регулирование искусственного интеллекта должно иметь в качестве первоосновы базовые ценности конституционного строя и правового статуса личности.

Список источников

1. Архипов В.В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6 (55). – С. 46–62.
2. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика / И.А. Филипова // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 79–88.
3. Харисова З.И. Искусственный интеллект в государственном управлении / З.И. Харисова, О.А. Филиппов, Д.А. Федоров // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений (ITTDS'2020) : труды VIII Всероссийской научной конференции (с приглашением зарубежных ученых) : в 2 т. – Уфа, 2020. – Т. 1. – С. 26–29.
4. Проблемы правового регулирования сферы искусственного интеллекта / В.В. Антонов, Н.Р. Калимуллин, З.И. Харисова, М.Р. Герфанова // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений (ITTDS'2020) : труды VIII Всероссийской научной конференции (с приглашением зарубежных ученых) : в 2 т. – Уфа, 2020. – Т. 1. – С. 10–14.
5. Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития / С.В. Никитенко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – № 2 (98). – С. 151–163.
6. Попова А.В. К вопросу о необходимости определения цели и задач правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, киберфизических систем, роботов и объектов робототехники / А.В. Попова, С.С. Горохова, Г.М. Азнагулова // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 3 (57). – С. 31–36.

References

1. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics. *Trudy SPIIRAN = SPIIRAS Proceedings*, 2017, no. 6 (55), pp. 46–62. (In Russian).

2. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: the Need for Regulation in Russia, Foreign Studies and Practice. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 9, pp. 79–88. (In Russian).

3. Kharisova Z.I., Filippov O.A., Fedorov D.A. Artificial Intelligence in Public Administration. Information Technologies for Intelligent Decision Support (IT-IDS'2020). Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference (with the Invitation of Foreign Scientists). Ufa, 2020, vol. 1, pp. 26–29. (In Russian).

4. Antonov V.V., Kalimullin N.R., Kharisova Z.I., Gerfanova M.R. Problems of Legal Regulation of the Sphere of Artificial Intelligence. Information Technologies for Intelligent Decision Support (ITIDS'2020). Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference (with the Invitation of Foreign Scientists). Ufa, 2020, vol. 1, pp. 10–14. (In Russian).

5. Nikitenko S.V. International Legal Regulation of Artificial Intelligence: Analysis of the Current State and Perspectives for Development. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2021, no. 2 (98), pp. 151–163. (In Russian).

6. Popova A.V., Gorokhova S.S., Aznagulova G.M. To the Issue of the Necessity to Define the Purpose and Objectives of Legal Regulation in the Field of Artificial Intelligence, Cyber-Physical Systems, Robots and Robotics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 3 (57), pp. 31–36. (In Russian).

Информация об авторах

Филиппов Олег Александрович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного
права и международных
отношений Института права;

Мамлеева Инга Валерьевна –
начальник юридического отдела

Information about the Authors

Filippov Oleg Aleksandrovich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of International
Law and International Relations,
Institute of Law;

Mamleeva Inga Valerievna –
Head of Legal Department

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 04.12.2022.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 04.12.2022.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья

УДК 342.51

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.5

Абаева Елена Анатольевна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского;
Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове;
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
tihonea@inbox.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РУКОВОДСТВУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫМИ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимодействия Президента РФ с Правительством РФ и иными органами исполнительной власти. Доказано, что современная конституционно-правовая доктрина, конституционное реформирование и практика привели к конституционализации и институционализации сверхпрезидентских полномочий в сфере публичной, а особенно исполнительной власти. Установлено, что президентские полномочия в отношении не только федеральной, но и региональной исполнительной власти заключаются в общем руководстве, координации и контроле, основаны на политической воле главы государства, сложившемся правовом обычае и конституционной модернизации президентской власти.

Ключевые слова: Президент РФ, Правительство РФ, органы исполнительной власти, полномочия, руководство, указы, поручения, утрата доверия

Для цитирования: Абаева Е.А. Деятельность Президента Российской Федерации по руководству Правительством Российской Федерации и иными

федеральными органами исполнительной власти: конституционно-правовой аспект / Е.А. Абаева // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 37–44. DOI. 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.5.

Original article

Abaeva Elena Anatolievna

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky;
Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov;
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
tihonea@inbox.ru

THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION ACTIVITIES IN MANAGEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION GOVERNMENT AND OTHER FEDERAL EXECUTIVE BODIES: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract. The article is devoted to the issues of the President of the Russian Federation interaction with the Government of the Russian Federation and other executive bodies. It is proved that modern constitutional and legal doctrine; constitutional reforms and practice have led to the constitutionalization and institutionalization of the superpresidential powers in the sphere of public and especially executive power. It has been established that the President's powers with respect not only to the federal but also to the regional executive powers are based on general leadership, coordination and control, fed on the political will of the Head of State, established legal custom and constitutional modernization of the Presidency.

Keywords: President of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, executive authorities, powers, leadership, decrees, instructions, loss of confidence

For citation: Abaeva E.A. The President of the Russian Federation Activities in Management of the Russian Federation Government and Other Federal Executive Bodies: Constitutional and Legal Aspects. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 37–44. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.5. (In Russian).

В доктрине конституционного права одним из наиболее обсуждаемых вопросов был и остается вопрос о месте Президента РФ в системе государственной власти и его взаимодействии с органами исполнительной власти.

На первом этапе развития современной российской государственности, с момента введения института президентуры в 1991 г. и внесения соответствующих изменений в Конституцию РСФСР 1978 г. в редакции от 1 ноября 1991 г., президент имел статус высшего должностного лица и главы исполнительной власти.

Конституционный кризис 1993 г. был обусловлен не столько необходимостью конституционной реформы в целом, сколько потребностью модернизации президентской власти, переходом в независимый правовой режим статуса главы государства, действующего вне разделения властей и системы сдержек и противовесов, вне парламентского контроля.

Конституция РФ 1993 г. в своей первой редакции обязывала Президента РФ, как главу государства, обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов всех трех ветвей государственной власти, имевших самостоятельный статус согласно основам конституционного строя. Такая же самостоятельность характеризовала местное самоуправление.

С принятием конституционных поправок 2008, 2014 и 2020 гг. произошла трансформация независимости государственной и муниципальной властей в единую систему публичной власти, согласованное функционирование и взаимодействие органов которой также обеспечивает глава государства (ст. 80).

Представляется, что не только конституционные поправки, но и конституционно-правовая доктрина в виде решений Конституционного Суда РФ (например, Заключение от 16 марта 2020 г. № 1-З¹) и практика в виде президентских указов и иных решений привела сначала к конституционализации, а впоследствии к институционализации сверхпрезидентских полномочий, особенно в отношении исполнительной власти.

Так, согласно первой редакции Конституции 1993 г. Правительство РФ осуществляет исполнительную власть Российской Федерации. Его Председатель назначается Президентом РФ с согласия Государственной Думы и в со-

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

ответствии с Конституцией РФ, федеральными законами и указами Президента РФ организует его работу. Именно по его представлению Президент РФ своим указом утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти¹.

Следует заметить, что ранее действующий Закон о Правительстве РФ 1997 г.² предполагал, что установление системы федеральных органов власти осуществляется федеральным законом (ст. 5 утратила силу в 1998 г.). Однако и система устанавливается президентским указом³.

Деятельность Правительства РФ выражается в издании актов на основании не только законов во главе с Конституцией РФ, но и нормативных указов Президента РФ, который может отменить правительственные акты в случае их противоречия вышестоящим указанным актам.

Руководящая роль главы государства в отношении исполнительной власти выражается в следующем:

- прямая зависимость полномочий Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти от срока деятельности главы государства, его политической воли, в том числе при разрешении конституционного конфликта между Правительством РФ и Государственной Думой;

- отсутствие представителей Президента РФ в Правительстве РФ (в отличие от палат Федерального Собрания, Конституционного Суда РФ, квалификационных коллегий судей);

- возможность Президента РФ председательствовать на заседаниях Правительства РФ и издавать указы по их итогам (в отличие от посланий Федеральному Собранию или выступления на съезде судей, носящих рекомендательный характер);

- дача прямых поручений и указаний руководителям федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов и высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, контроль

¹ О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 (ред. от 20.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4, ст. 346 ; 2020. № 47, ст. 7508

² О Правительстве Российской Федерации : федер. конституц. закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51, ст. 5712 (утратил силу).

³ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 20.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11, ст. 945 ; 2020. № 47, ст. 7508.

и определение персональной ответственности за их своевременное и надлежащее исполнение¹.

Конституционная реформа 2020 г., оформленная в виде конституционной поправки о публичной власти, обозначила новый этап преобразования президентской власти, в том числе расширила полномочия президента в отношении исполнительной власти:

- осуществление исполнительной власти Правительством РФ под общим руководством Президента РФ;

- создание на конституционном уровне двух центров руководства деятельностью федеральных органов исполнительной власти – Президентом РФ и Правительством РФ;

- введение по инициативе Президента РФ в конституционный текст требований, ограничений и запретов в отношении председателя, заместителей, членов правительства и руководителей иных федеральных органов исполнительной власти, ранее содержащихся лишь в конституционном законе о Правительстве РФ;

- возможность единоличной отставки Председателя Правительства РФ без самого Правительства РФ;

- назначение и отставка персонального состава Правительства РФ в конституционно установленном порядке без участия его Председателя;

- организация Председателем работы Правительства РФ и издание соответствующих актов не только на основании и во исполнение законов и актов Президента РФ, но и его поручений, значимость которых можно выразить в формуле смены эпохи от указного к поручительскому праву;

- персональная ответственность Председателя перед Президентом РФ за организацию работы Правительства РФ.

Примечательно, что после поправки 2020 г. был принят новый Федеральный конституционный закон о Правительстве РФ, в ст. 1 которого Правительство РФ определено как орган публичной власти в системе исполнительной власти Российской Федерации². Принципиальное отличие предыдущего нормативного правового акта от Закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ заключалось в провозглашении Правительства РФ *высшим* исполнительным органом государственной власти Российской Федерации.

Что касается региональной исполнительной власти, то Президент РФ после поправок 2020 г. и принятия нового Закона об общих принципах орга-

¹ О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 28.03.2011 № 352 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 14, ст. 1880.

² О Правительстве Российской Федерации : федер. конституц. закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45, ст. 7061.

низации публичной власти в субъектах Российской Федерации при наличии широчайших полномочий получил дополнительные:

1) отрешение Президентом РФ от должности высшего должностного лица в связи с утратой доверия, вернувшись к первоначальному варианту делать это на усмотрение и без законно установленных оснований п. 1 ч. 1 ст. 29)¹. В соответствии с пока действующим законом утрата президентского доверия наступает при выявлении коррупционных факторов или неурегулировании конфликта интересов в отношении высшего регионального должностного лица, а также установлении фактов иностранных счетов и финансовых инструментов в период, когда такое лицо являлось зарегистрированным кандидатом на данную должность². Так, в 2010 г. Президентом РФ Д. Медведевым без объяснения причин был отправлен в отставку мэр Москвы Ю. Лужков³. Однако в 2012⁴ и 2013 гг.⁵ законодательство было модернизировано – установлены основания для утраты президентского доверия;

2) инициирование в отношении законов субъекта Российской Федерации предварительного нормоконтроля до их обнародования (п. «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ);

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I), ст. 8973.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005 ; 2021. № 18, ст. 3063.

³ О досрочном прекращении полномочий мэра Москвы : указ Президента РФ от 28.09.2010 № 1183 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/evenots/presidenot/news/9052> (дата обращения: 07.09.2022).

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19, ст. 2274.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» : федер. закон от 07.05.2013 № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19, ст. 2329.

3) утверждение показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и контроль в виде докладов высшего должностного лица об их достижении¹ в соответствии с критериями и методикой подсчета, установленными Правительством РФ². Впоследствии вместе с Правительством РФ выделять за счет средств федерального бюджета гранты субъектам Российской Федерации в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей (ст. 26.3.2 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ).

Подводя итоги, позволю согласиться с мнением об изменении формы государственного правления России, переходе страны от полупрезидентского (смешанного) правления к президентскому, основанному на доминирующем положении главы государства в системе исполнительной власти [1, с. 44] как фактического ее организатора и руководителя.

Список источников

1. Дзидзоев Р.М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений / Р.М. Дзидзоев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 43–54.

References

1. Dzidzoev R.M. The President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation: New Facets of Relationships. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 5, pp. 43–54. (In Russian).

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6, ст. 966.

² Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915 : постановление Правительства РФ от 03.04.2021 № 542 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 16 (ч. III), ст. 2770.

Информация об авторе

Абаева Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, доцент кафедры конституционного права им. профессора И.Е. Фарбера Саратовской государственной юридической академии

Information about the Author

Abaeva Elena Anatolyevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Assistant Professor of the Chair of State -Legal Disciplines, Volga Region Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov, Assistant Professor of the Chair of Constitutional Law, Saratov State Law Academy

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 11.10.2022.

The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 11.10.2022.

Научная статья

УДК 34.01

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.6

Гимазетдинов Амир Альбертович¹, Юсупов Рахимьян Галимьянович²

¹Государственное унитарное предприятие «Региональные электрические сети» Республики Башкортостан, Уфа, Россия,
amir.gimazetdinov@mail.ru

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
yusupovr.g@yandex.ru

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ТЕРМИНА «ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО»

Аннотация. В статье исследуется сущность понятия «процессуальное производство». Нормативного определения это понятие не имеет, а в научных публикациях разные авторы отводят ему разную функциональную роль. Устоялось мнение, что процессуальное производство является элементом более широкой категории – юридического процесса. Однако анализ взглядов ученых относительно признаков процессуального производства и юридического процесса показал, что эти понятия по содержанию совпадают. Данное исследование является поводом задуматься о том, чтобы на уровне общей теории права привести понятийный аппарат в порядок. Если юридическое сообщество считает нужным различать процессуальное производство и юридический процесс, то необходимо различия между этими понятиями выявить и непротиворечиво, логично объяснить. Если принципиально этот вопрос не стоит, можно считать, что исследуемые понятия являются синонимами и использовать их наряду с другими.

Ключевые слова: процессуальное производство, юридический процесс, процессуальные стадии, процессуальный режим, процессуальные нормы

Для цитирования: Гимазетдинов А.А. Анализ подходов к пониманию термина «процессуальное производство» / А.А. Гимазетдинов, Р.Г. Юсупов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 45–53. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.6.

Gimazetdinov Amir Albertovich¹, Yusupov Rakhimian Galimianovich²

¹State Unitary Enterprise «Regional Electrical Services» of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, amir.gimazetdinov@mail.ru

²Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, yusupovr.g@yandex.ru

ANALYSIS TO UNDERSTANDING OF THE TERM «LEGAL PROCEEDINGS»

Abstract. This article explores the essence of the concept «legal proceedings». This concept does not have a normative definition, and in scientific publications different authors assign it a different functional role. It is believed that legal proceedings constitute an integral part of the legal process. However, an analysis of the views of scientists regarding the signs of legal proceedings and the legal process showed that these concepts coincide in content. This study is an opportunity to think about bringing the conceptual apparatus in order at the level of the general theory of law. If the legal community considers it necessary to distinguish between legal proceedings and the legal process, then it is necessary to identify the differences between these concepts and explain them in a consistent, logical way. If there was no question of principle, the following could be considered synonymous and used together with others.

Keywords: legal proceedings, legal process, procedural stages, procedural regime, procedural norms

For citation: Gimazetdinov A.A., Yusupov R.G. Analysis to Understanding of the Term «Legal Proceedings». *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 45–53. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.6 (In Russian).

У термина «производство» есть множество определений, которые были даны специалистами разного профиля, что и понятно, ведь производство по-своему воспринимают экономисты, промышленники, юристы и т. д. Этимология слова не вполне ясна. Но если обобщить многообразие мнений, можно выделить главное: производство – это целенаправленный и регулируемый процесс.

В юридической сфере слово «производство» закрепилось прочно, но нормативного определения не имеет. Оно анализируется в научной литературе, причем сами специалисты отмечают, что производство исследуют в основном «ученые, представляющие различные отрасли права, и в меньшей степени – представители общей теории права» [1, с. 14]. Иными словами, в литера-

туре достаточно сведений, например, об исполнительном, арбитражном, административном, конституционном или ином производстве, но мало кто обращается к анализу сущности производства с общетеоретических позиций.

На основании опубликованных материалов рассмотрим, какие признаки обобщают содержание термина «производство» в рамках юридической сферы в целом.

Мы уже отметили, что производство в самом широком смысле понимается как целенаправленный и регулируемый процесс. В правовой теории используется понятие «юридический процесс», причем знак равенства между понятиями «юридический процесс» и «производство» не ставится.

Юридический процесс – явление, объем которого уже много лет вызывает дискуссии. Мнения оппонентов многократно анализировались. Воспользуемся материалами работы, которую относительно недавно, в 2020 г., опубликовала Н.Е. Садохина. Итак, сторонники узкого понимания юридического процесса ограничивают его юрисдикционной деятельностью, то есть «деятельностью по разрешению споров и привлечению правонарушителей к ответственности». Причем среди них согласия тоже нет. Одни заводят юридический процесс в рамки только судебного права, другие – в рамки любого вида юрисдикционной деятельности, «независимо от того, каким органом она осуществляется». Сторонники широкого понимания объединяют в понятии юридического процесса «все правовые формы деятельности государственных органов и должностных лиц, а также других субъектов права по разрешению определенных юридических дел» [2, с. 25]. Говоря о других субъектах права, исследователи напоминают о существовании субъектов частного юридического процесса [3, с. 50] (частным юридическим процессом доктор юридических наук А.А. Павлушина называет «реализацию права без участия властного органа» [4, с. 253], а в качестве примеров частных юридических процессов в литературе приводятся установление супругами определенных условий брачного договора и порядок его расторжения, утверждение работодателем правил внутреннего трудового распорядка, утверждение учредителями устава общества и др. [5, с. 227]).

Нормативного определения юридический процесс, как и производство, не имеет, и нетрудно догадаться, что определения, сформулированные сторонниками узкого и широкого подходов к его пониманию, совпадать не могут. Как отметила Т.М. Нинчиева, исследователи трактуют юридический процесс по-своему, «исходя, как правило, из личностного понимания проблемы и принадлежности к той или иной отрасли науки», а в итоге вместо единого определения мы имеем авторские импровизации уже известного, иногда попытки его модернизации и зачастую противоречивые мнения [6, с. 13].

Мы не можем объяснить, почему иную деятельность помимо юрисдикционной, например правотворческую, нельзя называть процессом, по-

этому соглашаемся со сторонниками широкой концепции юридического процесса. Но это только отчасти приближает нас к пониманию столь важной правовой категории, потому что определения, данные ей сторонниками широкой концепции, тоже не совпадают – они сформулированы с разной степенью детализации и отражают разные сущностные черты и особенности. Поэтому рассмотрим, как в исследованиях представлены ключевые признаки юридического процесса, совокупность которых, по идее, и может отразить его суть и отличить от других правовых категорий.

По мнению Л.Д. Чулюкина и А.А. Севостьянова, основными признаками юридического процесса являются: 1) деятельностный характер (динамичность, протяженность во времени и пространстве); 2) процессуально-правовая природа, то есть соответствие нормам процессуального права; 3) участие строго определенного круга субъектов, определенных не их усмотрением, а законодателем в действующих нормативно-правовых актах; 4) стадийность; 5) наличие определенных целей – от создания правовых норм до реализации уже действующих норм материального права [7, с. 159]. Из различных публикаций Т.М. Нинциева выделила и другие признаки, в том числе оформленность официальными документами и запрограммированность на определенный юридический результат [6, с. 14–15].

Теперь важно понять, почему юридический процесс не отождествлен с производством, которое, как отмечено, в широком смысле понимается как процесс.

По словам П.П. Ланга, юридический процесс – сложное явление, которое подразделяется на связанные между собой самостоятельные элементы, составляющие его структуру. Структуру автор понимает как «отношение между элементами материальной или концептуальной системы». Элементами системы любого процесса П.П. Ланг называет стадии и производства. По мнению автора, в делении юридического процесса на стадии отражена последовательность процессуальных действий. Производства же отражают предметную характеристику юридического процесса [3, с. 50–51]. В литературе также представлена версия, согласно которой помимо стадии и производства элементом юридического процесса следует считать процессуальный режим [8, с. 17], то есть нормативно оформленную обстановку протекания юридического процесса, которая призвана обеспечивать оптимальные условия для деятельности всех субъектов процесса [9, с. 48] (понятно, что, например, при рассмотрении дел в отношении совершеннолетних и несовершеннолетних процессуальный режим отличается).

Учтем тезисы об элементах системы юридического процесса, не делая окончательных выводов, и продолжим исследование вопроса.

Признаки юридического процесса нами выяснены. Теперь перейдем к деталям, способствующим пониманию производства.

В диссертационном исследовании И.И. Поляковой под производством предлагается понимать «порядок осуществления юридической деятельности», а также «комплекс процедурно-процессуальных действий и операций», нацеленных на достижение социально значимых результатов [1, с. 11]. Заметим, автор подчеркивает процессуальный характер производства и в связи с этим говорит не о производстве вообще, а о процессуальном производстве. Собственно, это и есть корректный термин. Действительно, одним из признаков производства, точнее – процессуального производства, является нормативная регламентация, под которой понимается урегулированность процессуальными нормами [10, с. 6].

Здесь уместно уточнить, что нормы права в теории классифицируются по разным признакам, в том числе по предмету правового регулирования, или отраслевой принадлежности (нормы гражданского, уголовного и иных отраслей права), и все отраслевые нормы разделяют на материальные и процессуальные. Как образно подметила доктор юридических наук С.В. Бошно, «первые отвечают на вопрос "что", а вторые – "как"» [11, с. 54]. Иными словами, процессуальные нормы упорядочивают порядок реализации норм материального права.

В определенном смысле составить представление о разнообразии процессуальных производств можно, оценив функциональное разнообразие процессуальных норм. Такую информацию обобщил доктор юридических наук Д.Н. Бахрах: процессуальные нормы закрепляют цели, принципы, подведомственность дел, виды, последовательность и сроки совершения действий, правовые статусы участников действий, допустимые доказательства и порядок доказывания, санкции за нарушение норм, документы о ходе и итогах рассмотрения дел, порядок обнародования правовых актов и пр. [12, с. 82]. Понятно, что в рамках отдельных отраслей права все возможные процессуальные нормы и, соответственно, процессуальные производства могут не применяться. Как пишет А.А. Ветрова, специфика юридического процесса в конкретной процессуальной отрасли обуславливает проявление характерных для него видов процессуального производства [13, с. 219].

В этом плане важно иметь представление о том, как устроена система процессуальных норм, регулирующих процессуальные производства. Единого акта, унифицирующего процессуальную сферу даже в юрисдикционных пределах, в России нет. Есть отраслевые процессуальные кодексы: Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный, Гражданский процессуальный, Арбитражный процессуальный. Частично процессуальные нормы закреплены в других кодексах: Кодексе об административных правонарушениях,

Бюджетном кодексе и др. При этом большое число процессуальных норм содержится в многочисленных правовых актах федеральных, региональных, муниципальных и даже корпоративных органов. Д.Н. Бахрах трактовал это как наличие в процессуальном правовом блоке 1) процессуальных отраслей (уголовно-процессуальной, гражданской процессуальной и др.), 2) процессуальных подотраслей (административно-процессуальной, конституционно-процессуальной и др.) и 3) процессуальных институтов ряда отраслей материального права (трудового, финансового и др.) [12, с. 82].

В целом соглашаясь с изложенным, добавим, что статью, на которую мы ссылаемся, Д.Н. Бахрах опубликовал в 2009 г., а с тех пор произошли некоторые изменения. В 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства. Соответственно, выделилась самостоятельная административно-процессуальная отрасль. Но эта информация не отражается на самом принципе формирования процессуального правового блока в России, и мы будем опираться на него. Заключаем следующее: как бы сложно ни был устроен процессуальный правовой блок, вывод напрашивается один: любые виды юридической деятельности осуществляются в формате процессуального производства.

Как отмечает И.И. Полякова, урегулированность процессуальными нормами – не единственный признак процессуального производства. Она описывает и другие признаки, которые в комплексе определяют его сущность. К числу таких признаков отнесены: целеполагание (это даже не требует комментариев); гарантированность достижения поставленных целей (обеспечивается процессуальными нормами); особый субъектный состав (каждый конкретный вид процессуального производства осуществляется не любыми, а специально уполномоченными органами и их должностными лицами); универсальность (для любой разновидности процессуального производства инструменты, позволяющие достигать поставленной цели, предусмотрены в законодательстве); динамизм (его автор связывает с непрерывностью процессуальных действий и соблюдением установленных в законодательстве сроков); стадийность (процессуальное производство имеет свойства цепи, состоящей из нескольких звеньев). В совокупности, как утверждает И.И. Полякова, эти признаки «выражают сущность процессуального производства, его особенности, роль и предназначение» [1, с. 15].

И вот мы стоим перед фактом: исследователи, сопоставляющие юридический процесс и процессуальное производство, определяют процессуальное производство как один из элементов юридического процесса, а исследователи, изучающие эти категории вне связи друг с другом, наделяют их одними и теми же свойствами.

Сконцентрируем внимание на важных моментах. Элементами юридического процесса объявлены процессуальные производства, стадии и режи-

мы. С другой стороны, стадийность объявлена признаком и процессуального производства. Стадийность, стало быть, должна восприниматься не только как признак юридического процесса, но и как признак процессуального производства, что понятия юридического процесса и процессуального производства не разъединяет, а отождествляет. Понятие процессуального режима находится, по большому счету, в разработке. Исследователи юридического процесса объявили его элементом юридического процесса. Но это не мешает исследователям, ставящим перед собой другие задачи, рассматривать процессуальный режим как признак процессуального производства. Приведем в качестве примеров выдержки из публикаций: «Процессуальный режим производства в суде апелляционной инстанции ... определяет суды, рассматривающие апелляционные жалобы...» [14, с. 122], «По мнению исследователя, в спектр категории "процессуальный режим" следует включать нормы этики, эстетики, обычаи, т. е. всю сумму социальных факторов, определяющих "атмосферу" правоприменительного производства» [9, с. 48].

Представляется, что юридическому сообществу, и особенно представителям общей теории права, необходимо сосредоточиться на проблеме унификации правовых терминов. Мы же, учитывая изложенное, будем считать процессуальное производство синонимом юридического процесса, ибо не видим смысла искусственно различать понятия, обладающие одинаковыми признаками. Не настаиваем на том, чтобы считать нашу позицию единственно верной, и готовы ее пересмотреть, если в общей теории права будут однозначно определены различия между процессуальным производством и юридическим процессом.

Список источников

1. Полякова И.И. Процессуальное производство в юридической деятельности: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.И. Полякова.— Белгород, 2018. — 22 с.
2. Садохина Н.Е. Правотворческий процесс как разновидность юридического процесса / Н.Е. Садохина // Право: история и современность. — 2020. — № 1 (10). — С. 23–32.
3. Ланг П.П. Элементная структура юридического процесса / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. — 2013. — № 2. — С. 49–53.
4. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / А.А. Павлушина. — Самара : Самарск. гос. экон. акад., 2005. — 478 с.
5. Ланг П.П. Некоторые методологические основы юридического процесса / П.П. Ланг // Вопросы российского и международного права. — 2017. — Т. 7, № 1А. — С. 225–232.

6. Нинчиева Т.М. Юридический процесс: понятие, сущность и классификационная характеристика / Т.М. Нинчиева // Юридическая наука. – 2020. – № 7. – С. 13–17.
7. Чулюкин Л.Д. Системные связи видов публичного юридического процесса / Л.Д. Чулюкин, А.А. Севостьянов // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3. – С. 158–162.
8. Макогон Б.В. Структура юридической процессуальной формы / Б.В. Макогон, А.А. Гусева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 16–19.
9. Рыбин А.В. Процессуальный режим: понятие и структура / А.В. Рыбин // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 9. – С. 47–50.
10. Полякова И.И. Признаки процессуального производства: общетеоретический аспект / И.И. Полякова // Государственный советник. – 2017. – № 3. – С. 5–8.
11. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура / С.В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 4. – С. 49–60.
12. Бахрах Д.Н. Юридический процесс: понятие, особенности и виды / Д.Н. Бахрах // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 82–86.
13. Ветрова А.А. Понятие и сущность юридического процесса / А.А. Ветрова // Символ науки. – 2015. – № 6. – С. 218–220.
14. Беляев В.П. Процессуально-правовой режим: к вопросу о понятии и признаках / В.П. Беляев, Г.С. Беляева // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 1 (58). – С. 120–124.

References

1. Polyakova I.I. Legal proceedings in Legal Activity: General Theoretical Study. Cand. Diss. Thesis. Belgorod, 2018. 22 p.
2. Sadokhina N.E. Lawmaking Process as a Type of Legal Process. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2020, no. 1 (10), pp. 23–32. (In Russian).
3. Lang P.P. Element Structure of the Legal Process. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, 2013, no. 2, pp. 49–53. (In Russian).
4. Pavlushina A.A. Theory of the Legal Process: Results, Problems, Development Prospects. Samara State Economic Academy, 2005. 478 p.
5. Lang P.P. Some Methodological Bases of the Legal Process. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2017, vol. 7, no. 1A, pp. 225–232. (In Russian).

6. Nintsiyeva T.M. Legal Process: Concept, Essence and Classification Characteristics. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2020, no. 7, pp. 13–17. (In Russian).

7. Chulyukin L.D. Sevostianov A.A. System Connections of Public Legal Process. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2011, no. 3, pp. 158–162. (In Russian).

8. Makogon B.V., Guseva A.A. Structure of Legal Procedure Form. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 6, pp. 16–19. (In Russian).

9. Rybin A.V. Procedural Mode: Concept and Structure. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, 2011, no. 9, pp. 47–50. (In Russian).

10. Polyakova I.I. Signs of Procedural Production: General-Theoretical Aspect. *Gosudarstvennyj sovetnik = The State Councilor*, 2017, no. 3, pp. 5–8. (In Russian).

11. Boshno S.V. Rule of Law: Concepts, Properties, Classification and Structure. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, 2014, no. 4, pp. 49–60. (In Russian).

12. Bahrach D.N. Legal Process: Concept, Features and Types. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2009, no. 7, pp. 82–86. (In Russian).

13. Vetrova A.A. Concept and Essence of the Legal Process. *Simvol nauki = Symbol of Science*, 2015, no. 6, pp. 218–220. (In Russian).

14. Belyaev V.P., Belyaeva G.S. Procedural Legal Regime: to the Question of the Concept and Features. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2021, no. 1 (58), pp. 120–124. (In Russian).

Информация об авторах

Information about the Authors

Гимазетдинов Амир Альбертович –
начальник отдела по корпоратив-
ным и имущественным вопросам;

Gimazetdinov Amir Albertovich –
Division Head of Corporate and
Property Affairs;

Юсупов Рахимьян Галимьянович –
доктор исторических наук,
профессор кафедры государствен-
ного права Институт права

Yusupov Rakhimian Galimianovich –
Doctor of Sciences (History), Professor
of the Chair of State Law, Institute
of Law

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

FINANCIAL LAW, TAX LAW, BUDGET LAW

Научная статья

УДК 336.74

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.7

Крылов Олег Михайлович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
ok2004@list.ru

**ВАЛЮТНЫЙ КУРС КАК ЦЕНА ДЕНЕГ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос валютного курса как цены денег в Российской Федерации. Изложено понимание цены денег относительно курса иностранной валюты и несоответствие нынешней ситуации в правовом регулировании цены иностранной валюты принципу определения цены товара для эффективного определения прибыли организации для исчисления суммы уплаты налога на прибыль. Также выявлено несоответствие правового регулирования цены денег относительно возможности реализации (приобретения) иностранной валюты по установленному курсу.

Ключевые слова: деньги, цена, валютные операции, валюта, денежная единица

Для цитирования: Крылов О.М. Валютный курс как цена денег в Российской Федерации / О.М. Крылов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 54–60. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.7.

Original article

Krylov Oleg Mikhailovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, ok2004@list.ru

EXCHANGE RATE AS THE PRICE OF MONEY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the issue of the exchange rate as the price of money in the Russian Federation. The paper describes the understanding of the money price relative to the exchange rate of foreign currency on the territory of the Russian Federation and the current situation in the legal regulation of the price of foreign currency with the principle of determining the price of goods for the effective determination of the profit of the organization for calculating the amount of income tax. The discrepancy in the legal regulations of the price of money regarding the possibility of selling (acquiring) foreign currency at the established exchange rate has been revealed.

Keywords: money, price, currency transactions, currency, monetary unit

For citation: Krylov O.M. Exchange Rate as the Price of Money in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 54–60. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.7. (In Russian).

В экономике цена определяется как денежное выражение стоимости товара (работ, услуг). Она формируется с учетом уровня потребительского спроса на продукцию, эластичности спроса, возможности реакции рынка на изменение выпуска этой продукции, мер государственного регулирования ценообразования, уровня цен на аналогичную продукцию и др. [1; 2; 3]. Понятие цены в законодательстве Российской Федерации встречается лишь применительно к регулированию оценки отдельных видов товаров (работ, услуг)¹.

Деньги в качестве универсального товара также имеют цену, понятие которой законодательством Российской Федерации не устанавливается, что позволяет выдвигать самые разные предположения о том, что является ценой денег, одним из которых называется валютный курс [4].

¹ Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)» : приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 № 297 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2022) (утратил силу).

Иностранная валюта в Российской Федерации как вид валютных ценностей является имуществом (ст. 141 ГК РФ), ее состав определяется ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Государство регулирует цену иностранной валюты посредством установления официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю в соответствии с указанием Банка России от 14 марта 2019 г. № 5094-У «О порядке установления и опубликования ЦБ РФ официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю»¹ (например, по состоянию на 1 ноября 2022 г. установлен курс доллара США, равный 61,62 руб.). Ценой иностранной валюты, таким образом, можно признать официальный валютный курс [4] – цену денежной единицы одной страны, выраженную в денежных единицах другой страны или в международных валютных единицах [5].

Поскольку цена есть денежное выражение стоимости, количество иностранной валюты, в которой выражается рубль, не должно являться ценой этой денежной единицы. Однако в ряде случаев иностранная валюта выполняет функции денег без ограничений. Перечень таких случаев установлен ст. 9 и 10 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», п. 5 ст. 45 НК РФ, ст. 131 ТК РФ и др. Выполнение иностранной валютой отдельных функций денег позволяет определить цену в иностранной валюте товаров, работ, услуг, равно как и денег Российской Федерации. Аналогичный вывод отражен в приказе Росстата от 30 декабря 2014 г. № 734², в котором цена определяется в качестве денежного выражения стоимости товара в единицах определенной валюты (национальной или международной) за количественную его единицу. Следовательно, официальный валютный курс можно рассматривать не только как цену иностранной валюты, но и как основу для определения цены российских денег в иностранной валюте (из той же цены 1 доллара США, равного 61,62 руб. по состоянию на 1 ноября 2022 г., следует цена 1 рубля, равного $1/61,62$ в долларах США).

Государственное регулирование цены иностранной валюты осуществляется посредством установления официальных курсов иностранных валют к

¹ О порядке установления и опубликования Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю : указание Банка России от 14.03.2019 № 5094-У (с изм. и доп. от 18.04.2022 № 6118-У) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2022) (утратил силу).

² Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен : приказ Росстата от 30.12.2014 № 374 (с изм. и доп. от 28.04.2021 № 236) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2022) (утратил силу).

рублю (ст. 53 Федерального закона «О Банке России»). Предписано применять эти курсы в случаях, установленных законодательством Российской Федерации: исполнительное производство – ст. 72 Федерального закона «Об исполнительном производстве», банковская деятельность – ст. 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», деятельность негосударственных пенсионных фондов – ст. 7.2 Федерального закона «О негосударственных пенсионных фондах», страховая деятельность – ст. 11 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», социальная сфера – Федеральный закон «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», инвестиционная деятельность – ст. 14 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», обращение лекарственных средств – ст. 71 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств», валютное регулирование и контроль – ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», деятельность национальной платежной системы – ст. 10 Федерального закона «О национальной платежной системе», банкротство – ст. 189.32 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», налогообложение – ст. 45 НК РФ и т. д.

При отсутствии государственного регулирования цена иностранной валюты в рублях (или наоборот) основывалась бы на соотношении покупательной способности валют – российской и иностранной, – зависящей от множества факторов, поскольку реальный валютный курс отражает изменения соотношения цен в сравниваемых странах [6]. Открытая конкуренция национальной и иностранной валюты явилась бы основой для поддержания определенного уровня покупательной способности национальной валюты либо, увы, ее вытеснения иностранной валютой [7]. Представляется, что указанное обстоятельство исключает возможность отказа от государственного регулирования ценообразования иностранной валюты.

Сложившееся правовое регулирование цены иностранной валюты характеризуется следующими недостатками. Во-первых, цена иностранной валюты определяется исходя из профессионального суждения регулятора по утвержденной им внутренней методике [8] (например, курс евро по отношению к рублю устанавливается на основе данных о средневзвешенном курсе евро по отношению к рублю, рассчитанном по сделкам, заключенным на организованных торгах ПАО «Московская биржа» по евро за рубли со сроком расчетов «завтра» в период с 10 часов 00 минут по 15 часов 30 минут по московскому времени (п. 5.1. указания Банка России от 14 марта 2019 г. № 5094-У «О порядке установления и опубликования ЦБ РФ официальных курсов иностранных валют по отношению к рублю»). Законодательство Российской Федерации не содержит указания на то, что цена иностранной валюты, установленная Банком России, является рыночной. Однако предписа-

ние законодателя применять курсы иностранных валют, установленные Банком России, предполагает по меньшей мере существующую возможность реализовать (приобрести) иностранную валюту по установленному официальному курсу.

Указанная возможность в подавляющем большинстве случаев отсутствует, поскольку Банк России устанавливает официальные курсы иностранных валют по отношению к рублю в рабочие дни, без обязательства покупать или продавать указанные валюты по установленному официальному курсу (п. 2 указания Банка России от 14 марта 2019 г. № 5094-У), а уполномоченные банки – соответственно, курсы покупки и продажи иностранной валюты, отличающиеся от установленного официального курса Банка России (Инструкция Банка России от 16 сентября 2010 г. № 136-И¹). В результате сложившегося правового регулирования цены иностранной валюты размер ее стоимости устанавливается по официальному курсу этой иностранной валюты к рублю (п. 5 приказа Минфина России от 27 ноября 2006 г. № 154н²), а операции с ней (в частности, купля-продажа) влекут дополнительные расходы в виде разницы между установленным официальным курсом и курсом покупки валюты уполномоченным банком. Такая ситуация перестает быть нормальной для всех случаев принудительного совершения операций по продаже иностранной валюты ее владельцем (ст. 72 Федерального закона «Об исполнительном производстве», ст. 11 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», ст. 46 НК РФ и др.).

Кроме того, установление цены иностранной валюты профессиональным суждением регулятора (Банка России) по утвержденной им внутренней методике без обязательства покупать или продавать валюту по официальному курсу делает невозможным получение экономической выгоды (ст. 41 НК РФ) в виде положительной курсовой разницы, возникающей при дооценке имущества в виде валютных ценностей и требований (ст. 250 НК РФ). По-

¹ О порядке осуществления уполномоченными банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц : инструкция Банка России от 16.09.2010 № 136-И (с изм. и доп. от 28.09.2020 № 5567-У) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2022).

² Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» (ПБУ 3/2006) : приказ Министерства финансов России от 27.11.2006 № 154н (с изм. и доп. от 09.11.2017 № 180-н) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2022).

ложительная курсовая разница могла бы возникнуть лишь при наличии возможности реализовать иностранную валюту по официальному установленному курсу. Кроме того, пересчет стоимости иностранной валюты в рубли по официальному курсу иностранной валюты к рублю не соответствует принципу определения цены товара, предусматривающего, что для целей налогообложения принимается цена товаров, работ, услуг, указанная сторонами сделки, которая соответствует уровню рыночных цен (ст. 40 НК РФ).

Исходя из изложенного, официальный валютный курс формально не является ценой денег ввиду непризнания иностранной валюты деньгами на территории Российской Федерации, но фактически может служить основой для установления цены денег вследствие выполнения иностранной валютой в установленных законом случаях функций денег. Правовое регулирование цены иностранной валюты влечет для субъектов при совершении операций по продаже иностранной валюты дополнительные расходы в виде разницы между установленным официальным валютным курсом и курсом ее покупки уполномоченным банком, а также не соответствует принципу определения цены товара при установлении экономической выгоды в виде положительной курсовой разницы для определения прибыли организации для исчисления и уплаты налога на прибыль.

Список источников

1. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / Р.Н. Аганина и др. ; отв. ред. И.В. Ершова. – Москва : Проспект, 2017. – 848 с.
2. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник : в 2 т. / А.Ю. Бушев и др. ; под ред. В.Ф. Попондопуло. – Москва : Проспект, 2020. – Т. 1 – 608 с.
3. Предпринимательское право : учебник / Р.А. Курбанов и др. ; отв. ред. Р.А. Курбанов. – Москва : Проспект, 2019. – 856 с.
4. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования / А.В. Габов. – Москва : Статут, 2005. – 412 с.
5. Рождественская Т.Э. Публичное банковское право: учебник для магистров / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов. – Москва : Проспект, 2016. – 448 с.
6. Финансы и кредит : учебник / О.В. Соколова и др. – Москва : Магистр, ИНФРА-М, 2011. – 912 с.
7. Хайек Ф.А. Частные деньги / Ф.А. Хайек. – Москва : Институт национальной модели экономики, 1996. – 229 с.

8. Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учеб.-практ. пособие / И.В. Хаменушко. – Москва : Норма, 2013. – 352 с.

References

1. Ershova I.V., Aganina R.N., Andreev V.K., Andreeva L.V., Andronova T.A., Besedin A.N., Enkova E.E. et al.; Ershova I.V. (ed.). Entrepreneurial Law: Legal Support of Business. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 848 p.

2. Bushev A.Yu., Gorodov O.A., Zhmulina D.A., Lebedev K.K., Makarova O.A., Musin V.A. et al.; Popondopulo V.F. (ed.). Commercial (Business) Law. Moscow, Prospekt Publ., 2020. Vol. 1. 608 p.

3. Kurbanov R.A., Azarova S.A., Balanyuk L.L., Belialova A.M., Grechukha V.N., Gurbanov R.A., Denisov I.S. et al.; Kurbanov R.A. (ed.). Entrepreneurial Law. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 856 p.

4. Gabov A.V. Transactions with an Interest in the Practice of Joint-Stock Companies: Problems of Legal Regulation. Moscow, Statut Publ., 2005. 412 p.

5. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Public Banking Law: Textbook for Masters. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 448 p.

6. Sokolova O.V., Bondarenko I.A., Zemtsova O.I. et al. Banking and Finance. Moscow, Magistr, INFRA-M Publ., 2011. 912 p.

7. Hayek F.A. Private Money. Moscow, Institute of the National Model of the Economy Publ., 1996. 229 p.

8. Khamenushko I.V. Currency Regulation in the Russian Federation: Rules, Control, Responsibility. Moscow, Norma Publ., 2013. 352 p.

Информация об авторе

Information about the Author

Крылов Олег Михайлович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного
права Института права

Krylov Oleg Mikhailovich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of State Law,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 09.10.2022; одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 09.11.2022.

The article was submitted 09.10.2022; approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 09.11.2022.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

LAND LAW; NATURAL RESOURCES LAW; ENVIRONMENTAL LAW; AGRICULTURAL LAW

Научная статья

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.8

Ibatullina Natalya Sergeevna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, talka@list.ru

LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT FROM POLLUTION BY SOLID MUNICIPAL WASTE

Abstract. The steady increase in municipal waste is one of the most important environmental problems to be addressed immediately, as unused and uncleaned waste is deposited and accumulated in the environment, causing significant environmental damage, including the health of citizens. In Bashkortostan, as well as throughout the country, there is an increase in the annual volume of solid municipal waste formation, which currently amounts to about 1.5 million tons in the republic. The upward trend in solid municipal waste formation continues. The article reveals and describes the problems of the republic, connected with the main ways of utilization of solid municipal waste, which is mainly burial of waste. Waste should be considered as a source of secondary raw material. The author provides the main legal sources in the field of solid household waste management in the republic, in particular, and in the Russian Federation in general, as well as examples of judicial practice in the republic of Bashkortostan. It seems necessary to develop approaches to waste management, in which the main criteria: environmental safety and recycling efficiency should be taken into account. Solutions to the identified problems are the construction of accommodation and processing facilities, financial state support, improvement of the legal framework in this area, as well as raising the level of awareness of citizens in the field of waste sorting and recycling.

Keywords: solid municipal waste, disposal, recycling, landfills, waste management plant

For citation: Ibatullina N.S. Legal Protection of the Environment from Pollution by Solid Municipal Waste. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 61–69. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.8. (In Russian).

Ибатуллина Наталья Сергеевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, talka@list.ru

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ

Аннотация. Постоянный рост количества коммунальных отходов – одна из важнейших экологических проблем, требующая незамедлительного решения, поскольку неиспользованные и необезвреженные отходы накапливаются в окружающей среде, нанося значительный урон экологии и здоровью граждан. Эта проблема касается и Республики Башкортостан, где уже скопилось около 1,5 миллионов тонн не утилизированных коммунальных отходов. Автор приводит основные правовые источники в области управления твердыми бытовыми отходами, а также примеры республиканской судебной практики. Видится необходимость разработки подходов к утилизации отходов, при которой должны быть учтены основные критерии: экологическая безопасность и эффективность переработки. Решениями выделенной проблемы являются строительство объектов размещения и переработки твердых коммунальных отходов, финансовая государственная поддержка, совершенствование правовой базы в данной сфере, повышение уровня осведомленности граждан в сфере сортировки и утилизации отходов.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, захоронение, утилизация, переработка, свалки, полигоны, мусороперерабатывающий завод

Для цитирования: Ибатуллина Н.С. Правовая охрана окружающей среды от загрязнения твердыми коммунальными отходами / Н.С. Ибатуллина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 61–69. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.8.

Solid municipal waste is waste generated in residential premises by the consumption of individuals, as well as goods that have lost their consumer properties during their use by individuals in residential premises for personal and domestic needs. Solid municipal waste also includes waste generated by legal entities, individual entrepreneurs and similar by the composition of waste generated in residential buildings during consumption by individuals (V.N. Azarov, V.A. Gra-

chev etc.). In most countries around the world, especially developed ones, a unified system exists for disposal, which allows each component to be deposited or recycled.

Solving the problems associated with the continuous increase in the amount of municipal waste is one of the most important tasks for Russian cities. Environmental safety and recycling efficiency should be the main criteria in developing waste management approaches. Currently, there is a tense situation in the republic of Bashkortostan with the placement and disposal of solid municipal waste. Unused and uncleared waste enters and accumulates in the environment. Annual volume of solid municipal waste formation in Bashkortostan is constantly growing and makes about 2 million tons. There is an annual increase in the generation of consumer waste by 10 %. On average, one inhabitant of the republic has about 250–300 kilograms of solid waste. The growth trend in waste generation will continue.

The generation of waste and its accumulation pose a serious environmental threat to the republic. The negative impact of landfills is also reflected in increased morbidity and mortality of the citizens. Bashkortostan system of solid municipal wastes handling is mainly based on landfills. In addition, there are a huge number of spontaneous landfills in the cities and especially in the regions. On the territory of the republic there are about three thousand landfills of solid municipal waste, which occupy a total area of more than two thousand hectares of land. Almost every settlement has one or more landfills of solid municipal wastes. Most of them do not comply with the requirements of environmental legislation (no land allocation documents, no basic environmental installations, no environmental monitoring). Household, industrial, construction and other wastes are exported there. Most rural sites are not covered by waste collection, transportation and disposal. No remediation work is carried out at the decommissioned landfills.

The republican target programme «Improvement of the system of solid waste management in the Republic of Bashkortostan» for 2011–2020 was approved by the Government of the republic of Bashkortostan in 2011. The programme provides financing of activities in the amount of 2.5 billion rubles from the local budgets. This in fact questions the implementation of the programme, since basically all rural areas of the republic are subsidized and do not have such means. «At present, the entire burden of the direct provision of environmental safety in the treatment of waste falls (according to the current legislation) on the local self-government bodies» [1, c. 170].

There are no funds for the exercise of these powers. So the supervisory authorities demand, issue regulations, and, as a result, impose fines on district and village leaders. There is a vicious circle because there are responsible people al-

though there is no money. As a result, the problem is not solved. In our view, it is necessary to review the concept of the programme as a whole. First of all, to undertake the activities, it needs to identify the real sources of financing, with the development of real economic mechanisms to stimulate the implementation of the activities included in the programme. Today more than ever, strong state support in this matter is required to give impetus to this work.

Waste should be considered not only as a source of environmental pollution and human exposure, but also as a source of secondary resources. In this regard, the shift from landfill to secondary feedstock should be a priority for waste management. In the republic, the level of waste use is very low, on average 3 % of the total annual volume. Only highly liquid and profitable wastes, mainly ferrous and non-ferrous metal scrap and waste, polymeric materials, high-grade waste paper, clean textiles and wood waste, are brought into the economic circulation. Experience in sorting waste directly at the landfill and at the marshalling yards near the landfill sites has shown that it is possible to extract up to 50 % of valuable components and significantly reduce the load on the landfill. Today it is necessary to spread this experience throughout the territory of the republic.

In the European Union countries, despite the principles of a market economy, the policy approach sets higher prices for landfills and mandatory indicators for municipalities for the desired collection and use of secondary raw materials. This experience should also be used. For further effective cooperation between the Russian Federation and the European Union in the field of environment protection and solving global ecological issues it is necessary to harmonize a domestic legislation [2, c. 59].

Currently, more than 120 enterprises and individual entrepreneurs are engaged in waste collection and recycling activities in the Republic, which is very small, given the scale (waste formation). In rural areas, they mainly collect secondary raw materials. The main difficulties of entrepreneurs are obtaining credit for business development, supply of raw materials, high rent. As a result, most of the secondary raw materials are sent for processing outside the republic, to neighboring regions such as Udmurtia and Tatarstan. Accordingly, the main profit remains in the neighboring regions.

The lack of public interest, for a variety of objective and subjective reasons, in collecting waste separately and in reducing the waste mass is an impediment to the development of an effective TDI management system. In some regions of the Russian Federation, experiments have been conducted to organize separate collection of waste, which showed that the success of such a system depends primarily on the willingness of the population to participate in it, and, secondly, the availability of utilities and processing facilities.

A large set of economic instruments is known in world practice, but before adopting any of them, it is necessary to determine the real and adequate price of development of the recycling system, assess the cost-effectiveness of applying existing organizational models in the field of solid municipal wastes management. The solution must be technically and economically feasible.

The legislation in the field of waste management includes more than 100 active documents, including federal laws, decisions of the Government of the Russian Federation, documents of a number of sectoral ministries and departments, as well as legislative acts of the Republic of Bashkortostan. However, this legal framework does not fully regulate the relations in question and requires improvement and updating. Work on improving the legislation is still ongoing.

At present, the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan considers the Law of the Republic of Bashkortostan on amendments to the Law of the Republic of Bashkortostan «On waste of production and consumption». This law specifies the powers of the state power bodies of the Republic of Bashkortostan, local self-government bodies. Requirements for the development and implementation of regional programmes, to the territorial scheme in the field of waste management. A regional operator for solid municipal waste management is being introduced. Activities and tariffs to be regulated by the State in the field of solid municipal waste management are defined. The procedure for the state regulation of tariffs, the procedure for determining the volume and mass of solid municipal waste at the conclusion of contracts, the procedure for access to information in the field of solid municipal waste management.

At the federal level, discussions are under way on the redistribution of powers between federal and regional authorities and ways of improving inter-budgetary relations. The existing system of income distribution between the federal centre, regions and municipalities is considered sub-optimal and a decision has been taken to change it. Major changes are expected in the Budget and Tax Codes. In the future, the main directions of improving the legal framework in this area should be simplifying and increasing the efficiency of mechanisms for managing waste streams, creating conditions for the development of the business of collecting consumer wastes, their processing and reuse.

Once again, it is necessary to pay attention to the fact that without increasing the overall level of environmental knowledge of the population, this problem cannot be solved. At this stage of social development, there is an increasing need to create an ecological culture as the basis of the general culture of society. Environmental culture should be closely linked to the environmental policy of the State, should be the main objective of all levels of government and civil society institutions, should be based on environmental education and promotion of ecological awareness.

There are a significant number of cases in the courts that concern solid municipal waste, unauthorized landfills. For example, on July 11, 2017 the Kumertau Inter-district Court of the Republic of Bashkortostan considered the case, where the Prosecutor of the Kuyurgazinsky District of the Republic of Bashkortostan applied to the court to the administration of the rural settlement of Bakhmut village council of the municipal district of Kuyurgazinsky District of the Republic of Bashkortostan on liquidation of the unauthorized landfill of solid household waste, indicating that the Kuyurgazinsky District Prosecutor's Office had carried out an audit of compliance with environmental legislation.

It has been established that within the limits of the rural settlement of Bakhmut village council of the municipal district of Kuyurgazinsky district at a distance of about 150 meters from the right side of the road at the entrance to the village of Bakhmut. The unauthorized placement of solid municipal waste results in pollution of the territory and the environment. However, the administration of the rural settlement has not properly carried out its duties in the area of waste management of production and consumption, ensuring sanitary and epidemiological well-being in the territory of the rural settlement, which leads to deterioration of ecological well-being in the territory of this rural settlement and in general Kuyurgazinsky district.

The presence of an unauthorized landfill on the territory of a rural settlement affects the quality of life and well-being of an undetermined circle of persons, and it also leads to a significant deterioration of the sanitary and epidemiological situation in the territory of the settlement, negatively affects the state of the natural environment and creates a real threat of epidemiological disease of the population.

In accordance with paragraph 18 of the Decree of the Government of the Russian Federation of November 12, 2016 № 1156 «On the Management of Solid Municipal Waste and the Amendment to the Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2008 641» the owner of the land parcel shall independently ensure the elimination of the place of unauthorized placement of solid municipal waste or conclude a contract for the provision of services for the elimination of the identified place of unauthorized placement of solid municipal waste with regional operator. The court granted the suit.

There are also practical problems of cities, for example, residents of Sterlitamak of Bashkortostan applied to the All-Russia People's Front Center for Public Monitoring of Ecology and Forest Protection. In their appeal residents indicate, in the mid-2000s at the expense of the budget of the Republic of Bashkortostan, the state unitary enterprise «Tabigat» has realized the construction of the first line of the solid household waste range in the city of Sterlitamak in the amount of more than 70 million ruble. According to the public, at the time of commissioning, the

landfill was equipped with the latest technology, had a waste sorting and recycling shop, received international certification. The fact that the polygon was designed and built within the boundaries of the settlement, in violation of environmental legislation, then did not bother anyone.

By 2012, the small landfill turned into a huge one. The declared waste treatment facility was not carried out. What became with «high-tech» equipment and why the activity on sorting and processing of waste has been discontinued the state unitary enterprise «Tabigat» is unknown. By this time private companies LLC «Industry» and LLC «Eco-technologies» appeared in the city. They offered services in the field of waste sorting and processing. At the same time, the heads of these companies openly stated in the media that there is no waste treatment at the landfill, the capacity of the first phase exhausted, the construction of the second phase is in question, and these companies can fix the situation within the state-run private partnership through self-investment and modern technology.

During the «competitive» struggle, connected with a series of scandals and mutual accusations in front of the public of the city, LLC «Ecotechnologies» actually ceased its activity. But LLC «The Industry» in 2012 received from the state unitary enterprise «Tabigat» the right to use what was called the first turn of the polygon of solid household waste and was built for budget money. This happened first as part of a scandalous agency contract, and then the lease of state property was made. Questions of the public about the grounds and procedure of the transfer of state property for the use of a private company, the amount and nature of the company's investment in the modernization of the facility and, most importantly, who and how will make the recovery of the created landfill, have gone unanswered on the pretext of commercial secrecy.

After the transition from state structure to LLC «The Industry» the situation worsened. In the absence of activities on modernization of the facility, LLC «Industry» simply continued to dump the already crowded object with garbage, carrying out this activity without the appropriate license. At the same time, the owners of the enterprise deceived the management of the republic, positioning their enterprise as advanced. The situation has drawn the attention of oversight bodies. Checks had been carried out, fines had been issued, injunctions had been issued and even an illegal business case had been brought. It was found that the placement (burial) of waste within the boundaries of the settlement is prohibited in principle and, accordingly, the activity of LLC «Retindustriya» on burying of waste at the landfill of solid household waste in the city Sterlitamak cannot be carried out. The question arose about the prosecution of LLC «The Industry» for signs of illegal entrepreneurship. How «competent» bodies and «professional» market participants in the person of LLC «The Industry» and the state unitary en-

terprise «Tabigat» missed this question at the stage of design, expertise, construction and operation of this facility remains a mystery.

Nevertheless, the result of the inspection by the Prosecutor's Office of the Republic of Bashkortostan was received. The findings confirmed the public's fears. The first phase of the solid household waste landfill in Sterlitamak is operated in violation of the current legislation. The facility is not in the State Register of Waste Disposal Facilities. A fine was issued and a writ was issued. In the event of such violations, it can be expected that illegal activities will be halted, but unfortunately this has not happened. Illegal activities have continued. The Prosecutor's Office of the Republic of Bashkortostan found, firstly, that there is no positive conclusion of ecological expertise in force, and secondly, that the Sterlitamak city administration illegally issued a building permit. The order has been issued. But now, the question of the residents is open, they say it in the media and social media groups.

Waste management is a pressing issue in all Russian cities. For example, the commissioning of a pilot Kostroma Waste Disposal Plant, designed to significantly reduce the amount of waste disposal, caused discontent among citizens due to the sharp rise in the prices for garbage disposal¹. Minister of Natural Resources and Ecology Sergey Donskaya said in an interview for the Russian newspaper that the «environmental consciousness of citizens will be formed with the help of the ruble. Those who litter the streets and nature will be punished with fines. But those who are not afraid to get their hands dirty and will sort their waste before sending them to the garbage can pay a smaller rent»².

Thus, the field of solid municipal waste is the most relevant and significant for the city. The development of industrial and agricultural production, construction, transport and services is accompanied by a continuous increase in the volume and complexity of waste generated in these areas, as well as in the consumption (operation) of the corresponding goods, works and services. Our country pays much less attention to the problem of collection, utilization and processing of solid municipal waste than developed countries in Europe or America. Management, transport and disposal methods are hopelessly outdated and cannot guarantee environmental safety, which in some cases can lead to deplorable and irreversible consequences. Among the types of waste, solid municipal

¹ Скудаева А. Костромские общественники и бизнесмены недовольны тарифами на утилизацию отходов [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. № 7298 (132). URL: <https://rg.ru/2017/06/20/reg-cfo/ekologichnaia-pererabotka-musora-v-kostrome-vyzvala-rost-tarifov.html> (дата обращения: 11.10.2022).

² Березина Е. Подходы к отходам [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. № 7874 (208). URL: <https://rg.ru/2017/09/14/donskoj-sortiruiushchie-musor-rossiane-smogut-poluchit-lgoty-po-zhkh.html> (дата обращения: 06.10.2022).

waste occupies a special place. This hazard affects all stages of solid municipal waste management, from collection and transportation to preparation for use of waste components and destruction or disposal of unused fractions.

References

1. Tulipanov F.M. The Powers of Local Governments in the Field of Natural Management and Environment Protection. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, 2014, no. 2 (3), pp. 170–173. (In Russian).
2. Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A. Development of International Legal Relations between the European Union and the Russian Federation in the Field of Environmental Protection. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 4, pp. 53–58. (In Russian).

Список источников

1. Тюльпанов Ф.М. Полномочия органов местного самоуправления в сфере природопользования и охраны окружающей среды / Ф.М. Тюльпанов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2 (3). – С. 170–173.
2. Мухаметгареева Н.М. Развитие международно-правовых отношений Европейского союза и России в области охраны окружающей среды / Н.М. Мухаметгареева, З.А. Юсупова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 53–58.

Информация об авторе

Ибатуллина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права

Information about the Author

Ibatullina Natalya Sergeevna – Candidate of Sciences (Philology), Senior Instructor of the Chair of International Law and International Relations, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 13.12.2022.

The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 13.12.2022.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY;
CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья

УДК 343

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.9

Козырева Ирина Евгеньевна^{1, 2}, Егорышева Елена Александровна^{1, 3}

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

²irinak75@gmail.com

³helenao503@mail.ru¹

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПО АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ЗАЩИЩЕННОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления работы с обучающимися в рамках профилактики экстремизма: изучение этого явления на занятиях, вовлечение обучающихся в волонтерскую деятельность, развитие шефства и других моделей позитивного поведения. Охарактеризованы основные проблемы, которые мешают образовательным учреждениям бороться с экстремизмом, терроризмом и их проявлениями.

Ключевые слова: террористическая угроза, общеобразовательные учреждения, криминологическая характеристика преступника – террориста, профилактика терроризма и экстремизма

Для цитирования: Козырева И.Е. Некоторые аспекты работы по анти-террористической защищенности для обеспечения безопасности образовательного процесса / И.Е. Козырева, Е.А. Егорышева // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 70–76. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.9.

Kozyreva Irina Evgenievna^{1, 2}, Egorysheva Elena Aleksandrovna^{1, 3}

¹Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

²irinak75@gmail.com

³helenao503@mail.ru

SOME ASPECTS OF ANTI-TERRORISM PROTECTION FOR THE SECURITY OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. The authors of the article pay their attention on the key priority of work with students to secure them from extremism: the study of this phenomenon during the classes, the students' involvement in volunteer activities, the patronage development and other models of positive behavior. The main problems that prevent educational institutions from fighting extremism, terrorism and their manifestations are described.

Keywords: terrorist threat, educational institutions, criminological characteristics of the criminal-terrorist, terrorism and extremism prevention

For citation: Kozyreva I.E., Egorysheva E.A. Some Aspects of Anti-Terrorism Protection for the Security of the Educational Process. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 70–76. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.9. (In Russian).

Вызовы современности продолжают испытывать человечество на прочность. Террористическая угроза, принимая самые различные формы, вторгается в жизнь общества и собирает свой урожай жертв там, где должны царить мир и спокойствие, где формируется будущее нации, – в образовательных учреждениях. Одна из главных задач по предотвращению терроризма заключается в необходимости пересмотреть привычные представления о безопасности.

Для понимания личности террориста-экстремиста и его преступной деятельности важно раскрыть содержание двух понятий – психической инфляции и эффекта прайминга.

Инфляция – психическое состояние, в котором человек испытывает любое нереальное – либо слишком высокое (мания величия), либо слишком низкое (депрессия) – чувство своей идентичности; преувеличенное ощущение своей важности, которое зачастую компенсируется чувством неполноценности; дезориентация, сопровождаемая либо чувством огромной значимости и уникальности, либо, наоборот, ощущением своей никчемности и не-

значительности; выход личности за пределы своих собственных границ за счет идентификации с персоной или, в патологических случаях, с исторической или религиозной фигурой. Сознание в состоянии инфляции всегда эгоцентрично и не способно осознавать ничего, кроме собственного существования. Оно неспособно учиться у прошлого, понимать происходящее сейчас и делать правильные заключения относительно будущего. Оно загипнотизировано самим собой, и поэтому с ним бесполезно спорить. Оно неизбежно обрекает себя на бедствия и катастрофу, приводящие в конечном итоге к своему собственному уничтожению [1, с. 44–45].

Действие механизма психической инфляции обуславливает процесс идентификации с теми, кто реализовал преступные модели поведения. Большое значение для понимания поведения преступника имеет его мотивационная сфера. Наиболее полно, на наш взгляд, преступные мотивы описаны в работе Д.В. Ольшанского «Психология терроризма»: идеологические мотивы, когда преступное деяние рассматривается как выполнение какой-либо миссии, подчиненной высокой цели; рассмотрение терроризма как инструмента активного изменения мира; мотив власти над людьми; рассмотрение терроризма как новой необычной сферы деятельности; мотив, обусловленный пережитой обидой и унижениями (буллинг, моббинг, троллинг); мотив самореализации, то есть растворения в теракте, вплоть до самопожертвования. Последний из перечисленных мотивов является основой злокачественной агрессии, обуславливающей действия преступника, который счастлив возможности отдать свою жизнь и унести жизни как можно большего количества «врагов». Для такого исключительно опасного для общества индивида главным является мотив ненависти, состояние эмоционального куража при совершении террористических действий, выражающееся в желании умереть, но отнять жизнь у другого. В основе данной модели поведения лежит подсознательная установка собственной ненужности, несостоятельности, иллюзия, что только террористический акт является главным определяющим фактором, составляющим смысл жизни [2, с. 118–124].

Эффект прайминга заключается в том, что какое бы негативное событие не преподносилось СМИ, обязательно найдутся те, кто захочет повторить увиденный сценарий преступления [3]. Иллюстрацией этому служат драматические и часто трагические примеры, когда вслед за сообщениями в средствах массовой информации о необычных формах насилия похожие события происходят очень далеко от тех мест, где они первоначально зафиксированы. Видимо, в подобных случаях зрители (или читатели) овладевают новыми агрессивными приемами посредством научения, а затем, воодушевленные сообщением об эпизоде насилия, применяют их на практике [4, с. 52]. В качестве примера можно привести расстрелы в школах в Казани, Ижевске и

других городах и странах. Следует отметить, что первые наиболее громкие подобные случаи произошли в США и были впоследствии популяризированы в документальных и художественных фильмах.

После событий 11 сентября 2001 г. все формы терроризма и экстремизма были тщательно проанализированы. Подобные преступления в образовательных учреждениях – это относительно новое явление в России. Для противодействия ему недостаточно проработаны механизмы обеспечения безопасности. Это означает, что администрация образовательных учреждений и сами обучающиеся должны думать и принимать профилактические меры для обеспечения собственной безопасности. В частности, должны быть усовершенствованы правила поведения в критических ситуациях и выработан четкий алгоритм поведения в экстремальной ситуации.

В целях совершенствования мер по противодействию терроризму в Российской Федерации, в том числе недопущения вовлечения молодежи в противоправную деятельность, в п. 4 ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» было внесено изменение, устанавливающее обязанность педагогических работников по формированию у обучающихся гражданской позиции, в том числе отрицанию идеологии экстремизма и терроризма.

В образовательном стандарте также закреплены положения, направленные на профилактику экстремизма. Так, согласно ФГОС, цели курса «Основы безопасности жизнедеятельности» – формировать антиэкстремистскую и антитеррористическую личностную позицию, также учащиеся должны знать основные опасные чрезвычайные ситуации и их последствия. Среди этих чрезвычайных ситуаций – экстремизм и терроризм [5, с. 123].

Необходимо помнить об опасности, быть осторожным, бдительным и внимательным. Чтобы попытаться предотвратить злодеяние, нужен другой, более высокий уровень самодисциплины. Так, в казанской школе злоумышленник убил двух вооруженных охранников, которые не смогли оказать ему сопротивление, и продолжил совершать преступление, хладнокровно и безжалостно убивая невиновных. Это означает, что повсеместно существующие и действующие посты охраны совершенно не выполняют свою функцию, а являются часто лишь имитацией противодействия подобным явлениям.

Существуют определенные рекомендации, изложенные в различных работах для самоорганизации в подобных ситуациях:

- 1) 30–40-минутные тренинги в группах из 2–4 человек, где преподавателей и обучающихся учат тому, как вести себя в сложных ситуациях;
- 2) выработка навыков, помогающих справиться со страхом и правильно оценить реальность, максимально объективно оценить масштаб угрозы и при-

менять техники, например, описанные в работе К. Изарда «Психология эмоций», которые необходимо тиражировать и которым необходимо обучать.

Также целесообразно более четко разрабатывать и обучать применению практических приемов преодоления ужаса – самой сильной степени страха, умению остановить панику, возникающую в подобных ситуациях.

Для этого необходимо:

- создавать кризисное (резервное) руководство, подготовив людей, управляющих поведением других;
- установить надлежащие средства звуковещательной техники для восполнения дефицита необходимой информации;
- организовать обучение правилам поведения в экстремальных ситуациях;
- подготовить эвакуационные маршруты и др.

Описано много случаев, когда паника прекращалась при воздействии ритмичных звуков. Д.В. Ольшанским в работе «Психология терроризма» приводится пример, когда во время пожара в парижской Гранд-опера несколько человек начали исполнять национальный гимн. Таким образом они остановили панику, и присутствовавшие организованно покинули горящее здание [2, с. 264].

Неожиданное включение музыки также способно деморализовать или отвлечь преступника. Но все это должно быть подготовлено и отработано заранее и моментально включаться в критической ситуации, поэтому тренинги, обучение представителей резервного управления, маршруты эвакуации, звуковое оповещение, умение открывать двери и многое другое должно быть многократно и регулярно отрепетировано, и только в этом случае эти меры сыграют свою положительную роль в предотвращении гибели людей.

Большое значение должно придаваться обустройству входной группы образовательных учреждений и поста охраны как препятствия для злоумышленника или злоумышленников, которое достаточно часто является формальным.

Особое внимание необходимо уделять чистоте помещений. Как показывает мировая практика, неубранные места (переполненные урны) являются излюбленными для террористов-экстремистов точками для размещения взрывных устройств. Так, в Израиле, известном своим гиперсерьезным отношением к данной проблеме, урны сделаны прозрачными для быстрого обнаружения и ликвидации опасного содержимого.

Важнейшим элементом профилактики является мониторинг социальных сетей, так как преступники задолго до совершения преступлений декларируют свои преступные намерения, которым, к сожалению, не уделяется должного внимания, а впоследствии приходит понимание, что трагедию можно было предотвратить.

В своей работе «Виртуальный криминал» Е.П. Ищенко пишет: «Особый интерес для криминалистов представляет тот факт, что новые технологии могут не только определить, что было, но также приоткрыть завесу над будущим. Сейчас активно ищут потенциальных террористов, в мозгах которых зарождаются коварные планы. Разработками подобных приборов занимаются специалисты из исследовательских центров, расположенных в шотландском Эдинбурге и германском Гамбурге» [6, с. 148]. Все перечисленное дает возможность надеяться на то, что профилактика, обучение, изучение существующего опыта, создание четких алгоритмов поведения в критических ситуациях помогут нейтрализовать или избежать негативных сценариев подобных явлений.

Список источников

1. Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами) / В.В. Зеленский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Когито-Центр, 2008. – 336 с.
2. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. – Санкт-Петербург, 2002. – 288 с.
3. Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2007. – 510 с.
4. Бэрн Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 352 с.
5. Надыршин Т.М. Зарубежный опыт практики профилактики экстремизма среди подростков / Т.М. Надыршин // Проблемы современного образования. – 2018. – № 1. – С. 121–132.
6. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал / Е.П. Ищенко. – Москва : Проспект, 2013. – 230 с.

References

1. Zelensky V.V. Explanatory Dictionary of Analytical Psychology (with English and German Equivalents). 3rd ed. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2008. 336 p.
2. Olshansky D.V. Psychology of Terrorism. Saint-Petersburg, 2002. 288 p.
3. Berkowitz L. Aggression. Causes, Consequences and Control. Saint-Petersburg, Prajm-Evroznak Publ., 2007. 510 p.
4. Baron R., Richardson D. Aggression. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2001. 352 p.

5. Nadyrshin T.M. Foreign Experience in the Extremism Prevention Practice among Adolescents. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*, 2018, no. 1, pp. 121–132. (In Russian).

6. Ishchenko E.P. Virtual Crime. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 230 p.

Информация об авторах

Козырева Ирина Евгеньевна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Института права;

Егорышева Елена Александровна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Института права

Information about the Authors

Kozyreva Irina Evgenievna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Criminalistics,
Institute of Law;

Egorysheva Elena Aleksandrovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Criminalistics,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья

УДК 343.85:343.57

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.10

Фарваев Александр Александрович¹, Юсупов Рахимьян Галимьянович²

¹ООО «АК-БУР СЕРВИС», Уфа, Россия, farvaev@mail.ru

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
yusupovr.g@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье представлены материалы, собранные в ходе исследования степени изученности темы, посвященной правовым основам борьбы с наркоманией в современной России. Установлено, что российское антинаркотическое законодательство представляет собой систему нормативных правовых актов, которую формально можно считать достаточной для борьбы с наркоугрозами. Однако эта борьба ведется с переменным успехом, наркобизнес создает новые угрозы, при этом отдельные правовые нормы остаются несогласованными и не способствуют улучшению наркоситуации в стране. Авторами обобщены взгляды исследователей на данную проблему, внимание сконцентрировано на «неповоротливости» закона при фиксации веществ, составляющих наркоугрозу обществу; назначении слишком мягкого наказания за деяния, связанные с наркотиками и новыми психоактивными веществами; отсутствии в законодательстве четкого толкования ряда терминов, что рассматривается как препятствие для организации профилактических мероприятий и борьбы с наркоманией.

Ключевые слова: антинаркотическая политика, антинаркотическое законодательство, профилактика наркомании

Для цитирования: Фарваев А.А. О некоторых проблемах правового регулирования борьбы с наркоманией в современной России / А.А. Фарваев, Р.Г. Юсупов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 77–88. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.10.

Farvaev Alexander Alexandrovich¹, Yusupov Rakhimian Galimianovich²

¹LLC «AK-BUR SERVICE», Ufa, Russia, farvaev@mail.ru

²Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, yusupovr.g@yandex.ru

ON THE LEGAL REGULATION OF THE DRUG ADDICTION FIGHT IN MODERN RUSSIA

Abstract. This article presents the materials collected during the study of the topic devoted to the legal foundations of the drug addiction fight in modern Russia. It has been found that the Russian anti-drug legislation is a system of normative legal acts that formally can be considered sufficient to combat drug addiction. But the fight against drug addiction is carried out with varying success, the drug business creates new threats to society, while certain legal norms remain inconsistent and do not contribute to improving the drug situation in the country. The article summarizes the views of researchers on this problem. Their attention is focused on such problems as the « awkwardness » of the law in fixing substances that constitute a drug threat to society; the imposition of too lenient punishment for acts related to drugs, including new psychoactive substances; the lack of a clear interpretation of a number of terms in the legislation, which is seen as an obstacle to the organization of preventive measures and the fight against drug addiction.

Keywords: anti-drug policy, anti-drug legislation, drug prevention

For citation: Farvaev A.A., Yusupov R.G. On the Legal Regulation of the Drug Addiction Fight in Modern Russia. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 77–88. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.10. (In Russian).

Незаконный оборот наркотиков и наркотизация населения – проблема глобальная. Россия столкновения с ней не избежала, и у нас эта проблема считается одной из наиболее значимых, что обусловило создание концепции и стратегии антинаркотической правовой политики государства, то есть самостоятельного направления правовой политики, закрепленного в соответствующих нормативных правовых актах [1, с. 3, 11].

В настоящее время в России сформирован комплекс нормативных правовых актов, регулирующих методы и способы противодействия наркоугрозам в рамках различных отраслей права (международного, уголовного, административного и др.). Формат статьи не позволяет подробно описать со-

временное антинаркотическое законодательство России, но подчеркнем важный момент: в литературе высказывается мнение, что его можно считать достаточным «для обеспечения эффективной организации борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», а также профилактики наркомании [2, с. 145–146].

Действительно ли современное антинаркотическое законодательство России достаточно, могут показать статистические данные. Так, некоторые параметры наркоситуации в стране проанализированы Федеральной службой государственной статистики, или Росстатом (расчеты Росстата по данным Минздрава опубликованы на его официальном сайте). В частности, на сайте Росстата представлены расчеты численности больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях в 2003–2020 гг., и по этому параметру отмечена позитивная динамика: пик официально зафиксированной заболеваемости пришелся на 2007–2009 гг. (237,3 чел. на 100 тыс. населения в 2007 г., 239,5 чел. на 100 тыс. населения в 2008 г., 238,2 чел. на 100 тыс. населения в 2009 г.), затем численность заболевших начала снижаться и к 2020 г. достигла показателя 145,3 чел. на 100 тыс. населения.

На сайте Росстата представлены и сведения за те же годы о численности лиц, впервые взятых под диспансерное наблюдение. По этому параметру также отмечена позитивная динамика: ситуация обострилась в 2007 г. (20,7 чел. на 100 тыс. населения), затем с переменным успехом происходило улучшение обстановки, и в 2020 г. численность больных наркоманией, впервые взятых под диспансерное наблюдение, составила 8,4 чел. на 100 тыс. населения¹.

По идее, есть повод считать, что российское антинаркотическое законодательство вполне эффективно и прогноз на будущее оптимистичен. Однако представленные данные показывают тенденцию всего лишь в части, касающейся фиксированного учета наркоманов в лечебно-профилактических организациях. Сколько их не зафиксировано, неизвестно. А проблема на самом деле вырисовывается и по другим показателям: по летальности наркозависимых, в том числе потребителей неуточненных наркотиков, по количеству правонарушений, связанных с наркотиками, и т. д.

В научной литературе проанализированы данные не только Росстата, но и других источников, и они демонстрируют менее оптимистичную картину. Так, Н.С. Грудинин изучил данные МВД и выяснил следующее: в 2020 г. в России насчитывалось около 6 млн наркозависимых, из них 60 % – это лица в

¹ Заболеваемость населения наркоманией // Росстат : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 30.09.2022).

возрасте 16–30 лет, примерно по 20 % – лица в возрасте 10–15 лет и старше 30 лет [3, с. 270].

Обратим внимание на довольно высокий процент вовлечения в потребление и распространение наркотиков детей и подростков и обратимся к комментарию заместителя начальника курса факультета подготовки специалистов по программам высшего образования Ростовского юридического института МВД России М.В. Ионовой, которая утверждает, что общее количество официально зарегистрированных наркоманов после 2017 г. остается примерно на одном уровне, но число несовершеннолетних наркоманов при этом выросло на 60 % [4, с. 39]. Несовершеннолетние – это будущее России, а значит, рост наркозависимых в среде несовершеннолетних – это серьезная угроза для будущего России. Следовательно, принятые меры убежденно называть достаточными преждевременно.

Рассуждая об изменении наркоситуации в лучшую сторону, некоторые авторы смещают акценты с правовых мер на иные. Например, Г.В. Зазулин убежден, что наркоситуацию в стране следует рассматривать как «предмет политики, т. е. конфликта», а если точнее – «конфликта правового государства с глобализированным наркорынком» [5, с. 8], а путь к успеху должен начинаться с создания «политологической теории борьбы с современными наркоугрозами» [5, с. 135]. Не будем спорить, но заметим, что новые теоретические воззрения могут быть реализованы только в том случае, если они найдут отражение в праве. Кроме того, важно разобраться, насколько полно в ныне действующих правовых нормах зафиксированы реально существующие угрозы, исходящие от наркобизнеса, и насколько оперативно законодательство реагирует на новые наркоугрозы. Для этого считаем целесообразным ознакомиться с мнениями исследователей проблемы и обобщить собранную информацию.

1. Первое, на что обращают внимание правоведы, – некоторая неповоротливость законодательства, которое объективно не успевает за наркобизнесом, экспериментирующим с наркотическими веществами: «пока в закон вносят поправки о признании вещества наркотиком, производители-химики уже успевают изменить формулу и де-факто создать новый наркотик, не включенный в перечень запрещенных законом средств» [6, с. 62–63]. Проблема достаточно серьезная. Как следует из доклада Государственного антинаркотического комитета, количество отравлений наркотическими веществами в 2019–2020 гг. держалось примерно на одном уровне (свыше 18 тыс. чел.), причем почти треть из них – это отравления, вызванные неуточненными

ми веществами. Более того, в 2020 г., в сравнении с 2019 г., количество отравлений, вызванных неуточненными веществами, выросло на 22,5 %¹.

2. В 2016 г. на серьезную проблему обратили внимание доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации Д.А. Корецкий и его коллега-докторант Е.А. Стешич. Суть проблемы в следующем: в 1998 г. Постановлением Правительства РФ № 681 был утвержден перечень подлежащих контролю наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (Список I), где в качестве наркотических средств указывались d-Лизергид (ЛСД, ЛСД-25) – психоактивное вещество, которое синтезируется из лизергиновой кислоты, а также сама лизергиновая кислота и ее производные. В 2006 г. Постановлением № 76 Правительство РФ утвердило параметры для определения крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ и для всех позиций, связанных с лизергиновой кислотой, соответствующие параметры были заданы. В 2012 г. в антинаркотическом законодательстве произошли изменения. Во-первых, оно, согласно Постановлению Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, стало рассматривать оборот наркотиков не по двухзвенной, а по трехзвенной системе оценки размера вещества, предусмотрев значительный, крупный и особо крупный размеры. Во-вторых, изменился Список I. В нем, согласно Постановлению Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1003, выделили раздел «Прекурсоры». Лизергиновая кислота и ее производные (кроме собственно ЛСД) были исключены из перечня наркотических средств и включены в перечень прекурсоров, на которые трехзвенная система оценки размера вещества, от которой зависит тяжесть наказания, не распространяется. Иными словами, в ходе реструктуризации Списка I лизергиновая кислота была признана веществом, которое всего лишь используется при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ. И этот факт вызвал несогласие со стороны ученых. Они сочли, что перевод лизергиновой кислоты в категорию прекурсоров «в условиях массового распространения синтетических наркотиков выглядит смягчением ответственности наркодельцов», поскольку она, помимо того что используется при производстве ЛСД, сама по себе, в неизмененном виде, «оказывает психотропное воздействие на организм человека», причем в микродозах (средняя разовая доза составляет 0,00005 г).

Что в итоге перемен получилось? Согласно ст. 228 УК РФ незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств и психотропных веществ в крупных и особо крупных размерах карается лишением свободы от 3 до 10 лет и от 10 до 15 лет соответственно.

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 г. – М. : Государственный антинаркотический комитет, 2021. С. 5.

Согласно ст. 228.3 УК РФ незаконное приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ в крупных и особо крупных размерах караются штрафами от 200 тыс. до 300 тыс. руб. и от 300 тыс. до 500 тыс. руб. соответственно. То есть в 2012 г. за незаконное приобретение, хранение или перевозку лизергиновой кислоты и ее производных (кроме ЛСД) закон перестал предусматривать меры, связанные с лишением свободы, что Д.А. Корецкий и Е.А. Стешич назвали «декриминализацией опасного вещества» [7, с. 451–452].

Справедливости ради заметим, что в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20 декабря 2021 г. № 2367 лизергиновая кислота и ее производные снова были включены в перечень наркотических средств. Но осталась проблема, связанная с границами понятия «особо крупные размеры наркотических средств и психотропных веществ». Эти границы в 2012 г. действительно повлекли ужесточение наказания, однако их чрезмерно высокая величина также вызвала критику ученых. Так, Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 крупным размером героина признавало 0,5 г, особо крупным – 2,5 г. А ныне действующее Постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 признает 0,5 г героина значительным размером, 2,5 г – крупным, зато особо крупный размер в десятки раз превышает иные параметры – 1000 г. Значит, чтобы виновный получил самое строгое из возможных наказаний, он должен быть уличен в операциях с беспрецедентным, гигантским количеством наркотиков. Снова обратимся к публикации Д.А. Корецкого и Е.А. Стешич: «Получается, что особо крупный размер наркотических средств стал превышать среднюю разовую дозу, например, для героина в 10 тыс. раз, для марихуаны – в 50 тыс. раз, чего никогда не было в национальном законодательстве и вряд ли встречается в зарубежном» [7, с. 451].

3. В научной литературе обсуждается проблема наказания за употребление наркотиков без назначения врача. Согласно КоАП РФ за такое деяние предусмотрен штраф от 4 тыс. до 5 тыс. руб. или административный арест до 15 суток. Закон освобождает от административной ответственности лиц, добровольно обратившихся в медицинскую организацию для лечения, а также лиц, давших согласие на медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 6.9). Иными словами, закон вполне демократично обеспечивает возможность выбора между здоровым и нездоровым образом жизни, используя фактор административной ответственности. Однако эта мера не признается эффективной, поскольку у больных наркоманией очень трудно вырабатывается установка на лечение [8, с. 135], а невысокие административные наказания за употребление наркотиков не препятствуют усилению наркопреступности [6, с. 63].

4. Проблема недостаточно жесткого наказания обсуждается и в связи с другими правонарушениями. Так, Н.Н. Заливина акцентирует внимание на том, что законодательство предусматривает уголовную ответственность, связанную с лишением свободы, за склонение несовершеннолетних «к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» (п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ), при этом за привлечение несовершеннолетних к употреблению «новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ» предусмотрен всего лишь административный штраф (ст. 6.10 КоАП РФ). Административная ответственность предусмотрена также за рекламу и пропаганду «наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ» (ст. 6.13 КоАП РФ). Автор считает, что отнесение такого рода деяний к числу административных правонарушений свидетельствует о том, что законодатель явно недооценил их общественную опасность [9, с. 245].

5. В определенном смысле недостаточно жесткое наказание за незаконную рекламу и пропаганду новых потенциально опасных психоактивных веществ и склонение к их употреблению подводит к еще одной проблеме. Часто в литературе одной из основных причин напряженной наркоситуации в стране называется высокий уровень российской бедности, причем не только среди неработающего, но и среди работающего населения. Так, Н.С. Грудинин указывает на то, что наркобизнесу, демонстрирующему щедрость, не сложно вовлекать в распространение (например, перевозку) наркотических средств людей, которым легальный работодатель платит очень мало [3, с. 269–270]. С этой точкой зрения согласимся, но отметим, что у этого аспекта вопроса есть и обратная сторона. Речь идет о другой крайности – переизбытке средств и о проявляющемся в состоятельных кругах «параличе воли», неумении сопротивляться соблазнам и особом отношении к своим желаниям.

В среде состоятельных людей, прежде всего «золотой молодежи», все большее распространение получают так называемые «цивилизованные» формы наркопотребления: «статусное» (в целях поддержки статуса в определенных кругах) и «рекреативное» (время от времени, чтобы расслабиться). Причем субъекты этих форм наркопотребления, как показывают социологические исследования, наркоманами себя не считают. Многие из них сочетают использование «легких» наркотиков с заботой о своем здоровье и даже ведут активный образ жизни, не задумываясь, что «цивилизованное» наркопотребление не избавляет от негативных последствий, а лишь отсрочивает их наступление. Тревогу вызывает тот факт, что в обществе транс-

формировалось отношение к наркотикам. Если раньше преобладало негативное отношение к наркотикам вообще, то теперь сохраняется негативное отношение к «тяжелым» наркотикам и проявляется лояльное отношение к тем самым «новым» веществам, которые принято считать «легкими». В итоге складывается идеология якобы безопасного наркотизма. Насколько он «безопасен», разъясняют ученые. В частности, руководитель сектора социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН М.Е. Позднякова и старший научный сотрудник этого института В.В. Брюно утверждают, что в отличие от классических наркотиков (героина, марихуаны, амфетаминов), имеющих широкий коридор между минимальной одурманивающей дозой и дозой, вызывающей осложнения и смерть, «новые» вещества вызывают сильное опьянение при употреблении в сверхмалых дозах, и потребителю часто не удается «угадать» с дозировкой, что приводит «к галлюцинациям, паранойе, агрессивному, смертоносному или суицидальному поведению» [10, с. 129]. Значит, говоря о причинах напряженной наркоситуации в стране, следует учитывать не столько бедность, сколько чрезмерное расхождение общества. Заодно отметим нюанс: наказание за незаконную рекламу и пропаганду новых психоактивных веществ и склонение к их употреблению не должно выглядеть как поощрение для состоятельной публики.

6. Еще один аспект проблемы связан с предупреждением наркомании и наркопреступности. Мы уже отметили, что и в этой части современное антинаркотическое законодательство России считается достаточным. В подтверждение приведем региональный документ – закон Республики Башкортостан от 1 июля 2005 г. № 202-з «О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании в Республике Башкортостан». В нем подробно прописаны задачи и полномочия республиканских органов государственной власти и органов местного самоуправления, комиссий по делам несовершеннолетних, образовательных и медицинских организаций, учреждений культуры, физической культуры, спорта и туризма, социального обслуживания, по делам молодежи, СМИ и пр. в сфере профилактики наркомании. Вместе с тем специалисты отмечают, что уровень межведомственного взаимодействия в данной сфере оставляет желать лучшего. Проблема обсуждалась, в частности, в 2006 г. в Санкт-Петербургском университете на семинаре, в котором принимали участие представители различных ведомств. Заявлялось буквально следующее: «Существующая сегодня ведомственная разобщенность государственных органов, организаций и учреждений, занимающихся данной проблемой, их эпизодическое взаимодействие подтверждают необходимость объединения усилий всех субъектов профилактики наркомании и наркопреступности, создания комплексной системы профилактической ра-

боты и апробирования новых организационных форм»¹ [11]. Прошло более десяти лет, а в литературе продолжает подниматься тот же вопрос. В 2017 г. В.И. Брылев и И.В. Исупова заявили: «При осуществлении профилактической антинаркотической деятельности каждый из участников имеет и применяет свои специфические формы и методы работы с целью недопущения распространения наркотизма». Они снова предложили создать систему межведомственного взаимодействия в сфере профилактики наркомании и наркопреступности и подчеркнули, что все участники профилактической системы «должны находиться в тесном взаимодействии и составлять единую силу противодействия наркотизму» [11, с. 79]. Стало быть, вопрос остается открытым. Между тем разные ведомства и организации руководствуются не только своими формами и методами работы, но и своими представлениями о самих явлениях, с которыми ведется борьба. Например, о наркомании и наркотизме, о наркопотребителях и больных наркоманией, о методах определения степени наркотизации и пр. Это уже вопрос о законодательно установленных терминах и методиках.

Рассмотрим хотя бы один пример. В Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» есть определение понятия «больной наркоманией». Это «лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с настоящим Федеральным законом, поставлен диагноз "наркомания"» (ст. 1). Других определений лиц, употребляющих сильнодействующие вещества, в законе нет. С точки зрения профилактики этого недостаточно. Во-первых, профилактика распространяется не только на лиц, которые никогда не употребляли наркотики, но и на лиц, которые делали такие попытки разное количество раз и характеризуются разной степенью лояльности к наркотикам. Во-вторых, диагноз «наркомания» может быть поставлен только при условии, что употребляемое вещество в официальных документах признано запрещенным, а за скоростью распространения «новых» веществ законодательство, как уже было сказано, не успевает. Это означает, что фактических наркоманов гораздо больше, чем лиц с официально поставленным диагнозом «наркомания». Полагаем, при планировании профилактической работы и выборе методов этой работы должны учитываться все возможные группы риска и характеристики различных категорий лиц, в отношении которых проводится профилактическая работа. Соответственно, в законодатель-

¹ Возможности межведомственного взаимодействия в сфере профилактики наркомании и наркопреступности [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский университет. Спецвыпуск. 2006. 10 апр. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2006/06s/7.shtml> (дата обращения: 01.09.2022).

стве должны быть определены ключевые понятия, чтобы в ответственных за профилактику ведомствах и организациях не возникали разночтения.

Формат статьи позволил коснуться только части обсуждаемых вопросов правового регулирования борьбы с наркоманией, но изложенное дает достаточно оснований для выводов. На этапе ознакомления с мнениями исследователей антинаркотического законодательства Российской Федерации можно заключить следующее: несмотря на то что законодательство в целом системно упорядочило меры борьбы с наркоугрозами, остается немало проблем, препятствующих реализации государственной антинаркотической политики. Причем речь идет о разноплановых проблемах: о «неповоротливости» закона при фиксации веществ, составляющих наркоугрозу обществу; о назначении наказания за деяния, связанные с наркотиками, в том числе новыми психоактивными веществами; о факторах, препятствующих эффективной профилактике наркомании и наркопреступности, и пр. Изложенное позволяет утверждать, что тема исследования актуальна и требует серьезной проработки.

Список источников

1. Зиновьев В.В. Антинаркотическая политика России: уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Зиновьев. – Саратов, 2016. – 36 с.
2. Дульцев М.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: организационные и правовые основы : учеб. пособие / М.В. Дульцев, А.А. Бульбачева, А.В. Котяжов. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 156 с.
3. Грудинин Н.С. Статистические показатели преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Н.С. Грудинин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2021. – № 1. – С. 266–278.
4. Ионова М.В. Формирование парадигмы антинаркотической политики / М.В. Ионова // Философия права. – 2018. – № 3. – С. 39–44.
5. Зазулин Г.В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013 годы) / Г.В. Зазулин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2013. – 326 с.
6. Аушев Д.Г. Статистика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России / Д.Г. Аушев // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. – Пенза : Наука и Просвещение, 2020. – С. 62–65.

7. Корецкий Д.А. Тенденции борьбы с наркопреступностью: риторика и реальность / Д.А. Корецкий, Е.С. Стешич // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 447–458.

8. Личко А.Е. Потогенез, клиника, лечение алкоголизма / А.Е. Личко. – Москва : Медицина, 2009. – 215 с.

9. Заливина Н.Н. Правовое обеспечение профилактической деятельности склонения несовершеннолетних к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Н.Н. Заливина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 242–247.

10. Позднякова М.Е. Новые тенденции наркотизации как риски социального характера / М.Е. Позднякова, В.В. Брюно // Вестник Института социологии. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 115–140.

11. Брылев В.И. Нормативно-правовое обеспечение межведомственного взаимодействия по профилактике наркомании среди молодежи / В.И. Брылев, И.В. Исупова / Общество и право. – 2017. – № 1. – С. 78–82.

References

1. Zinoviev V.V. Russia's Anti-Drug Policy: Criminal Law and Criminological Aspects of Implementation. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2016. 36 p.

2. Dultsev M.V., Bulbacheva A.A., Kotyazhov A.V. Counteraction to Illicit Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors: Organizational and Legal Foundations. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 156 p.

3. Grudin N.S. Statistical Indicators of Crime in Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2021, no. 1, pp. 266–278. (In Russian).

4. Ionova M.V. The Formation of the Paradigm of an Anty-Drugs Policy. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2018, no. 3, pp. 39–44. (In Russian).

5. Zazulin G.V. Anti-Drug Policy in Russia: Problems of Formation (2000–2013). Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2013. 326 p.

6. Aushev D.G. Statistics of Crimes in the Sphere of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances in Russia. Modern Jurisprudence: Topical Issues, Achievements and Innovations. Collection of Materials of the XXVI International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education Publ., 2020, pp. 62–65. (In Russian).

7. Koretsky D.A., Steshich E.S. Trends in the Fight against Drug-Related Crime: Rhetoric and Reality. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 447–458. (In Russian).

8. Lichko A.E. Potogenesis, Clinic, Treatment of Alcoholism. Moscow, Medicina Publ., 2009. 215 p.

9. Zalivina N.N. Legal Support of Preventive Activities of Inducing Minors to Consume Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 242–247. (In Russian).

10. Pozdnyakova M.E., Bruno V.V. The Societal Risk in the New Tendencies for Increasing Drug Use. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 115–140. (In Russian).

11. Brylev V.I., Isupova I.V. Standard Legal Support of Interdepartmental Interaction on Prevention of Drug Addiction among Youth. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2017, no. 1, pp. 78–82. (In Russian).

Информация об авторах

Information about the Authors

Фарваев Александр Александрович – юрист;

Farvaev Alexander Alexandrovich – Lawyer;

Юсупов Рахимьян Галимьянович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права Институт права

Yusupov Rakhimian Galimianovich – Doctor of Sciences (History), Professor of the Chair of State Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDING

Научная статья

УДК 343.7

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.11

Кострова Марина Борисовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

kostrovam@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОТ НАКАЗАНИЯ С ПОМЕЩЕНИЕМ В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Аннотация. На основе анализа норм уголовного и уголовно-процессуального права, праворазъяснительной и правоприменительной практики автором выявлены неполнота и противоречивость уголовно-процессуального регулирования, не позволяющие сформировать единообразную практику применения уголовно-правовой нормы об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Доказывается, что эти проблемы не могут быть решены лишь «точечным» совершенствованием процедурных правил, содержащихся в уголовно-процессуальном законе, по причине неопределенности отраслевой природы меры государственного принуждения в виде помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-процессуальное право, правоприменительная практика, освобождение от наказания, несовершеннолетний, принудительная мера воспитательного воздействия, специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа

Для цитирования: Кострова М.Б. Уголовно-процессуальные проблемы применения уголовно-правовой нормы об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное

учреждение закрытого типа / М.Б. Кострова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 89–101. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.11.

Original article

Kostrova Marina Borisovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, kostrovam@mail.ru

CRIMINAL AND PROCEDURAL PROBLEMS OF THE CRIMINAL LAW STANDARDS APPLICATION ON THE RELEASE OF A MINOR FROM PUNISHMENT WITH PLACEMENT IN A SPECIAL CLOSED EDUCATIONAL INSTITUTION

Abstract. On the basis of an analysis of the norms of criminal and criminal procedure law, law expository and law enforcement practice, the author discovers incompleteness and divergence of criminal procedural regulation, which prevent to form a unified practice of the criminal law standards application on the release of a minor from punishment with placement in a special closed educational institution. The author proves that these problems cannot be solved only by «pointed» improvement of procedure rules written in the criminal procedure law, because of the uncertain nature of the State coercive measure of placing a minor in a special closed educational institution.

Keywords: criminal law, criminal procedure law, law enforcement practice, release from punishment, juvenile, compulsory educational measure, special educational institution of the closed type

For citation: Kostrova M.B. Criminal and Procedural Problems of the Criminal Law Standards Application on the Release of a Minor from Punishment with Placement in a Special Closed Educational Institution. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 89–101. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.11. (In Russian).

В 2022 г. произошли два значимых события для кафедры, профессором которой является автор. 29 марта исполнилось 90 лет со дня рождения Заршата Давлетшиновича Еникеева, чему было посвящено торжественное собрание, но, к сожалению, без участия юбиляра, который скончался в 2011 г. А 19 сентября на 93-м году ушел из жизни Вильям Дмитриевич Пакутин. Оба они в разное время руководили нашей кафедрой, затем ра-

ботали на ней в качестве профессоров, и оба оставили неизгладимый след в памяти коллег и студентов многих поколений. Наша кафедра называется кафедрой уголовного права и процесса, на ней работает дружный коллектив единомышленников. Разделяют нас только отраслевые предпочтения, определяющие принадлежность к сообществам «уголовников» либо «процессуалистов». Заршат Давлетшинович Еникеев был ученым-процессуалистом, а Вильям Дмитриевич Пакутин – теоретиком уголовного права. Светлой памяти этих великих людей, известных ученых и моих учителей посвящается эта статья на стыке уголовного и уголовно-процессуального права.

В арсенале уголовно-правовых средств противодействия преступности несовершеннолетних наряду с ординарными – реализацией уголовной ответственности и назначением наказания – имеются особые, специальные средства, закрепленные в гл. 14 УК РФ. К их числу относится предусмотренное ч. 2 ст. 92 освобождение несовершеннолетнего от наказания с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Уголовно-правовая норма об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа носит дискреционный (управомочивающий) характер и применяется по усмотрению суда (формулировка «может быть освобожден») при наличии установленных ч. 2 ст. 92 УК условий:

- 1) преступление было совершено несовершеннолетним, то есть лицом, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет (ч. 1 ст. 87 УК);
- 2) это преступление относится к категории средней тяжести либо к категории тяжких (за исключением указанных в ч. 5 ст. 92 УК преступлений, при совершении которых освобождение от наказания не допускается);
- 3) несовершеннолетний осужден к наказанию в виде лишения свободы.

Помимо обозначенных условий в ч. 2 ст. 92 УК имеется предписание о том, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа допустимо до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на 3 года. Здесь же определены правовая природа и целевая направленность помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: оно признается принудительной мерой воспитательного воздействия, применяемой «в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода».

Процедурные правила применения уголовно-правовой нормы об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением в специаль-

ное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа установлены УПК РФ. В нем предусмотрено два порядка применения данной нормы материального права, различающиеся в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой принимается судебное решение: первый распространяется на стадию судебного разбирательства, второй – на стадию исполнения приговора. При этом второй порядок, как следует из имеющихся в УПК правил гл. 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора», собственных особенностей, связанных именно со спецификой применяемой уголовно-правовой нормы, не имеет. Из взаимосвязанных предписаний п. 16 ст. 397 и п. 6 ч. 1 ст. 399 УПК следует, что в процессе исполнения обвинительного приговора, которым несовершеннолетнему назначено наказание в виде лишения свободы, суд может принять решение об освобождении его от этого наказания с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, руководствуясь при этом правилами ч. 2 ст. 432 УПК. Таким образом, первичный и основной порядок применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, установлен ч. 2 ст. 432 УПК РФ.

В свою очередь, в ч. 2 ст. 432 УПК содержится, по сути, только одно правило, сконструированное в весьма лаконичной форме: «Если при рассмотрении уголовного дела о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, за исключением преступлений, указанных в части пятой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации, будет признано достаточным помещение несовершеннолетнего подсудимого, совершившего это преступление, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, то суд, постановив обвинительный приговор, освобождает несовершеннолетнего осужденного от наказания и в соответствии со статьей 92 Уголовного кодекса Российской Федерации направляет его в указанное учреждение на срок до наступления совершеннолетия, но не более трех лет»¹. Такая краткость в данном случае оказывается вовсе не сестрой таланту, порождая целый комплекс проблем при применении уголовно-правовой нормы об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Прежде всего, обращает на себя внимание следующее.

¹ Текст ч. 2 ст. 432 УПК здесь приводится только в части, необходимой для целей настоящей публикации. Но в ч. 2 ст. 432 УПК есть второе предложение, содержащее отсылку к Кодексу административного судопроизводства РФ, регламентирующему порядок разрешения вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (о переводе в другое такое учреждение, о досрочном прекращении, продлении или восстановлении срока пребывания).

Во-первых, притом, что ч. 2 ст. 432 УПК воспроизводит большинство положений ч. 2 ст. 92 УК (о субъекте преступления, о категориях совершенных им преступлений, о запрете на освобождение при совершении указанных в ч. 5 преступлений, о сроке помещения), в ней почему-то нет упоминания о виде назначенного несовершеннолетнему наказания, от которого он освобождается. Такой законодательный подход может дезориентировать суды, что и происходит на практике, хотя нечасто. Например, приговором районного суда Б.А.О. был осужден к наказанию в виде ограничения свободы сроком на 6 месяцев, на основании ч. 2 ст. 92 УК от назначенного наказания освобожден с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образования сроком на 3 года. Суд апелляционной инстанции изменил приговор, исключив из описательно-мотивировочной и резолютивной частей указание на применение к Б.А.О. ч. 2 ст. 92 УК РФ и освобождение его от назначенного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (и другие связанные с этим указания суда первой инстанции), мотивируя свое решение следующим: «...с учетом того, что приговором суда Б.А.О. назначено наказание в виде ограничения свободы ... судом первой инстанции незаконно применены положения ч. 2 ст. 92 УК РФ»; «...по смыслу ч. 2 ст. 92 УК РФ только несовершеннолетний осужденный к лишению свободы, может быть освобожден судом от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа»¹.

Во избежание подобных ошибок Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – Постановление № 1) дважды подчеркнул, что данный вид освобождения от наказания применим только в случае осуждения несовершеннолетнего к наказанию в виде лишения свободы (абз. 2 п. 35, п. 37).

Во-вторых, в ч. 2 ст. 432 УПК обнаруживается отход от терминологии, принятой в ч. 2 ст. 92 УК. Так, по УК суд принимает решение о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, по УПК – решение о направлении его в это учреждение. С учетом субъектного состава (куда суд не входит), многоступенчатой и многоходовой процедуры направления несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, осложненной админи-

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 15.02.2018 по делу № 22-690/2018 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_f5cd024cc1325f285410ea227ba14b58&shard (дата обращения: 10.11.2022).

стративным элементом, используемая в ч. 2 ст. 432 УПК терминология «суд направляет его» неприемлема, к тому же она искажает суть принудительной меры воспитательного воздействия.

Вызывает также возражение (скорее даже недоумение) и используемая в ч. 2 ст. 432 УПК формулировка «будет признано достаточным помещение подсудимого ... в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». Она как минимум порождает вопрос: достаточным для чего? В то же время из ч. 2 ст. 92 УК следует, что для принятия решения о применении данной меры требуется признать не достаточность ее неизвестно для чего, а что несовершеннолетний для его исправления требует специального педагогического подхода и нуждается в особых условиях воспитания и обучения. И не стоит воспринимать приведенные критические замечания как терминологические изыски автора формального плана. Терминологическая точность законодательного текста оказывает существенное влияние на складывающуюся правоприменительную практику, поскольку написанное в законе – это нормативный ориентир для суда в том, что он должен написать в резолютивной и в описательно-мотивировочной частях своего решения.

При изучении судебных решений видно, что если суд ориентирован на обозначенную в ч. 2 ст. 432 УПК «достаточность», то и мотивируется она скудно. В отдельных случаях можно сказать, что вообще не мотивируется. Например: «Исходя из вышесказанного, суд считает, что Степанова Н.С. надлежит освободить от наказания и поместить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, до совершеннолетия», при этом «вышесказанное», то есть мотивировка такого решения, – это две дословные цитаты из УК и УПК, к которым добавлено: «Согласно медицинского заключения ... у Степанова Н.С. отсутствуют заболевания, включенные в перечень заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа»¹. Если же суд ориентирован на предписание ч. 2 ст. 92 УК, то и обоснование своего решения он дает развернутое и доказательное, например: «Из акта обследования семейно-бытовых условий жизни семьи Бейфуса А.С. и иных представленных ... документов следует, что между родителями и Бейфусом А.С. отсутствует взаимопонимание, в семье напряженная психологическая обстановка. Родители подсудимого контроль за его поведением не осуществляют, не принимают необходимых мер для продолжения его обучения. Судом установлено, что Бейфус А.С. склонен к бродяжничеству, при

¹ Приговор Боровичского районного суда Новгородской области от 12.02.2020 по делу № 1-31/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LBMTs0zUR9IN/> (дата обращения: 10.11.2022).

рассмотрении настоящего дела пояснил, что учебу в ПУ фактически забросил, неофициально подрабатывает в селе. Таким образом, с учетом обстоятельств дела, личности Бейфуса А.С., который нуждается в особых условиях воспитания, обучения, ему требуется специальный педагогический подход, в интересах несовершеннолетнего, суд считает необходимым освободить его от наказания и поместить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа...»¹.

Для объективности замечу, что при анализе порядка 30 решений судов первой инстанции не встретилось ни одного, где бы суд, в соответствии с ч. 2 ст. 432 УПК, в резолютивной части постановил «направить» несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, везде используется термин из ч. 2 ст. 92 УК – «поместить».

В-третьих, для конкретизации материально-правового предписания ч. 2 ст. 92 УК о том, что несовершеннолетний может быть освобожден судом от наказания, в ч. 2 ст. 432 УПК обозначена процедура принятия такого решения: «...суд, постановив обвинительный приговор, освобождает несовершеннолетнего осужденного от наказания». Этого явно недостаточно по многим причинам. Одна из них состоит в том, что согласно ч. 5 ст. 302 УПК существует три вида обвинительных приговоров: 1) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным; 2) с назначением наказания и освобождением от его отбывания; 3) без назначения наказания. Как видим, в этом перечне нет приговора с освобождением от наказания. Кроме того, в каких случаях постановляется обвинительный приговор без назначения наказания, УПК вообще умалчивает. И под установленный ч. 6 ст. 302 УПК исчерпывающий перечень случаев постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания наш случай – освобождение несовершеннолетнего от наказания с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – не подпадает. Не вдаваясь в критику ст. 302 УПК в этой части, которой за годы действия УПК в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной литературе было немало [см., например: 1, с. 35–39; 2, с. 44–50], сосредоточимся на практической стороне последствий такого нормативного регулирования в совокупности с указанной погрешностью ч. 2 ст. 432 УПК.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1, пытаясь компенсировать и неточность ч. 2 ст. 432, и неполноту ч. 6 ст. 302 УПК, разъяснил, что на основании ч. 2 ст. 92 УК несовершеннолетний освобождается от отбыва-

¹ Приговор Полтавского районного суда Омской области от 24.12.2019 по делу № 1-63/2019 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UH66N5TeQtVF/> (дата обращения: 10.11.2022).

ния назначенного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (абз. 2 п. 35). Спорное решение с точки зрения принципа разделения власти на законодательную и судебную, но приемлемое с учетом его целевой направленности. В этом же Постановлении Пленумом даны разъяснения:

а) об обязательности медицинского заключения о возможности пребывания несовершеннолетнего в таком учреждении (абз. 1 п. 36), конкретизирующие требования ч. 3 и 4 ст. 421 УПК, связанные с упомянутым выше административным элементом процедуры помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;

б) об определении срока действия принудительной меры воспитательного воздействия (абз. 2 п. 36);

в) о допустимости освобождения от наказания на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ в порядке исполнения приговора (п. 37).

Но и этих разъяснений недостаточно в силу того, что они оставляют без ответа многочисленные вопросы, возникающие при постановлении приговора такого специфического вида.

Его специфика заключается в том, что относительно уголовно-правовых последствий совершенного преступления, в отличие от осуществляемого в общем порядке ординарного производства, суду, по сути, нужно принять четыре решения и отразить их в резолютивной части приговора: 1) о назначении несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы; 2) об освобождении его от отбывания назначенного наказания; 3) о помещении его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, в том числе о сроке помещения; 4) о порядке исполнения приговора в части исполнения этой принудительной меры воспитательного воздействия. И в рамках этих четырех основных решений требуется разрешить целый ряд вопросов [см. об этом подробнее: 3, с. 17–33]. Не имея возможности при ограниченном объеме настоящей публикации рассмотреть все (и даже упомянуть их), остановимся только на двух вопросах.

Первый: следует ли суду, назначая несовершеннолетнему наказание в виде лишения свободы, прописывать его в резолютивной части приговора полноценным образом, требуемым УК и УПК в общем порядке, а именно с указанием вида учреждения, в котором должен отбывать наказание осужденный?

Несмотря на кажущуюся простоту этого вопроса, в правоприменительной практике он решается по-разному. Одни суды ограничиваются формулировкой, содержащей указание только на вид наказания и его срок, на-

пример: «назначить ... наказание в виде одного года лишения свободы»¹; «назначить ... наказание в виде лишения свободы сроком на 1 (один) год»²; «назначить ... наказание 1 (один) год лишения свободы»³. Намного реже встречается полная формулировка, например: «назначить ... наказание в виде 1 года лишения свободы, с отбыванием наказания в воспитательной колонии»⁴. Первый вариант можно считать приемлемым, но только при оценке его в аспекте «здесь и сейчас»: если следующей фразой суд обозначает свое решение о том, что наказание не будет исполняться реально, нет и нужды указывать место его отбывания. С учетом же перспективы возможных отмены либо изменения судебного решения в апелляционном или в кассационном порядке указание на отбывание лишения свободы в воспитательной колонии необходимо.

Второй вопрос (по вышеприведенному списку он связан с последним решением) является, по моему представлению, самым сложным: как расписать в резолютивной части приговора порядок его исполнения в части исполнения (тавтология, которой по причине процессуальных терминологических стандартов избежать невозможно) принудительной меры воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа?

Сложность этого вопроса обусловлена двумя факторами. Главный заключается в том, что такой специфический приговор и исполняется неординарно, в частности не в уголовно-исполнительной юрисдикции (для перехода в которую из юрисдикции уголовно-процессуальной достаточно обратиться к исполнению по правилам ст. 393 УПК), а в административной. В свою очередь, административная юрисдикция выстроена как многосубъектная, многоступенчатая и многоходовая. Не вдаваясь в подробности, отметим, что при исполнении приговора задействованы: 1) центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел; 2) орган, осуществляющий управление в сфере образования; 3) адми-

¹ Приговор Полтавского районного суда Омской области от 24.12.2019 по делу № 1-63/2019.

² Приговор Курского районного суда Ставропольского края от 14.02.2020 по делу № 1-28/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sl0wWRTGVvxo/> (дата обращения: 10.11.2022).

³ Приговор Зеленогорского городского суда Красноярского края от 25.12.2019 по делу № 1-276/2019 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/klAppuI6VlbD/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Приговор Боровичского районного суда Новгородской области от 12.02.2020 по делу № 1-31/2020.

нистрация специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа; 4) иногда и подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел. Для каждого из этих субъектов административно-исполнительного правоотношения в процедуре исполнения приговора выделена своя функция. Соответственно, логичным видится в резолютивной части приговора определить порядок его исполнения в части исполнения принудительной меры воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа с возложением соответствующих обязанностей на каждого из указанных субъектов. Но поскольку в УПК такого требования нет, суды поступают каждый по своему усмотрению.

Ю.Е. Пудовочкин по результатам анализа свыше 180 судебных решений констатирует, что «развернутый» вариант описания процесса исполнения приговора встретился ему лишь единожды, и как пример оптимального образца приводит приговор Лужского городского суда Ленинградской области от 12 ноября 2013 г. по делу № 1-219/2013, которым постановлено: «Исполнение приговора возложить:

- в части предоставления путевки несовершеннолетним в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – на отдел образования администрации города в течение 20 суток со дня получения запроса о выдаче путевки;

- в части доставления несовершеннолетних в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей – на ОДН районного отдела МВД России;

- в части доставления несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – на центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей;

- в части обеспечения исправления и реабилитации несовершеннолетних – на администрацию специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в течение срока, указанного в постановлении» [3, с. 33].

От себя добавлю, что в резолютивной части этого приговора суд указал еще одно административное мероприятие как необходимый элемент исполнения приговора, но почему-то соединил его с собственно принудительной мерой воспитательного воздействия: «...Злобину С.В. от наказания освободить и применить к ней меры воспитательного воздействия – поместить ее в учебно-воспитательное заведение закрытого типа сроком на ДВА года шесть месяцев с помещением несовершеннолетней Злобиной С.В. в ЦВСНП ГУ МВД России ... до получения путевки специальное учебно-воспитательное

заведение закрытого типа»¹ (то же самое указано в отношении второго осужденного, а ЦВСНП расшифровывается как центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей).

По результатам изучения доступной более «свежей» правоприменительной практики 2019–2020 гг. автору подобных развернутых решений не встретилось. Близкими к оптимальному, хотя и далеко не полными можно считать такие, например, варианты:

– «...от назначенного наказания ФИО освободить, поместив его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием сроком на 01 год 09 месяцев 03 дня, с... Несовершеннолетнего ФИО поместить с ... в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ... и содержать его там до получения путевки и определения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Исполнение приговора в части направления ФИО в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ... возложить на ОМВД России... Копию настоящего приговора направить в ОУУП и ПДН УМВД России ... и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав ... возложив на них контроль за исполнением приговора»²;

– «...освободить ФИО1 от наказания и поместить его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на срок 1(один) год 6(шесть) месяцев с исчислением данного срока с 25 декабря 2019 года. Поместить ФИО1 в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД ... до получения путевки в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа и последующего обеспечения его доставления в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа ... на срок не более 30-ти суток»³;

– «...освободить несовершеннолетнего подсудимого ... от назначенного наказания в виде лишения свободы на срок 1 год и поместить его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на 1 (один) год... Обязать ОДН ОУУП и ДН Отдела МВД ... поместить несовершеннолетнего ... в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей от-

¹ База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9NVLPaoD8zgi/> (дата обращения: 10.11.2022).

² Приговор Холмского городского суда Сахалинской области от 22.05.2019 по делу № 1-59/2019 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TwzcMWg1B11l/> (дата обращения: 10.11.2022).

³ Приговор Зеленогорского городского суда Красноярского края от 25.12.2019 по делу № 1-276/2019.

дела МВД России ... на время, необходимое для его доставления в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа ... но не более чем на 30 суток»¹.

Вместе с тем встречаются приговоры, которыми вообще не определен порядок их исполнения, где резолютивная часть в обсуждаемом аспекте выглядит, например, так: «Освободить Степанова ... от назначенного наказания в виде лишения свободы и ... поместить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа ... до наступления совершеннолетия»².

Все изложенное позволяет сделать два вывода. Во-первых, наличие выявленных по результатам настоящего исследования проблем, проявляющихся в неполноте и противоречивости уголовно-процессуального регулирования, не позволяет сформировать единообразную практику применения уголовно-правовой нормы об освобождении несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Во-вторых, «точечным» совершенствованием нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 432 УПК, по сути, единственного специального регулятора в данной сфере, исправить ситуацию не получится по причине неопределенности отраслевой природы меры государственного принуждения, которую по воле законодателя уголовное и уголовно-процессуальное право вынуждены считать «своей», но она таковой, возможно, и не является.

Список источников

1. Звечаровский И. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) / И. Звечаровский // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 35–39.

2. Смолькова И.В. Обвинительный приговор без назначения наказания в отношении несовершеннолетнего: понятие, значение и правовые последствия / И.В. Смолькова, И.П. Попова // Академический юридический журнал. – 2018. – № 1 (71). – С. 44–50.

3. Пудовочкин Ю. Освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа / Ю. Пудовочкин // Уголовное право. – 2021. – № 3. – С. 17–33.

¹ Приговор Курского районного суда Ставропольского края от 14.02.2020 по делу № 1-28/2020.

² Приговор Боровичского районного суда Новгородской области от 12.02.2020 по делу № 1-31/2020.

References

1. Zvecharovsky I.E. Finding Guilty with No Punishment Imposed (Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 2, pp. 35–39. (In Russian).
2. Smol'kova I.V., Popova I.P. Udgement of Conviction without Imposition of Penalty on a Juvenile: Notion, Importance and Legal Effects. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2018, no. 1 (71), pp. 44–50. (In Russian).
3. Pudovochkin Yu.Y. Releasing a Minor from Criminal Punishment with Placement in a Special Closed Educational Facility. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2021, no. 3, pp. 17–33. (In Russian).

Информация об авторе

Кострова Марина Борисовна –
кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры
уголовного права и процесса
Института права

Information about the Author

Kostrova Marina Borisovna –
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Professor of the Chair of
Criminal Law and Procedure,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 26.11.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 13.12.2022.

The article was submitted 26.11.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 13.12.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.12

Шарипова Алия Рашитовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

nord-wind23@mail.ru

СБЛИЖЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРОЦЕССА С УГОЛОВНЫМ КАК ПРИМЕР НЕУДАЧНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Аннотация. Конвергенция процессуального права требует определения всех процессуальных отраслей, способных к ней. Принципиально важным является также определение оптимального варианта нормативного закрепления универсальных процессуальных институтов из числа реализованных в разных отраслях права. В статье отмечается, что современное производство по делам об административных правонарушениях имеет ряд сходств с уголовным процессом. Однако дальнейшее приближение административно-юрисдикционного процесса к уголовному нежелательно, поскольку может привести к чрезмерной для первого степени выраженности его правоограничительных свойств.

Ключевые слова: конвергенция права, судебное право, уголовный процесс, административно-юрисдикционный процесс, административно-деликтное право

Для цитирования: Шарипова А.Р. Сближение административно-деликтного процесса с уголовным как пример неудачной конвергенции / А.Р. Шарипова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 102–109. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.12.

Original article

Sharipova Aliya Rashitovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
nord-wind23@mail.ru

APPROXIMATION OF THE ADMINISTRATIVE TORT PROCESS WITH THE CRIMINAL ONE AS AN EXAMPLE OF FAILED CONVERGENCE

Abstract. The convergence of procedural law requires the definition of all procedural branches capable to it. It is also essential to determine the best way to regulate universal procedural institutions from among the different branches of law. The article notes that modern proceedings for administrative offences have a number of similarities to criminal proceedings. However, further approximation of the administrative -jurisdictional process to the criminal one is undesirable; because it can lead to excessive severity of its law-restrictive properties (it concerns the first one).

Keywords: law convergence, judicial law, criminal procedure, administrative- jurisdictional process, administrative-tort law

For citation: Sharipova A.R. Approximation of the Administrative Tort Process with the Criminal One as an Example of Failed Convergence. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 102–109. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.12. (In Russian).

Происходящая унификация гражданского, арбитражного и административного процессов и наша позиция относительно включения в конвергенцию процесса уголовного неизбежно ставят вопрос о месте в ней такой разновидности юридического процесса, как административно-деликтный.

Как правило, в литературе административно-деликтный процесс отождествляют с производством по делам об административных правонарушениях, которое предусмотрено разд. IV КоАП РФ. Последнее рассматривается как часть административно-юрисдикционного процесса [1] либо как его синоним. Но НК РФ, содержащий собственные «налоговые правонарушения», предусматривает и отдельный порядок привлечения к «налоговой ответственности» в соответствующей процедуре. Полагаем, что налоговые правонарушения по юридической природе максимально близки административным и в целях определения соотношения уголовного процесса с административно-деликтным можно рассматривать налоговый процесс как часть последнего.

Основная причина необходимости определения соотношения уголовного процесса с административно-деликтным заключается в высокой степени сходства преступлений с административными и налоговыми правонарушениями. Хотя мы и полагаем, что материально-правовая специфика спора не имеет определяющего значения для характеристик процесса, в котором он рассматривается, избежать этого сопоставления невозможно. Действительно, самая «протяженная» и самая тонкая граница находится между преступлениями и правонарушениями; и если ее протяженность относительно оправданна, то близость диспозиций уголовно-правовых и административно-деликтных норм представляет собой проблему, о которой достаточно часто пишут в научной литературе [2; 3].

Несмотря на то что административно-деликтное и налоговое право являются материальными, соответствующие нормативные правовые акты содержат процессуальные нормы, достаточно точно ухватывающие центральные институты юридического процесса, однако на совершенно другом уровне детализации и юридической техники. Не все универсальные и аналогичные процессуальные институты закреплены в КоАП, а те, что есть – фрагментарны.

В силу недостаточно высокого уровня разработанности собственных административно-деликтных процессуальных институтов они по большей части непригодны для заимствования в процессуальные отрасли, кроме как в качестве идей, но не собственно нормативного материала.

Отдельной особенностью процессуальных норм КоАП РФ и НК РФ является то, что оба кодекса устанавливают единые принципы для материальных и процессуальных норм, что может придавать последним какой-то специфический смысл [4]. Необходимость дальнейшего совершенствования процессуальной части КоАП РФ обсуждается в литературе. Высказывается мнение о необходимости раздельной кодификации материальной и процессуальной составляющей административно-деликтного права [5].

В судебном производстве процессуальные нормы КоАП РФ никогда не применяются в качестве единственной нормативной основы, они устанавливают только особенности производства по делам об административных правонарушениях по сравнению с ГПК РФ и АПК РФ. Кроме того, нужно отметить, что рассматриваемые судами споры, связанные с административными правонарушениями, делятся на две группы: привлечение судом к ответственности и рассмотрение вопроса о законности привлечения к административной ответственности государственным органом по жалобе привлеченного к ответственности. Споры о налоговых правонарушениях целиком относятся ко второй группе. По этой части споров практически все особенности, установленные КоАП, продублированы в АПК РФ. В целом АПК РФ, в отличие

от ГПК РФ, подробно регламентирует особенности соответствующих производств в гл. 25 «Рассмотрение дел об административных правонарушениях».

Мы приходим к тому, что КоАП не является полноценным источником процессуального права для какого-либо вида судебного процесса. Этого нельзя сказать о другой, собственно «административной», составляющей административно-деликтного процесса, как ни тавтологически это звучит: именно КоАП РФ и только он на уровне закона регламентирует привлечение к административной ответственности государственными органами и должностными лицами, помимо судов.

Параллелей между досудебной частью уголовного процесса, с одной стороны, «несудебной» (привлечение к административной ответственности органами и должностными лицами) и досудебной (возбуждение дела об административной ответственности, административное расследование, направление протокола об административном правонарушении в суд) процедурами – с другой, можно привести достаточно. Допускаем, что в этой части КоАП может содержать какие-то пригодные для заимствования в УПК положения, однако эта часть соотношения кодексов находится вне сферы наших интересов. Единственная тенденция, которую мы считаем необходимой осветить, сводится к приближению административной процедуры к досудебному производству по уголовным делам. Важность для нас этой закономерности связана с тем, что она является нежелательным примером конвергенции, когда заимствуются репрессивные, правоограничительные механизмы, существование которых может быть оправдано единственно исключительной общественной опасностью деяний и лиц, их совершивших, которая свойственна только уголовному, но не административно-деликтному или какому-то другому праву.

КоАП предусматривает целый ряд процессуальных действий, являющихся содержательными аналогами действий, предусмотренных УПК, и аналогичных им по степени правоограничений: административное задержание, личный досмотр и досмотр вещей, осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, досмотр транспортного средства, арест товаров, транспортных средств и иных вещей, временный запрет деятельности и др.

Но уровень процессуальных гарантий для лица, привлекаемого к административной ответственности, несопоставим с уголовно-процессуальным. Вообще фрагментарная регламентация процедуры привлечения к административной ответственности приводит к частым процессуальным нарушениям. Из-за них, в свою очередь, значительное число постановлений о

привлечении к административной ответственности отменяются судами либо по направленным в суд протоколам производства прекращаются.

Так, по первой категории споров в 2020 г. арбитражными судами были удовлетворены требования об отмене постановления о привлечении к ответственности в 41 % случаев; прекращены дела без привлечения к ответственности по второй категории споров в 27 % случаев¹. Для сравнения: в 2010 г. соответствующие доли составляли 56 и 30 %². Их уменьшение естественно, поскольку по мере формирования судебной практики административные органы подстраивают свою работу под требования судов. Например, доля отмененных арбитражным судом решений налоговых органов за 10 лет снизилась с 50 до 20 %, что связано как с законодательным совершенствованием процедуры (введением обязательного административного порядка обжалования), так и с налаживанием четкой работы налоговых органов. Тот факт, что решения о привлечении к налоговой ответственности в целом значительно «законнее» (то есть реже отменяются судами), чем постановления, вынесенные в порядке КоАП, может свидетельствовать, в частности, о законодательных недостатках последнего, позволяющих оспаривать постановления по процессуальным основаниям. Целый ряд процессуальных недостатков КоАП РФ, присутствие которых не позволяет обеспечить участникам процедуры по административным правонарушениям достаточный уровень защиты, освещен Ю.И. Попугаевым. Среди них порядок возбуждения дел об административном правонарушении, меры обеспечения, являющиеся по сути мерами принуждения, отсутствие детализированных норм о получении квалифицированной юридической помощи и т. п. [6].

Возвращаясь к соотношению УПК и КоАП, состоянию и перспективам их конвергенции, можно заключить, что прямое заимствование «судебных» норм из КоАП в УПК вряд ли возможно, а обратное хоть и возможно и даже в определенной степени реализовано, но нежелательно.

Отдаленной и достаточно маловероятной, но тем не менее обсуждаемой может быть идея об объединении досудебных частей уголовно-процессуального закона с административно-деликтно-процессуальным в не-

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2020 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (дата обращения: 18.02.2022).

² Справка о рассмотрении арбитражными судами Российской Федерации дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, в 2010–2013 гг. // Официальный сайт федеральных арбитражных судов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/A6F775B86ED9602087DC9D8795AB33D3_12.pdf (дата обращения: 18.02.2022)

кий «Кодекс расследований». Подобный закон мог бы решить разные проблемы уголовно-процессуального и административно-деликтно-процессуального права. Аргументом в пользу принципиальной возможности рассмотрения вопроса о совместной регламентации двух указанных досудебных производств является аналогия с обсуждаемой в науке перспективой единой кодификации материального административно-деликтного права с уголовным [7] или, иными словами, создание кодекса административных правонарушений и преступлений.

Некоторые аргументы в пользу целесообразности отделения судебной части уголовного процесса от досудебной на нормативном уровне мы приводили; совместная регламентация разных видов расследований (административных и уголовно-процессуальных) позволила бы определить их соотношение за счет взвешенного подхода к дозированию правоограничительных действий [8].

Такой нестандартный подход, бесспорно, требует тщательного анализа возможных последствий и определения соотношения потенциальных достоинств и новых проблем. Что касается уже произошедшего уподобления административно-деликтного права уголовно-процессуальному по некоторым параметрам, то его мы должны оценить, скорее, негативно. Несмотря на значительно более высокий уровень проработанности уголовно-процессуальных норм, содержащихся в УПК, относительно процессуальных норм КоАП, этого недостаточно для сущностной конвергенции, особенно за счет приближения административно-деликтного процесса к уголовному.

Список источников

1. Бакурова Н.Н. Производство по делам об административных правонарушениях в административно-юрисдикционном процессе Российской Федерации: общее и особенное / Н.Н. Бакурова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 11. – С. 28–33.
2. Женетль С.З. Разграничение преступлений и административных правонарушений в российском и зарубежном законодательствах / С.З. Женетль // Административное право. – 2008. – № 1. – С. 25–32.
3. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография / П.П. Серков. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 480 с.
4. Кисин В.Р. Некоторые суждения по поводу Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / В.Р. Кисин // Административное право и процесс. – 2020. – № 2. – С. 37–42.

5. Старостин С.А. Перспективы кодификации норм административно-процессуального права / С.А. Старостин // Российский следователь. – 2015. – № 1. – С. 39–45.

6. Попугаев Ю.И. Некоторые концептуальные положения по оптимизации процессуальной части КоАП РФ / Ю.И. Попугаев // Административное право и процесс. – 2019. – № 8. – С. 32–35.

7. Несвит Е.А. Уголовный проступок: от идеи к комплексной реформе деликтного законодательства Российской Федерации / Е.А. Несвит // Мировой судья. – 2018. – № 8. – С. 28–37.

8. Шарипова А.Р. К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам / А.Р. Шарипова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1. – С. 120–127.

References

1. Bakurova N.N. Manufacture on Affairs about Administrative Offences in Administrative-Jurisdictional Process of the Russian Federation: General and Special. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 11, pp. 28–33. (In Russian).

2. Genetl S.Z. Differentiation of Crimes and Administrative Offenses in the Russian and Foreign Legislations. *Administrativnoe pravo = Administrative Law*, 2008, no. 1, pp. 25–32. (In Russian).

3. Serkov P.P. Administrative Responsibility in Russian Law: Modern Understanding and New Approaches. Moscow, Norma : INFRA-M Publ., 2012. 480 p.

4. Kisin V.R. Some Judgements about the Concept of the New Administrative Offence Code of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Procedure*, 2020, no. 2, pp. 37–42. (In Russian).

5. Starostin S.A. Perspectives of Codification of Rules of Administrative-Law Law. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 1, pp. 39–45. (In Russian).

6. Popugaev Yu.I. Some Conceptual Ideas about Optimization of the Procedural Part of the Administrative Offences Code of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Procedure*, 2019, no. 8, pp. 32–35. (In Russian).

7. Nesvit E.A. A Criminal Offense: from an Idea to a Comprehensive Reform of the Delictual Laws of the Russian Federation. *Mirovoj sud'ya = Magistrate Judge*, 2018, no. 8, pp. 28–37. (In Russian).

8. Sharipova A.R. On the Issue of the Possibility of Legislative Separation of Pre-Trial and Trial Proceedings in Criminal Cases. *Yuridicheskaya nauka i praktika:*

Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 1, pp. 120–127. (In Russian).

Информация об авторе

Шарипова Алия Рашитовна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и процесса Институт права

Information about the Author

Sharipova Aliya Rashitovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

Научная статья

УДК 341.645.5

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.13

**Тулупова Елена Олеговна^{1, 2}, Демидова Татьяна Константиновна^{1, 3},
Васильев Александр Викторович^{1, 4}, Юсупова Розалия Римовна^{1, 5}**

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

²lena118@yandex.ru

³dtatyana12@yandex.ru

⁴vasiliyev75@rambler.ru

⁵rozaliya-yusupova@yandex.ru

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ

Никогда еще в истории права не делалось попытки включить в рамки одного процесса события целого десятилетия, происходившие на целом континенте и касающиеся ряда стран, бесчисленного количества людей и происшествий. Несмотря на масштабы этой задачи, мир потребовал немедленных действий.

Р. Джексон

Аннотация. Нюрнбергский трибунал, проходивший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., стал важной вехой в истории международного уголовного права и человечества в целом. Это первый судебный процесс, в результате которого к ответу за ведение агрессивной войны были привлечены официальные лица – военные и политические руководители Германии. Это был первый масштабный исторический опыт, результатом которого стали реальные наказания для тех, кого обычно могла осудить только человеческая совесть. Авторское обращение к процессу и его значению в истории обусловлено сложившейся в последнее время тенденцией искажения исторических событий, имеющих прямое к нему отношение.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, война, преступление, военный трибунал, ответственность, Германия

Для цитирования: Тулупова Е.О. Нюрнбергский процесс как проявление международной солидарности в борьбе с нацизмом / Е.О. Тулупова, Т.К. Демидова, А.В. Васильев, Р.Р. Юсупова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 110–118. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.13.

Original article

**Tulupova Elena Olegovna^{1,2}, Demidova Tatyana Konstantinovna^{1,3},
Vasiliev Alexander Viktorovich^{1,4}, Yusupova Rosalia Rimovna^{1,5}**

¹Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

²lena118@yandex.ru

³dtatyana12@yandex.ru

⁴vasiliyev75@rambler.ru

⁵rozaliya-yusupova@yandex.ru

THE NUREMBERG TRIALS AS A MANIFESTATION OF INTERNATIONAL SOLIDARITY AGAINST NAZISM

Abstract. The Nuremberg Tribunal, which took place from 20 November 1945 to 1 October 1946, became an important milestone in the history of international criminal law and humanity as a whole. This is the first trial in which officials – the military and political leaders of Germany – were prosecuted for waging an aggressive war. This was the first historical experience, that resulted in real punishments for those who were usually condemned only by the human conscience. The authors appeal to this process and its significance in history because of the recent historical events distortion that happen nowadays.

Keywords: Nuremberg Trials, war, crime, military, military tribunal, responsibility, Germany

For citation: Tulupova E.O., Demidova T.K., Vasiliev A.V., Yusupova R.R. The Nuremberg Trials as a Manifestation of International Solidarity against Nazism. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 110–118. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.13. (In Russian).

Долгий путь к Нюрнбергскому трибуналу начался с межсоюзнических конференций, проходивших с июня 1941 г. по январь 1942 г. в Лондоне, в

Сент-Джеймском дворце¹. На них представители всех государств, оккупированных Германией (Бельгия, Франция, Греция, Голландия, Югославия, Люксембург, Норвегия, Польша и Чехословакия) подписали ряд важных документов, которые укрепили их борьбу «в духе международной солидарности» со странами оси². В принятых резолюциях лидеры потребовали неотвратимого возмездия для агрессора со стороны закона и справедливости.

«Ужас, – сказал президент Ф. Рузвельт, – только сеет семена ненависти, которые однажды принесут страшное возмездие». У. Черчилль подчеркнул в своей речи: «Возмездие за эти преступления должно отныне занимать свое место среди главных целей войны»³.

Решив, что военные преступления не должны оставаться безнаказанными, союзники еще неоднократно встречались для продолжения сотрудничества, результатом которого станут: Атлантическая хартия, Соглашение между правительствами Великобритании и Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, Декларации четырех наций об общей безопасности и др.⁴

7 октября 1942 г. лидеры стран перейдут от слов к делу. По предложению президента США Ф. Рузвельта и британского лорда-канцлера Дж. Саймона будет создана Межсоюзническая комиссия по военным преступлениям, в которую вошли представители 17 стран (Австралия, Бельгия, Китай, Франция, Греция, Великобритания, Голландия, Индия, Югославия, Канада, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Южно-Африканский Союз, Чехословакия и Соединенные Штаты), – UNWCC⁵. Советский Союз не присоединился к работе комиссии, поскольку его просьба о представительстве отдельно от каждой из семи Советских республик не была удовлетворена. Комиссия приступила к сбору доказательств военных преступлений и составлению списков военных преступников. И хотя ее работу нельзя будет назвать быстрой и эффективной, она неоднократно подвергнется критике в си-

¹ Декларация Сент-Джеймского дворца [Электронный ресурс]. URL: https://hmn.wiki/ru/Declaration_of_St_James%27s_Palace (дата обращения: 12.11.2022).

² Die Zusammenarbeit der Alliierten während des Nürnberger Hauptprozesses. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grin.com/document/75867> (дата обращения: 12.11.2022).

³ The Declaration of St James's Palace on Punishment for War Crimes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-declaration-of-st-james-s-palace-on-punishment-for-war-crimes> (дата обращения: 12.11.2022).

⁴ Годы подготовки – история Устава ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/history-of-the-un/preparatory-years> (дата обращения: 12.11.2022).

⁵ Die Zusammenarbeit der Alliierten während des Nürnberger Hauptprozesses.

лу разных причин, главная из которых – оторванность ее членов от места преступления и письменных доказательств¹, она станет еще одним шагом на пути к Трибуналу.

Стоит отметить, что, хотя международные протесты против войны в Восточной и Центрально-Восточной Европе начались уже в первые ее годы, многие лидеры стран-союзников долго не могли прийти к единому пониманию, кого именно следует наказать и какое наказание назначить.

В конце 1943 г. «большая тройка» – Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. Сталин – объявили во время встречи в Москве о своем намерении привлечь к уголовной ответственности так называемых главных военных преступников. Лидеры государств присоединились к Декларации о зверствах. В ней предусматривалось, что «имеются свидетельства зверств, массовых убийств и холокостных массовых казней, которые совершаются гитлеровскими силами во многих странах, которые они захватили и из которых они в настоящее время неуклонно изгоняются». Далее говорилось, что немцы будут отправлены обратно в страны, где они совершили свои преступления, и «будут судимы на месте народами, которых они оскорбили». Что касается немцев, чьи уголовные преступления не имели определенной географической локализации, они будут наказаны совместным решением правительств союзников².

О том, насколько непросто решался вопрос о «возмездии», может свидетельствовать факт, отраженный в воспоминаниях Хельмута Беккера – защитника на одном из малых нюрнбергских процессов³ в 1947 г.: «Американцы выступали за юридическую процедуру, а англичане предложили глобальный обвинительный приговор около 5000 человек. Есть известное место, где Сталин предложил казнить 50 000 человек, а затем дело улаживать. Рузвельт задал встречный вопрос, почему не 49 000, чтобы прояснить сомнительность всей этой процедуры»⁴.

Заключительным этапом в создании Нюрнбергского процесса стали Потсдамская конференция, состоявшаяся 2 августа 1945 г., – последняя официальная встреча «большой тройки», на которой решался вопрос о наказа-

¹ Комиссия ООН по военным преступлениям [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.11.2022).

² Московская декларация 1943 г. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 12.11.2022).

³ Процессы правопреимства, прошедшие с подачи американских властей позже. В отличие от Трибунала 1945–1946 гг. они проходили над нацистскими медиками, судьями и чиновниками.

⁴ Langels O. Beginn der Nürnberger Prozesse vor 75 Jahren Kriegsverbrecher vor Gericht [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/beginn-der-nuernberger-prozesse-vor-75-jahren-100.html> (дата обращения: 12.11.2022).

нии нацистских преступников, и Лондонское соглашение четырех держав (уже вместе с Францией) о судебном преследовании за военные преступления от 8 августа 1945 г., которым было закреплено положение об учреждении Трибунала. Статут Международного трибунала установил четыре состава преступлений в 30 статьях, на основании которых и будет вершиться правосудие.

Острые дебаты разгорелись по вопросу о преступном характере агрессивной войны. Представитель Франции не считал ее международным преступлением. Англичане, квалифицируя войну как преступную, полагали, что за нее еще не предусмотрено уголовное наказание. Советская и американская делегации доказывали, что отсутствие конкретных санкций за развязывание агрессии ничего не меняет, ведь за совершение остальных международных преступлений также не установлены санкции, тем не менее Женевская конвенция 1929 г. предусматривает их уголовную наказуемость¹. В итоге состав получил свое закрепление в положениях Устава, став новой парадигмой в международном уголовном праве.

Обвинение было предъявлено 24 высокопоставленным лицам Германии, а также организациям: гестапо, СС и др. Непосредственно судебное разбирательство проходило только в отношении 22 человек, поскольку М. Борман не был найден, обвинение ему было предъявлено заочно, а Г. Крупп после автомобильной аварии, в которую попал до Нюрнбергского процесса, не мог по состоянию здоровья полноценно принимать участие в процессе, коммуницировать с адвокатом и отвечать на предъявленное обвинение. В отношении Круппа Трибунал принял решение об отложении разбирательства до того времени, пока его здоровье не позволит ему полноценно принять участие в разбирательстве.

Первоначально Трибунал должен был собраться в бывшей столице рейха – Берлине, но впоследствии процесс был перенесен в Нюрнберг. США настаивали на том, что суд должен проходить в их оккупационной зоне, то есть на юге Германии. Выбор пал на Нюрнберг и Нюрнбергский дворец правосудия. С 80 залами заседаний и 530 офисами, почти нетронутый, он располагал местами для персонала и судебного разбирательства в полном объеме. Ни один другой немецкий город не смог бы предложить такого здания. Главный прокурор США Р. Джексон поддержал выбор места проведения, тем более что по соседству от него была неразрушенная тюрьма. Соглашение, которое в конечном итоге все же было достигнуто, нашло отражение в Лондонском статуте: Берлин является постоянным местом заседаний Трибу-

¹ Лебедева Н.С. Нюрнбергский процесс и его приговор [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nyurnbergskiy-protsess-i-ego-prigovor?ysclid=laanxhjik189228200> (дата обращения: 12.11.2022).

нала; судебное разбирательство начинается там; оно продолжится в Нюрнберге; после завершения первого судебного разбирательства суд примет решение о том, будет ли он проводить дальнейшие заседания в Нюрнберге или в другом месте.

Символическое значение Нюрнберга как места проведения съездов нацистской партии и города «расовых законов» также говорило в пользу выбора.

Открывая Нюрнбергский трибунал 20 ноября 1945 г., судья Дж. Лоуренс объявил: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на всяком, кто принимает какое-либо участие в этом процессе, лежит огромная ответственность»¹.

В качестве судей правительства четырех держав направили следующих представителей: США – Фрэнсиса А. Биддла (министр юстиции до июня 1945 г.) и Джона Дж. Паркера (федеральный судья); Советский Союз – И.Т. Никитченко (генерал-майор и заместитель председателя Верховного Суда СССР), А.Е. Волчкова (полковник юстиции); Великобритания – Джеффри Лоуренса (лорд-судья апелляционного суда), который позже будет избран членами трибунала в качестве его председателя, и Нормана Биркетта (судья Высокого суда); Франция – Анри де Вабра (профессор международного права Сорбонны) и Р. Фалько (член Апелляционного суда). Были еще и запасные судьи.

Обвинители в процессе также были представлены от каждой из четырех стран: от США – генеральный прокурор и судья Роберт Х. Джексон, от СССР – генеральный прокурор Р.А. Руденко, от Великобритании – генеральный прокурор сэр Хартли Шоукроссом, от Франции – политик и профессор права Франсуа де Ментон. В работе активное участие принимали их заместители, помощники, секретари, переводчики и т. д.

Согласно ст. 15 Устава Международного военного трибунала прокуроры выполняют свою работу как самостоятельно, так и в сотрудничестве друг с другом. Самостоятельно обвинители работали по следующим направлениям: англичане готовили обвинения по ведению агрессивной войны; по военным преступлениям и преступлениям против человечности в Восточной и Западной Европе готовили обвинение французы и советская делегация; американцы формулировали обвинение в «нацистском заговоре». Позже прокуроры должны были встретиться для формулирования обвинительного

¹ Стенограмма Нюрнбергского процесса / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. – 2-е изд., испр. и доп. Т. I. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.org/books/pdf/docs/sb_nurnberg-steno1.pdf (дата обращения: 12.11.2022).

заклучения. Также эта норма должна была обеспечиваться и совместным перекрестным участием представителей разных держав в работе комитетов. Также в Лондоне были созданы несколько комитетов и подкомитетов, в том числе комитет по изучению вопроса о нарушении Германией международных договоров и соглашений, комитет по составлению правил процедуры (то есть регламента), комитет по составлению обвинительного заключения, документальный комитет и др.

На бумаге работа комитетов распределялась среди всех участников процесса, однако подлинное сотрудничество не соответствовало принципам, закрепленным в положениях Устава. Оно на деле было непростым. Например, некоторые делегации (например, Франции) не всегда участвовали в объединенной работе из-за нехватки кадров¹. Некоторые комитеты де-факто никогда не собирались или собрались только один раз². Примером трудностей в сотрудничестве обвинителей разных стран можно назвать и недостигнутую договоренность между СССР и Америкой по представлению документальных доказательств. Руденко было поручено договориться с Джексоном о том, чтобы документы, касающиеся СССР, не оглашались американскими обвинителями, а были предоставлены для использования в процессе главным обвинителем от СССР. Однако добиться этого не удалось³. Кроме того, американские и британские прокуроры в процессе подготовки к разбирательству выходили за рамки обозначенных для них пунктов, занимаясь не только сбором доказательств по заговору и преступлениям против мира. Они «посвятили значительную часть своих заявлений в суде доказательствам, которые действительно касались пунктов 3 [военные преступления] и 4 [преступления против человечности]»⁴.

Сотрудничество судей в вынесении вердикта было хорошим. Каждый имел равное право голоса. Несмотря на возникающие разногласия, они придерживались своей цели, которая заключалась в вынесении вердикта. Были спорные моменты в вопросе о том, какие организации объявляются преступными, и в наказании обвиняемых. Следует подчеркнуть, что советский судья И.Т. Никиченко просил о максимально суровом наказании, де Вабр почти всегда формулировал мягкий приговор. Поскольку Устав Трибунала требовал большинства в три голоса для вынесения обвинительного приговора, это, естественно, привело к всеобщей договоренности. Из 22 об-

¹ К примеру, главный прокурор США Р. Джексон руководил примерно 1700 сотрудниками и имел самый большой штат, освоивший основную работу Нюрнбергского процесса.

² Die Zusammenarbeit der Alliierten während des Nürnberger Hauptprozesses.

³ Лебедева Н.С. Указ. соч.

⁴ Die Zusammenarbeit der Alliierten während des Nürnberger Hauptprozesses.

виняемых 12 были приговорены к повешению. Один из них – Г. Геринг – принял яд накануне казни. Трое приговорены к пожизненному заключению, четверо – к длительным срокам тюремного заключения. Трое оправданы. Только в случае с оправданными на процессе соглашения между судьями не было достигнуто¹. В результате советским судьей было составлено особое мнение, в котором И.Т. Никитченко изложил свое несогласие по делам Шахта, Папена, Фризше, пожизненным осуждением Гесса, а также Генерального штаба, Верховного командования вермахта и имперского кабинета².

С 30 сентября по 1 октября 1946 г. был оглашен приговор вместе с особым мнением. Это был том из 209 печатных страниц. Чтение длилось полтора дня.

Несмотря на разногласия, которых, к сожалению, не удалось избежать союзникам при проведении Нюрнбергского трибунала, следует признать, что состоявшийся процесс – это яркий показатель международной солидарности в борьбе с нацизмом. Этот исторический прецедент стал важной вехой в истории международного уголовного права и человечества в целом.

Информация об авторах

Information about the Authors

Тулупова Елена Олеговна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
государства и права
Института права;

Tulupova Elena Olegovna –
Candidate of Sciences (Law),
Assistant Professor of the Chair of
Theory of State and Law, Institute of
Law;

Демидова Татьяна Константиновна –
кандидат политических наук, до-
цент кафедры международного
права и международных отношений
Института права;

Demidova Tatyana Konstantinovna –
Candidate of Sciences (Politics),
Assistant Professor of the Chair of
International Law and International
Relations, Institute of Law;

¹ Сидоров Д. «Смерть!» – шептали осужденные. Приговор суда потряс даже тех, кто был к нему готов [Электронный ресурс]. URL: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20211001/270335/Smert--sheptali-osuzhdennye.html?ysclid=lafioodz16139859138/> (дата обращения: 12.11.2022).

² Приговор Нюрнбергского трибунала. Особое мнение советского судьи [Электронный ресурс]. URL: <https://spandau-prison.com/prigovor-njurnbergskogo-tribunala-osoboe-mnenie-sovetskogo-sudi/?ysclid=lafibppbu5566108405> (дата обращения: 12.11.2022).

Васильев Александр Викторович –
кандидат политических наук,
доцент кафедры теории государст-
ва и права Института права;

Vasiliev Alexander Viktorovich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Theory of
State and Law, Institute of Law;

Юсупова Розалия Римовна –
кандидат филологических наук,
доцент кафедры международного
права и международных отношений
Института права

Yusupova Rosalia Rimovna –
Candidate of Sciences (Philology),
Assistant Professor of the Chair of
International Law and International
Relations , Institute of Law

Статья поступила в редакцию 12.10.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 13.11.2022.

The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 13.11.2022.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Научная статья

УДК 343

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.14

Полстовалов Олег Владимирович^{1, 2, 3}

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

²АНО «Экспертно-координационный центр комиссии Государственного Совета Российской Федерации» (наука), Москва, Россия

³Polstovalov74@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация: Электронные технологии проникают во все сферы жизнедеятельности людей. Не остается в стороне и правоприменительная практика. С учетом тех возможностей, которыми обладают новые технологии, искусственный интеллект и математическое моделирование могут оказать большую помощь не только при расследовании и раскрытии преступлений, но и в криминалистической их профилактике.

Ключевые слова: юридическая наука, искусственный интеллект, криминалистика, математическое моделирование, расследование преступлений

Для цитирования: Полстовалов О.В. Искусственный интеллект и рационализация правоприменительной практики в криминалистическом измерении / О.В. Полстовалов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 119–125. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.14.

Original article

Polstovalov Oleg Vladimirovich^{1, 2, 3}

¹Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

²ANO «Expert Coordination Center of the State Council Commission of the Russian Federation» (Science), Moscow, Russia

³Polstovalov74@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND RATIONALIZATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE CRIMINALISTIC DIMENSION

Abstract: Electronic technologies penetrate into all spheres of our life. Law enforcement practice does not stand aside. The great potential of new technologies, artificial intelligence and mathematical modeling can help not only in the crime investigation and detection, but also in the forensic prevention of crime.

Keywords: legal science, artificial intelligence, criminalistics, mathematical modeling, investigation of crimes

For citation: Polstovalov O.V. Artificial Intelligence and Rationalization of Law Enforcement Practice in the Criminalistic Dimension. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 119–125. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.14. (In Russian).

Юридическая наука находится на периферии государственной поддержки, поскольку современная ситуация в мире определяет куда более значимые вызовы перед фундаментальными и поисковыми исследованиями. Это логично, и нет смысла оспаривать очевидное, доказывая, что «мы, юристы, тоже ученые».

Однако современная правоприменительная, нормотворческая практика безотносительно к отраслевой принадлежности может быть измерена с точки зрения простой рациональности здравого смысла. И здесь особое место должно быть отведено искусственному интеллекту.

Искусственный интеллект позволит решить следующие задачи:

1) сократить сроки, рационализировать порядок и процедуры, связанные с законотворчеством и юридической практикой, трансформируя содержание и меняя под это форму;

2) оптимизировать законотворческую и правоприменительную деятельность на сложившейся системе категориального аппарата с устранением существующих противоречий устаревшей и порой эклектичной нормативной базы, судебной и иной правоприменительной практики (отказ от двойных стандартов в строгом соответствии с заявленными целями, выверенная терминология);

3) разработать более узкие программные продукты, упрощающие аналитическую работу по подготовке нормативных актов, организации правоприменения по отдельным отраслям в соответствии с установленной в законодательстве иерархией ценностей без сиюминутной конъюнктуры.

Это далеко не полный перечень задач, которые позволяет решить искусственный интеллект.

Однако одним из побочных эффектов, который усматривается достаточно отчетливо, выступает сокращение усилий государственного, муниципального и квазигосударственного, квазимunicipального аппаратов по выполнению возложенных на них функций. Как следствие, самое неудобное в этой ситуации – сокращение штатной численности государственных и муниципальных служащих, сотрудников подведомственных учреждений, а на более высоком уровне – необходимость оптимизации структуры правительственных учреждений сообразно новым реалиям и объективному анализу.

Криминалистика всегда была наукой здравого смысла, но порой она закапывалась в собственные теории, не готовая к радикальным переменам. Здоровый консерватизм для криминалистики, безусловно, всякий раз выполнял функцию маркера зрелости того или иного рационализаторского предложения, под которое не сформировались необходимые условия, а фактическое положение дел и существующие правовые традиции, по сути, этим благим намерениям «вымостили дорогу в ад». Так было, например, с криминалистической рационализацией российского варианта сделок с правосудием, к которой автору этих строк тоже довелось приложить руку. В этом искренне раскаиваюсь, поскольку, расширив формат оперативного сопровождения, подобная «общая практика» стала основой произвольной квалификации, волюнтаризма при избрании меры пресечения, связанной с максимальным ограничением свободы и не связанной с таковым, прочих условий «сделки» в обмен на признание вины в преступлении. При этом порой на такое «признание в содеянном» соглашается не тот, кто действительно совершил деяние, а если он и был причастен, то не в таком объеме и (или) не в такой роли. Много хуже, когда не причастный оговаривает себя ввиду разных причин, о которых уже неоднократно писали ученые. Самое непростительное, что «тактика убеждения» такого рода реализуется в формате оперативно-разыскной деятельности и практически ничем не связана, кроме фактических перспектив уголовного преследования. Не исключено, что математическое моделирование в опоре на искусственный интеллект позволит предупредить подобные дефекты практики правоприменения, но это, как принято сейчас говорить, неточно.

Вообще математика как наука, позволяющая взвешивать риски от ошибок в рациональной правоприменительной и законотворческой практике на объективной основе, не застрахована от иррациональности элемен-

тарного непрофессионализма и непорядочности профессиональных участников уголовного судопроизводства. Другая проблема связана с тем, что математика, ставшая «языком» астрономии и ряда других точных наук, не факт, что позволит нам вывести юридическую науку и практику на качественно новый уровень по тому же сценарию. Иными словами, то, что успешно было решено в развитии ряда наук на математической основе, никак нам не позволяет в розовых очках смотреть на подобные перспективы юриспруденции в целом и криминалистики в частности.

Вместе с тем нельзя отрицать, что полученный за рубежом опыт профилактики правонарушений на основе математического расчета наиболее вероятных направлений, мест, логики приложения криминальных усилий в случае с преступностью, связанной с рациональным извлечением криминального дохода, необходимо изучать в рамках нашей отечественной науки. Впрочем, «рациональность дурака» тоже никто не отменял, поскольку, к примеру, на определенных участках дорог интенсивность аварий одна, а на других – другая. При всех отсылках к качеству дорожного полотна как одной из первопричин происходящего осмелюсь заметить, что меры по сокращению аварийности и смертности на дорогах порой опираются на монетизацию функции, а не на реальную необходимость принятия таких мер. В любом случае гипотеза о том, насколько размещение камер видеонаблюдения на дорогах, искусственных неровностей, знаков, снижающих скоростной режим, и пр. соответствует ориентирам, «собираемость штрафов» или «смертность на дорогах» (не исключено и «два в одном») требует проверки. Водитель, превышающий скорость, проезжающий на красный свет светофора, пересекающий двойную сплошную линию перед близко идущим встречным транспортом, может руководствоваться самыми разными соображениями: от главным образом иррационального лихачества до вполне себе рационального намерения во что бы то ни стало успеть на важную деловую встречу. По неосторожным преступлениям с точки зрения теории уголовного права мы говорим не о мотивах криминального посягательства, а о мотивах поведения. Вместе с тем все участки дорог имеют свою печальную историю жертв дорожно-транспортных происшествий, случающихся с той или иной степенью интенсивности. Одновременно можно подвергнуть анализу степень эффективности вводимых ограничений, иных мер контроля за дорожной ситуацией. Целесообразно установить и коэффициент корреляции дорожно-транспортных происшествий с иными, помимо поведения водителя, обстоятельствами (состояние дорожного полотна в различных природно-климатических ситуациях, «аварийность/неаварийность» дороги, техническая исправность транспортного средства, психоэмоциональное и физиологическое состояние водителя и пр.). Вот эти блоки обобщенных сведений могут быть обработаны в рамках математи-

ческого моделирования, чтобы определить наиболее рациональную форму ограничений для движения транспортных средств и размещения камер наблюдения за дорожной ситуацией.

Если «рациональность дурака» понятна применительно к неосторожным преступлениям и анатомировать подобного рода человеческую глупость сложнее ввиду того, что она сложно поддается анализу, то с умышленными преступлениями тоже не все просто. К примеру, в превышении полномочий нередко среди целенаправленных действий усматриваются отдельные поведенческие акты, которые в полной мере можно отнести к той самой «рациональности дурака». Под окрик начальства о том, чтобы завтра же подписал, поскольку сроки горят, а средства необходимо освоить, порой совершаются эти «обгоны через двойную сплошную линию» в должностной преступности. Вся должностная и коррупционная преступность в целом может быть детально проанализирована с точки зрения возможных путей совершения такого рода деяний, чтобы этим направлениям поставить эффективный заслон. В этой связи нельзя не согласиться со специалистами в этой сфере: «Использование возможностей современных информационных технологий, и прежде всего искусственного интеллекта, позволит обеспечить одно из главных условий борьбы с коррупцией и противоправным поведением должностных лиц – неотвратимость наказания для нарушителей ввиду объективности и беспристрастности технологий, в отличие от возможного субъективизма человека» [1, с. 4].

Существующие разработки в сфере мониторинга, к примеру, поведения потребителя при выборе товара, позволили внедрить оптимизированный подход к размещению продукции в торговых залах, в тех или иных рекламных уловках в максимальном приближении к предпочтениям покупателя. Весь опыт потребительского поведения на уровне обобщенных больших чисел вполне сопоставим с анализом в подобном формате преступного поведения, где также есть пропорции рационального/иррационального, предпочтение или, наоборот, игнорирование, вплоть до отторжения, и пр. Искусственный интеллект, как отмечается в литературе, в качестве программно-аппаратного комплекса обеспечивает поддержку и (или) принятие результативных решений в установленное время на основе заведомо неполной, нечеткой и не имеющей должной доказательственной базы информации в динамичной и неустойчивой среде [2, с. 754–755]. В этом и есть ключ к пониманию того, насколько рациональность или, напротив, иррациональность преступного поведения как по неосторожным, так и по умышленным деяниям может быть выявлена на основе сформировавшегося намерения либо при обобщении больших данных статистики (как в приведенном примере количества дорожно-транспортных правонарушений на определенной географии дорог вкупе с другими причинами) профилирована усилением мер контроля и ограничений.

Предлагаемый подход может спровоцировать небезосновательные возмущения по поводу ограничения гражданских свобод, поскольку программные комплексы позволят машинному оборудованию и соответствующему программному обеспечению «обучиться» наиболее рациональным способам совершения преступлений, на основе чего выработать модели минимизации рисков с криминальными посягательствами. Предвижу и такого рода увещевания: контроль и целевые модели профилактики правонарушений в формате искусственного интеллекта по расхожей сейчас чрезмерно драматизированной фразе могут загнать нас в «цифровой концлагерь». Тем не менее остановить прогресс невозможно, и обсчет вручную от двухсот и более уголовных дел по специально разработанной анкете должен уступить место большим данным и искусственному интеллекту. Если, конечно, для этого будут созданы необходимые условия и заполняемые следователем статистические карты по каждому уголовному делу не будут «вещью в себе», а станут единицами измерения в обобщенных показателях по способу и механизму, обстановке и мотиву, времени и месту совершения преступлений подобного рода. Однако нельзя сразу и безоговорочно соглашаться с исключительно конструктивным вектором внедрения искусственного интеллекта в юридическую практику в целом и криминалистическую деятельность в частности, поскольку, как отметил Д.В. Бахтеев, «опасности применения систем искусственного интеллекта могут быть вызваны одной из двух причин: ошибками самой системы или неверным ее использованием» [3, с. 277].

Искусственный интеллект и математическое моделирование на основе больших данных должно стать подспорьем в развитии практической значимости криминалистической характеристики, алгоритмизации процесса расследования и раскрытия преступлений, но, что не менее важно, в криминалистической профилактике преступлений. Однако оговорок «если» еще много, и перспективы такого подхода станут окончательно ясны по мере получения верного ответа на вопрос о применимости языка математики к рациональности преступного поведения и криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений. Это замечание касается всех без исключения направлений юридической практики.

Список источников

1. Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Е.А. Артеменко и др. ; под ред. Д.В. Крыловой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 48 с.

2. Суходолов А.П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 753–766.

3. Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург, 2022. – 504 с.

References

1. Artemenko E.A., Volkova A.M., Dolotov R.O., Krylova D.V., Mayorov A.V., Maksimenko A.A., Melnikova A.L. et al. ; Krylova D.V. (ed.). Artificial Intelligence in the Prevention of Legal Risks and Anti-Corruption. Report to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on the Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 2022. High School of Economics, 2022. 48 p.

2. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 753–766. (In Russian).

3. Bakhteev D.V. Conceptual Foundations of the Theory of Forensic Thinking and the Use of Artificial Intelligence Systems in the Investigation of Crimes. Doct. Diss. Yekaterinburg, 2022. 504 p.

Информация об авторе

Полстовалов Олег Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права, руководитель аппарата АНО «Экспертно-координационный центр комиссий Государственного Совета Российской Федерации» (наука)

Information about the Author

Polstovalov Oleg Vladimirovich – Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law, Head of the Apparatus of the ANO «Expert Coordination Center of the State Council Commission of the Russian Federation» (Science)

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 10.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

CIVIL PROCEDURE, ARBITRAL PROCEDURE

Научная статья

УДК 347.919.3

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.15

Кузнецов Евгений Николаевич

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
Corben2002@mail.ru

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье выделяются основные мировые тенденции цифровизации исполнительного производства, прошедшие апробацию на уровне национальных правовых систем. Активно использована современная доктрина исполнительного производства зарубежных стран. Сформулирован запрос на необходимость учета достижений мировой юридической общественности в контексте возможной рецепции отдельных трендов Глобального кодекса цифрового исполнения. Сформулирован вывод об ограниченном использовании возможностей цифровизации в современном российском исполнительном производстве.

Ключевые слова: исполнительное производство, цифровизация, цифровая трансформация, право на исполнение, судебный пристав-исполнитель

Для цитирования: Кузнецов Е.Н. Мировые тенденции цифровизации исполнительного производства / Е.Н. Кузнецов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 126–132. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.15.

Original article

Kuznetsov Evgeny Nikolaevich

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia,
Corben2002@mail.ru

WORLD TRENDS IN DIGITALIZATION OF THE EXECUTION PROCEEDING

Abstract. The article identifies the main world tendencies of digitalization of execution proceeding that were tested at the national legal systems level. Modern doctrine of foreign countries execution proceeding is actively used. The article formulates a request to take into account the achievements of the world legal community in the context of possible reception of individual trends of the Global Digital Enforcement Code. The conclusion is formulated about the limited use of digitalization opportunities in modern Russian execution proceeding.

Keywords: enforcement proceedings, digitalization, digital transformation, the right to enforcement, bailiff

For citation: Kuznetsov E.N. World Trends in Digitalization of the Execution Proceeding. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 126–132. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.15. (In Russian).

В современных условиях развития цифровой трансформации различных сфер жизнедеятельности чрезвычайно важным является внедрение в национальную правовую систему таких инструментов цифровизации, которые позволят вывести правовые институты, применимые к регулированию конкретных правоотношений, на принципиально новый по качеству уровень.

Здесь также следует учитывать, что развитие права на национальном уровне не может не принимать во внимание международные тенденции развития права, которые фактически носят объективный характер и не зависят, по большому счету, от воли законодателя конкретной страны в части их функционирования и развития.

Говоря о цифровизации (digitalization), или, используя модный термин, о цифровой трансформации, нельзя не отметить, что в настоящее время она стала глобальным явлением, таким трендом, который меняет всю деятельность человека. В данной связи Международным союзом судебных исполнителей был разработан Глобальный кодекс цифрового исполнения, представленный на XXIV Конгрессе Международного союза судебных исполнителей в Дубае (22–25 ноября 2021 г.). Глобальный кодекс цифрового исполне-

ния подготовлен в целях выработки универсальных принципов принудительного исполнения в будущем (общих принципов цифрового правоприменения), позволяющих структурировать процедуры исполнения, модернизировать их и адаптировать к экономической и социальной ситуации (в глобальном масштабе). Данные принципы могут быть интегрированы в национальные правовые системы, чтобы легитимизировать применение цифровых технологий при исполнении судебных актов.

К мировым тенденциям цифровизации исполнительного производства на современном этапе можно отнести следующие аспекты, каждый из которых возник в силу объективной потребности цифровой трансформации деятельности по отправлению правосудия и по принудительному исполнению исполнительных документов в условиях COVID-19 и был отработан на национальном уровне в том или ином государстве. Важным здесь является также понимание того, что цифровая трансформация исполнительного производства не должна привести к усложнению получения соответствующей услуги ее пользователями по сравнению с процедурой судебной защиты, независимо от модели принудительного исполнения (государственная, внебюджетная или смешанная).

1. Цифровизация судопроизводства как отправная точка для развития цифрового исполнительного производства, включая вопросы применения искусственного интеллекта, максимальной транспарентности правосудия через прямые трансляции судебных заседаний в открытом доступе и т. д.

2. Обмен письмами по электронной почте без безопасного подключения (Германия) и уведомление по сертифицированной электронной почте (Испания).

3. Внедрение электронного исполнительного документа, развитие системы информатизации деятельности судебных исполнителей, уведомление сторон по SMS, арест на имущество и денежные средства на счетах в банках в режиме онлайн, оплата долгов в режиме реального времени через Интернет (Казахстан).

4. Применение систем видео-конференц-связи в исполнительном производстве (Люксембург).

5. Поиск и использование электронной информации о должнике в исполнительном производстве (Болгария).

6. Ускорение внедрения системы электронной подписи в судопроизводстве и принудительном исполнении (Румыния, Доминиканская Республика, Аргентина), которая дает более быстрый доступ к специально созданным платформам для осуществления исполнительных процедур (например, платформа для проведения электронных аукционов).

7. Расширение возможностей использования электронной подписи при совершении процессуальных действий по признанию и принудительному исполнению решений иностранных судов.

8. Разработка и внедрение правового регламента использования электронной печати как квалифицированного элемента подтверждения достоверности электронного документа.

9. Использование в контексте исполнительного производства мессенджеров, цифровизация любого взаимодействия с судебным исполнителем (Аргентина, Бразилия).

10. Поиск способов отслеживания движения денежных средств на счетах в банках в режиме онлайн (Молдова).

11. Развитие системы взаимодействия электронных программных продуктов судов, судебных исполнителей, банков с участниками исполнительного производства (Румыния).

12. Внедрение виртуальных исполнительных процедур, где не требуется физическое присутствие судебного исполнителя (Великобритания).

13. Расширение возможностей цифрового доступа к государственным реестрам для поиска имущества должника (Греция).

14. Создание общенациональной электронной системы взаимодействия в исполнительном производстве, в том числе для поиска информации о должнике и его имуществе (Бельгия, Таиланд).

15. Формирование сетевой поисковой системы, которая может использоваться для обнаружения 11 видов имущества ответчиков, включая банковские депозиты, автомобили, акции, ценные бумаги, коммерческие страховки, удостоверения личности и др. (Китай).

16. Электронное извещение в исполнительном производстве, обсуждение возможности ввести обязательное электронное извещение перед арестом денежных средств на счетах в банках (Франция); внедрение и развитие упрощенной процедуры взыскания небольших долгов (до 5000 евро), когда взыскатель напрямую обращается к судебному исполнителю, выдающему исполнительный документ, а взаимодействие участников процедуры осуществляется в электронной форме.

17. Использование баз данных для взыскания неоспоримых долгов, управляемых цифровым способом с помощью технологии блокчейна и искусственного интеллекта, включая возможность автоматического контроля системой фактического процесса возврата неоспоримых денежных долгов и автоматического прекращения исполнительного производства (Бельгия).

18. Обсуждение возможностей и границ применения искусственного интеллекта в принудительном исполнении (например, внедрение электронного контроля за соблюдением правил функционирования чат-ботов с авто-

матическим взысканием штрафа в размере 6 % от суммы сделки, совершенной с их участием (смарт-контракты), за несоблюдение установленных регламентов).

19. Решение проблем «призрачных долгов» (это несуществующий долг, «с которым все еще обращаются так, как если бы он существовал»; категория разработана в американском законодательстве для определения долга, который формально-юридически не существует, однако представляет экономическую ценность и по данной причине может быть предметом сделок коллекторов) и «призрачных должников» (это должники, которые являются реально существующими физическими или юридическими лицами, но которых сложно найти, поскольку они скрываются за завесой публичного блокчейна или под прикрытием закрытого ключа); выведение криптовалют за рамки «призрачных долгов» и их оценка как реальных и ценных активов; создание такой системы, при которой должнику должно быть настолько сложно скрываться самому или скрывать свои цифровые активы, чтобы исключить их возможный статус «призрачных должников», насколько это возможно в интересах справедливого и законного судебного исполнения.

20. Применение на различных этапах исполнительного производства новых технологий, например: использование беспилотных летательных аппаратов для проверки периметра недвижимости должника с целью обнаружения ценного имущества (автомобили и т. п.); создание виртуальных туров по изъятым объектам недвижимого имущества, когда судебный исполнитель отправляется на объект, фотографирует его с помощью камеры 360 ° и описывает во всех деталях (правильная идентификация активов для продажи позволит добиться большего успеха в электронных аукционных продажах, оказывая чрезвычайную помощь в изложении фактов).

21. Расширение применения смарт-контрактов как самоисполняющихся компьютерных программ, которые могут иметь юридические последствия. Смарт-контракты могут быть использованы для исполнения ранее существовавшего юридически обязательного контракта, они также могут быть использованы судебным исполнителем в рамках исполнения юридических обязательств должника по отношению к кредитору. Смарт-контракт работает на блокчейне, что означает, что его применение полностью автоматизировано, то есть регулируется алгоритмами, и что его применение приводит к неизменяемой транзакции.

22. Создание электронных баз активов должников, а также формирование в электронном виде списка недобросовестных должников (Китай), нахождение в котором может снизить репутацию должника в обществе и призывает его как можно скорее исполнить вступившее в силу решение суда. Ограничение для должников возможностей приобретения авиа- и железно-

дорожных билетов высокого уровня комфортности, покупки автомобилей и получения на них государственных регистрационных знаков, получения кредитов в банках рассматриваются в Китае как условия формирования совместной кредитной дисциплины.

23. Внедрение механизмов продажи арестованных активов через электронные аукционы, управляемых онлайн посредством электронных платформ. Это обусловлено такими преимуществами, как возможность получения лучшей цены от продажи имущества, сокращение продолжительности процедур, прозрачность процесса продажи и устранение коррупционных факторов в торговле. Электронные продажи всегда регистрируются, на платформе публикуются объявления, которые нельзя изменить, что предотвращает нарушения со стороны аукциониста, деятельность которого можно контролировать. Единственное взаимодействие между участниками торгов и аукционистом во время тендера является электронным (например, посредством SMS или активного чата во время продажи), все сообщения записываются. Так, в Чили существует министерская платформа для рекламы и регистрации участника торгов. Аукционы проводятся с помощью программы Zoom путем доступа к ним в день и время, установленные с помощью учетных данных, опубликованных в уведомлении о продаже. Аукционист проверяет, что те участники, которые подключились во время аукциона, имеют право на участие в торгах; сами торги проходят устно во время онлайн-соединения. Можно сделать вывод, что общей целью онлайн-аукционов является повышение эффективности и качества исполнительного производства в интересах кредиторов и должников.

Развитие исполнительного производства в контексте мировых тенденций цифровой трансформации является объективным процессом, который так или иначе будет реализован в национальной правовой системе. Применительно к России вряд ли стоит ожидать в ближайшее время возможности активного применения искусственного интеллекта или внедрения относительно автономной системы электронных аукционов арестованного имущества, но ряд аспектов цифровизации уже осуществляется (расширение применения электронной подписи в исполнительном производстве, распространение электронных исполнительных документов, направление их судом непосредственно в органы принудительного исполнения и т. д.). Предстоящие изменения в исполнительном производстве должны быть предопределены важнейшей целью – сделать исполнительное производство более эффективным и отвечающим требованиям времени, а это, в свою очередь, невозможно при игнорировании международных тенденций развития процессуального права (в контексте исполнительного производства).

Информация об авторе

Кузнецов Евгений Николаевич –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
процесса

Information about the Author

Kuznetsov Evgeny Nikolaevich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Civil
Procedure

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья

УДК 347

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.16

Семёнова Елена Юрьевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, elena-127@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ЮРИДИЧЕСКИМИ КЛИНИКАМИ

Аннотация. Статья посвящена особенностям оказания юридическими клиниками правовой помощи. Особое внимание обращается на виды оказываемой помощи. На основе исследования автором определяется возможность осуществления представительства студентами – консультантами юридических клиник. Рассматриваются требования, предъявляемые законодательством к обучающимся, оказывающим бесплатную юридическую помощь. Делается вывод о том, что юридические клиники активно действуют в направлении повышения правовой компетентности и правового развития молодежи, пенсионеров и других членов общества.

Ключевые слова: юридическая клиника, студент-консультант, правовое консультирование, представительство в суде, правовое информирование

Для цитирования: Семёнова Е.Ю. Особенности оказания бесплатной правовой помощи юридическими клиниками / Е.Ю. Семёнова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 133–138. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.16.

Original article

Semenova Elena Yurievna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, elena-127@mail.ru

SPECIAL ASPECTS OF PROVIDING FREE LEGAL ASSISTANCE BY LEGAL CLINICS

Abstract. The article deals with the peculiarities of providing legal assistance by legal clinics. Special attention is paid to the types of assistance provided. Based on the study the author determines the possibility of student –consultants’

representation in legal clinics. The legal requirements for students providing free legal assistance are being considered. It is concluded that legal clinics actively improve the legal competence and legal development of young people, pensioners and other members of society.

Keywords: legal clinic, student-consultant, legal advice, court representation, legal information.

For citation: Semenova E.Yu. Special Aspects of Providing Free Legal Assistance by Legal Clinics. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4, pp. 133–138. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.16. (In Russian).

Бесплатная юридическая помощь может быть оказана как в рамках государственной, так и негосударственной систем оказания юридической помощи. Оказание правовой помощи юридическими клиниками относится к негосударственной системе оказания бесплатной юридической помощи.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324 «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 324) «образовательные организации высшего образования для реализации целей, указанных в части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи могут создавать юридические клиники». Как видно из приведенной статьи, одной из основных целей создания юридической клиники при образовательных организациях высшего образования является формирование у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи.

Согласно ч. 4 ст. 23 Федерального закона № 324 юридические клиники могут оказывать бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера. Ничего о возможности осуществления представительства юридическими клиниками не сказано. Хотя для государственной системы оказания бесплатной юридической помощи такой вид оказания правовой помощи, как представительство, возможен.

Если посмотреть на статистику гражданских дел, то дела, в которых не принимал участия представитель, в более 50 % случаев проигрываются.

¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324 (с изм. и доп. от 28.06.2022 № 215-ФЗ) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2022).

В основном ошибки совершаются на этапе судебного заседания: истец или не может ясно выразить свои требования, или собрать нужную законодательную базу для защиты своих прав. Данные проблемы как раз и решают клиницисты в процессе своей работы. В поиске нового опыта они на бесплатной основе помогают нуждающимся в их помощи.

Невозможно оценить тот вклад, который вносит каждый студент-консультант на протяжении своей работы. Сбор нужной информации, подбор законодательной базы, нахождение прецедентов индивидуально для каждого клиента – сложный и кропотливый труд, особенно для студентов, не имеющих опыта, и конечно, всю эту работу студент-клиницист проводит под руководством преподавателя-куратора, с которым обсуждаются особенности работы с делом клиента. Ну и для студента это возможность отработать на практике навык представительства.

Но иногда граждане обращаются в юридическую клинику именно за представительством в суде, а так как консультантам по Федеральному закону № 324 нельзя представлять интересы клиента в суде, то обратившемуся в клинику гражданину приходится отказывать в помощи.

Конечно, участие консультантов в судебном процессе положительно скажется на клиентах, и для самих клиницистов такая деятельность будет нужной. Древнегреческий философ Протагор говорил: «Теория без практики (упражнения) и практика без теории есть ничто». Чтобы улучшать свои навыки защиты клиента, нужно пройти с ним весь путь судебного производства. Каждое подобное дело, безусловно, будет повышать квалификацию любого практикующего юриста, о чем пишет Е.А. Алексеева [1].

Таким образом, студентам приходится искать опыт в других организациях, которые готовы взять на себя обязанность обучать азам представительства. Для решения данной проблемы целесообразно организовать для студентов юридических клиник системные присутствия на судебных заседаниях, чтобы они наглядно видели, как представитель выстраивает диалог с участниками судебного процесса.

Также надо отметить зарубежный опыт. К примеру, в некоторых юридических клиниках Великобритании разрешено судебное представительство. У студентов-юристов Кентского университета есть возможность под пристальным наблюдением квалифицированных юристов вести дела от имени клиентов. Они могут углублять и расширять свои знания в области права посредством опыта работы с «живыми» делами и путем структурированного анализа этой юридической практики.

Учитывать надо и тот факт, что возможность представительства в суде студентами – консультантами юридических клиник не противоречит действующему гражданскому процессуальному законодательству. Так, в соответ-

ствии со ст. 49 ГПК РФ представителями в суде могут быть дееспособные лица, у которых должным образом оформлены полномочия на ведение дела. Высшее юридическое образование у представителя необходимо, кроме дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами. Соответственно, студенты – консультанты юридических клиник под эти требования подходят и представителями по делам, рассматриваемым мировыми судьями и районными судами, быть могут.

Есть еще одна особенность оказания бесплатной правовой помощи юридическими клиниками, установленная действующим законодательством. Она касается квалификационных требований, предъявляемых к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь. По общему правилу, лица, оказывающие бесплатную правовую помощь, должны иметь высшее юридическое образование. А в оказании бесплатной юридической помощи правовыми клиниками активное участие принимают студенты, обучающиеся по юридической специальности. И поэтому здесь есть обязательное условие – контроль со стороны лиц, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение студентов и работу юридической клиники вуза. В качестве таких лиц выступают преподаватели – кураторы юридической клиники, ее руководители. Именно они контролируют работу студентов-клиницистов, согласовывают документы, составляемые ими, помогают в принятии решений по делам, находящимся в работе клиники.

Последние изменения, внесенные в Федеральный закон № 324 в июне 2022 г., добавили еще одно условие для оказания бесплатной правовой помощи юридическими клиниками. Оно касается студентов, принимающих участие в работе клиники. В соответствии с этими изменениями в оказании бесплатной правовой помощи могут участвовать лица, обучающиеся по юридической специальности не менее половины срока получения образования, не имеющие академической задолженности. На наш взгляд, это правильно, так как именно после половины срока обучения в вузе студенты прошли теоретический курс по тем дисциплинам (или начали проходить), которые им необходимы во время работы в клинике, и уже имеют представление о работе юриста в целом.

Можно отметить еще одну особенность работы юридических клиник – участие в правовом информировании населения. Правовое просвещение населения является одной из целей создания юридических клиник в вузах. Граждане, обратившиеся за помощью в юридическую клинику, приобретают правовые знания путем получения информации правового характера, которую им преподносят студенты-консультанты как единолично, так и посоветовавшись с координирующими их работу преподавателями. В результате такого общения возрастает правовая осведомленность граждан.

Повышение правовой грамотности населения осуществляется не только при непосредственном посещении гражданами юридической клиники, но и за ее пределами, когда осуществляются выездные юридические консультации. Также следует отметить, что решение некоторых легких вопросов можно найти на официальных сайтах юридических клиник, что является доступным способом правильного правового просвещения.

Для того чтобы юридические клиники оказывали большее влияние на повышение правовой грамотности населения, мы предлагаем следующий вариант оказания юридической консультации и увеличения правового просвещения граждан. Поскольку юридическая помощь в большей степени оказывается пенсионерам и малоимущим, а молодежь остается в стороне от юридического просвещения, мы предлагаем проводить мероприятия в школах, лицеях, гимназиях в виде консультаций, лекций-бесед, дискуссий по легким правовым вопросам, а также посвященные системе законодательства и судебной системе Российской Федерации.

Существует реальная практика такой деятельности. Например, студентами – консультантами Юридической клиники Института права Уфимского университета науки и технологий в гимназиях и школах периодически проводятся развивающие тренинги на темы: «Юридическое консультирование», «Что такое коррупция? Методы противодействия» и др. В период пандемии такие тренинги проводились в онлайн-формате. Подобные мероприятия способствуют развитию у обучающихся ориентированности в самых базовых нормативных правовых актах (например, в Конституции РФ), а также укреплению знаний и у самих студентов-консультантов, повышению качества их юридической речи.

Юридическая клиника как участник негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи имеет свои особенности, отличающие ее от субъектов государственной системы. Чтобы вузы выпускали юристов, готовых и способных работать сразу после окончания вуза, которых не пугают «сложные» клиенты и которые умеют грамотно выстроить свою речь в суде, необходимо обеспечить в учебном процессе качественное клиническое образование, позволяющие освоить наибольшее количество практических навыков.

Список источников

1. Алексеева Е.А. Проблемы формирования навыков устной коммуникации студентов-юристов в рамках многоуровневой системы образования / Е.А. Алексеева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 2 (61). – С. 38–40.

References

1. Alexeeva Y.A. Problems of Building Law Students' Oral Communication Skills within the Multilevel System of Education. *Psihopedagogika v pravoohranytel'nyh organah = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2015, no. 2 (61), pp. 38–40. (In Russian).

Информация об авторе

Семёнова Елена Юрьевна –
старший преподаватель кафедры
гражданского процесса
Института права

Information about the Author

Semenova Elena Yurievna –
Senior Instructor of the Chair of Civil
Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 04.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 04.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 05.12.2022.